

**Ольга Евгеньевна Голосова
Дарья И. Болотина
«Рече Господь...» Толкования
на Евангельские притчи
Серия «Свет Христов просвещает всех»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071431

*«Рече Господь...» Толкования на Евангельские притчи : [сборник] / [сост. : О. Е. Голосова, Д. И. Болотина]: Лепта Книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-91173-247-9*

Аннотация

Одно из вероучительных сокровищ христианства – притчи, произнесенные Христом перед апостолами и народом. Спаситель излагал Свое учение в форме иносказательных историй по нескольким причинам. Во-первых, Он говорил о глубоких духовных истинах, постичь которые было не легко Его слушателям. А конкретный и яркий рассказ, почерпнутый из жизни, мог запомниться на многие годы, и человек, старающийся понять смысл этого рассказа, мог размышлять о нем, углубляться в его содержание и, таким образом, постепенно понять скрытую в нем мудрость. Во-вторых, притчи имеют то преимущество перед прямым поучением, что они не только содержат в себе общий Божественный закон, но и демонстрируют его применимость в реальной, повседневной человеческой жизни. И, наконец, в-третьих, люди, не вполне понимающие учение Спасителя, могли бы по своему перетолковать его, распространяя его в искаженном виде. Притчи же сохраняли чистоту учения Христова.

Мы предлагаем в уникальное издание, в котором под одной обложкой собраны наиболее авторитетные толкования всех притч Спасителя, от святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова, блж. Феофилакта Болгарского до таких выдающихся проповедников XX столетия, как свт. Лука Крымский и архиеп. Аверкий (Таушев).

Содержание

Притча о сеятеле	6
Свт. Григорий Двоеслов (по св. евангелисту Луке)	8
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)	10
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Марку)	12
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Луке)	14
Феофан Керамевс (по св. евангелисту Луке)	15
Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)	19
Свт. Василий (Кинешемский) (по св. евангелисту Марку)	22
Архиеп. Аверкий (Таушев) (по всем евангелистам сразу)	30
Архим. Иоанн (Крестьянкин) (по св. евангелисту Марку)	32
Архим. Кирилл (Павлов) (по св. евангелисту Луке)	37
Притча о плевелах	40
Свт. Иоанн Златоуст	41
Блж. Феофилакт Болгарский	43
Свт. Филарет Московский	44
А. П. Лопухин	48
Свт. Лука Исповедник (Войно-Ясенецкий)	49
Архиеп. Аверкий (Таушев)	50
Прот. Виктор Потапов	51
Притча о горчичном зерне	53
Блж. Иероним Стридонский (по св. евангелисту Матфею)	54
Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)	56
Евфимий Зигабен (по св. евангелисту Матфею)	57
Свт. Василий Кинешемский (по св. евангелисту Марку)	58
Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)	59
Еп. Мефодий (Кульман) (по св. евангелисту Матфею)	60
Митр. Антоний Сурожский	61
Прот. Димитрий Смирнов (по всем евангелистам сразу)	62
Притча о закваске	64
Свт. Иоанн Златоуст	65
Свт. Афанасий Александрийский	67
Блж. Иероним Стридонский	68
Б. И. Гладков	69
Еп. Мефодий (Кульман)	71
Архиеп. Аверкий (Таушев)	72
Прот. Димитрий Смирнов	73
Притча о сокровище, скрытом в поле	74
Свт. Григорий Двоеслов	75
Блж. Иероним Стридонский	76
Блж. Феофилакт Болгарский	77
Евфимий Зигабен	78
Свт. Филарет Московский	79
Б. И. Гладков	81
Еп. Мефодий (Кульман)	82

Притча о купце и жемчужине	84
Свт. Иоанн Златоуст	85
Свт. Григорий Двоеслов	86
Блж. Иероним Стридонский	87
Блж. Феофилакт Болгарский	88
Евфимий Зигабен	89
Еп. Мефодий (Кульман)	90
Притча о неводе, закинутом в море	91
Свт. Григорий Двоеслов	92
Блж. Иероним Стридонский	94
Блж. Феофилакт Болгарский	95
Евфимий Зигабен	96
Б. И. Гладков	97
Свт. Лука Исповедник (Войно-Ясенецкий)	98
Еп. Мефодий (Кульман)	99
Архиеп. Аверкий (Таушев)	101
Притча о немилосердном должнике	102
Блж. Феофилакт Болгарский	103
Евфимий Зигабен	104
Св. прав. Иоанн Кронштадтский	106
Еп. Мефодий (Кульман)	108
Митр. Антоний Сурожский	113
Прот. Всеволод Шпиллер	114
Прот. Александр Шаргунов	116
Притча о работниках в винограднике, получивших равную плату	118
Свт. Иоанн Златоуст	119
Свт. Григорий Двоеслов	122
Свт. Кирилл Александрийский	126
Блж. Феофилакт Болгарский	128
Свт. Феофан Затворник	129
Б. И. Гладков	130
Еп. Мефодий (Кульман)	132
Архиеп. Аверкий (Таушев)	136
Притча о двух сыновьях	137
Свт. Иоанн Златоуст	138
Блж. Иероним Стридонский	143
Прп. Иоанн Дамаскин	144
Блж. Феофилакт Болгарский	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

**Рече Господь... Толкования
на Евангельские притчи
*О. Е. Голосова, Д. И. Болотина***

© «Издательство «Лепта Книга», оформление, 2011.

Притча о сеятеле

И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали. Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать (Мф. 13, 3—23).

Слушайте: вот, вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит! Когда же остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче. И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют, да не обратятся, и прощены будут им грехи. И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи? Сеятель слово сеет. Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их. Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода. А посеянное на доброй земле

означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат (Мк. 4, 3–20).

<...> вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не разумеют. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! (Лк. 8, 5–15).

Свт. Григорий Двоеслов (по св. евангелисту Луке)

Чтение Св. Евангелия, которое вы, возлюбленная братия, теперь только слышали, не имеет надобности в объяснении, но (имеет надобность) в увещании. Ибо того чтения, которое изъяснила Сама Истина, человеческая слабость изъяснять не берется. Но в самом этом Господнем объяснении есть, на что вы должны обратить тщательное внимание, потому что, если бы мы говорили вам, что семя есть слово, поле – мир, птицы – демоны, терния – богатство, то могло бы статься, что ваш ум усомнился бы поверить нам. Поэтому-то и благоволил тот же Господь лично изъяснить то, что говорил <...> Ибо кто когда поверил бы мне, если бы я захотел терния объяснять богатством, особенно, когда те укалывают, а эти услаждают? – И однако же (богатства) суть терния, потому что укалываниями своих помыслов мучат дух, а когда доводят до греха, тогда окрывают, как бы нанесенною ранюю. <...> Но истинное богатство есть то, которое обогащает нас добродетелями. Итак, возлюбленная братия, если вы желаете быть богатыми, то любите истинное богатство. <...>

Слова Господни, принимаемые слухом, удерживайте в уме. Ибо Слово Божие есть пища ума. И как бы принятая пища, при изнеможении желудка, выбрасывается вон, когда слышанное слово не удерживается в желудке памяти. Но кто пищи не удерживает, того жизнь действительно в опасности. Итак, страшитесь опасности вечной смерти, если вы, хотя и принимаете пищу святого увещания, но не удерживаете в памяти слов жизни, т. е. пищи для оправдания. <...> Итак, старайтесь, чтобы принятое слово пребывало в ухе сердца. Старайтесь, дабы семя не падало при пути, дабы не приходил злой дух и не уносил слова из памяти. Старайтесь, дабы семя принимала не каменистая земля и не произращала плода доброго дела без укоренившихся корней. Ибо многим нравится то, что они слушают: они предполагают начало доброго дела, но как только начнут подвергаться несчастьям, тотчас оставляют начатое. Итак, каменистая земля не имела влаги, она не довела до плода постоянства того, что произрастила. Ибо многие, когда слушают против скупости, тогда осуждают эту самую скупость, хвалят презрение всех вещей, но как только душа их увидит то, к чему имеет сильное пожелание, тотчас забывает о том, что хвалила. Многие, когда слушают слово против похотливости, не только не желают творить осквернений плоти, но и краснеют за те, которые совершили, но как только является на глаза их вид плоти, тотчас ум увлекается к пожеланию так, как будто бы им доселе еще ничего не было решено против этих самых пожеланий, – и делает такие преступления, о которых помнит, что он решил и сам осудил. Часто также мы сокрушаемся о проступках; и однако же, после сокрушения, возвращаемся к тем же самым проступкам. <...>

Но надобно заметить, что Господь в Своем изъяснении говорит, что заботы, богатство и сласти житейские заглушают слово. Заглушают потому, что своими неблагоприятными помыслами захватывают горло ума, и когда не позволяют входить в сердце доброму желанию, тогда как бы убивают вход жизненного дыхания. Надобно заметить еще, что к богатству Он присоединяет два (препятствия), – именно: заботы и сласти житейские, потому что сии действительно и стесняют дух заботливостью, и производят необузданность избытком. <...>

Но добрая земля возвращает плод *терпением* именно потому, что совершаемые нами добрые дела ничтожны, если мы не равнодушно еще переносим пороки ближних. Ибо чем выше кто взошел на степень совершенства, тем более он находит в мире сем того, что с трудом переносить должно, потому что, когда любовь нашего сердца отрешается от настоящего века, тогда возрастает несчастье со стороны того же самого века. Ибо от этого-то и происходит, что мы видим многих, делающих добро, и однако же тяготящихся под тяжким игом напастей. Ибо, хотя они уже бегают земных пожеланий, однако же биемы бывают жесто-

чайшими ударами. Но, по слову Господню, они приносят плод в терпении, потому что если они смиренно приемлют удары, то после ударов принимаются в небесное успокоение. Так виноград истоптывается ступнями и превращается во вкусное вино. <...> Итак, кто желает совершенно победить пороки, тот должен стараться со смирением переносить удары своего очищения, чтобы после тем чище предстать пред Судию, чем более ныне огонь бедствия очищает его ржавчину.

<...> Был некто, по имени Сервул, которого многие из вас вместе со мною знали, бедный вещами, богатый заслугами, продолжительная болезнь которого состояла в расслаблении. <...> Для прислуги ему находилась при нем мать с братом, и что только мог он получать от милостыни, то руками их раздавал бедным. Грамоты он вовсе не знал, но купил себе книги Св. Писания, и в больнице, принимая некоторых набожных людей, заставлял их читать непрестанно перед собою. И случилось то, что он, по мере своей, вполне изучил Св. Писание, тогда как совсем, как я сказал, не знал грамоты. В болезни он всегда старался благодарить Бога, возносить песнопения и хвалы Ему в продолжение дней и ночей. <...> И когда пел с ними и сам умирающий, тогда он вдруг остановил голоса поющих, со страхом великого вопля говоря: «Молчите! Разве вы не слышите, какие хвалы воспевают на небе?» Когда же он устремил ухо сердца к этим самым хвалам, которые слышал внутренне, тогда эта святая душа отрешилась от тела. Но при исходе ее там разлилось такое благоухание, что все, там бывшие, наполнились неоценимою приятностью так, что по этому явно признали, что хвалы приняли ее на небе. <...> Вот какой кончиной вышел из этой жизни тот, кто равнодушно перенес удары в настоящей жизни! Итак, по глаголу Господню, в терпении произрастает плод добрая земля, которая, будучи вспахана сохою учения, достигает жатвы воздаяния. Но прошу вас, возлюбленная братия, обратите внимание на то, какое извинение на оном праведном суде будем иметь мы, которые, будучи ленивы на добрые дела, имеем и вещи, и руки, если бедный и безрукий исполнил заповеди Господни! <...> Вы, братия, делайте вот что сами с собою: так поощряйте себя к доброму деланию, чтобы, кого только из добрых вы предназначаете себе для подражания, иметь вам возможность тогда быть и соучастниками его.

Григорий Великий Двоеслов, свт. Сорок бесед на Евангелия // Библиотека отцов и учителей Церкви. Т. VII. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения. М: «Паломник», 1999.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)

Господь сел в лодку, чтобы ко всем слушателям стоять лицом и чтобы все слышали Его. И с моря уловляет Он тех, кто находится на земле.

Простому народу на горе говорит без притчей, здесь же, когда перед Ним находились коварные фарисеи, говорит притчами, чтобы они, хотя бы и не понимая, поставили Ему вопрос и научились. С другой стороны, им, как недостойным, и не должно было предлагать учение без покровов, ибо не должно *бросать бисера пред свиньями*. Первой притчей говорит такой, которая делает слушателя более внимательным. Поэтому слушай!

Под сеятелем разумеет Самого Себя, а под семенем – Свое слово. Вышел же Он не в определенном месте, ибо был везде; но так как Он приблизился к нам плотью, поэтому и говорится *вышел*, разумеется – из недр Отца. Итак, Он вышел к нам, когда сами мы не могли прийти к Нему. И вышел, чтобы что сделать? Зажечь ли землю по причине множества терний или же наказать? Нет, но для того, чтобы сеять. Семя Он называет Своим, потому что и пророки сеяли, но не свое семя, а Божие. Он же, будучи Богом, сеял собственное семя, ибо не благодатью Божией был умудрен, но Сам был мудрость Божия.

Под упавшим *при дороге* разумеются люди беспечные и медлительные, которые совершенно не принимают слов, ибо мысль их – утоптанная и сухая, совершенно невспаханная дорога. Поэтому птицы небесные, или духи воздушные, то есть демоны, похищают у них слово. Упавшие на каменистую землю – это те, которые слушают, но, по причине своей слабости, не противостоят искушениям и скорбям и продают свое спасение. Под воссиявшим солнцем разумеет искушения, потому что искушения обнаруживают людей и показывают, подобно солнцу, сокровенное. Это – те, которые заглушают слово заботами. Ибо хотя богатый, по-видимому, и делает доброе дело, однако его дело не растет и не преуспевает, потому что ему препятствуют заботы.

Три части посева погибли и только четвертая спаслась, потому что спасаемых вообще немного. О доброй земле говорит после, чтобы открыть нам надежду на покаяние, ибо хотя бы кто был каменистой землей, хотя лежал бы при дороге, хотя был бы тернистой землей, ему можно сделаться доброй землей. Не все из принявших слово приносят плод наравне, но один приносит сто, может быть, тот, кто обладает совершенной нестяжательностью; другой – шестьдесят, может быть, общежительный монах, занятый еще и практической жизнью; третий приносит тридцать – человек, который избрал честный брак и усердно, как только можно, проходит добродетели. Обрати внимание, как благодать Божия принимает всех, великое или среднее, или малое совершили они.

<...> Видя многую неясность в том, что сказал Христос, ученики, как общие попечители народа, приступают к Господу с вопросом. Он же говорит: *вам дано знать тайны*, т. е. так как вы имеете настроенность и стремление, то вам дано, а тем же, кто не имеет старания, не дано. Ибо получает тот, кто ищет. *Ищите*, – сказал, – *и дастся вам*. Смотри же, как здесь Господь сказал притчу, а приняли ее одни только ученики, потому что они искали. Итак, хорошо, скажем, что тому, кто имеет старание, дается знание и приумножается, а у того, кто не имеет старания и соответственной мысли, взято будет и то, что он думал иметь, то есть если кто и малую искру добра имеет, то и ту погасит, не раздувая ее духом и не зажигая духовными делами.

Обрати внимание! Ибо здесь разрешается вопрос тех, которые говорят, что злые бывают по природе и от Бога. Они говорят, что Сам Христос сказал: *вам дано знать тайны, иудеям же не дано*. Говорим вместе с Богом к говорящим это: Бог дает всем возможность по природе разуметь должное, ибо Он просвещает всякого человека, проходящего в мир, а

наша воля омрачает нас. Это и здесь отмечается. Ибо Христос говорит, что видящие естественными глазами, то есть созданные от Бога, чтобы понимать, не видят по своей воле и что слышащие, т. е. от Бога созданные, чтобы слышать и понимать, не слышат и не понимают по своей воле. Скажи мне: не видели ли они чудес Христа? Да, но сами сделали себя слепыми и обвинили Христа, ибо это и значит: *видя не видят*. Поэтому Господь приводит и пророка как свидетеля.

<...> Увещает нас разуместь то, что говорят учителя, чтобы и мы не уподобились находящимся при дороге. Так как дорога – Христос, то находящиеся при дороге – те, которые вне Христа. Они не на дороге, но вне этой дороги.

О скорбях сказал потому, что многие, подвергаясь скорби от родителей или от каких-либо несчастий, тотчас начинают богохульствовать. Относительно же гонений Господь сказал ради тех, кто делается жертвой мучителей.

Не сказал: *этот век заглушает*, но *забота века сего*, не *богатство*, но *обольщение богатства*. Ибо богатство, когда оно бывает раздаваемо бедным, не заглушает, но умножает слово. Под терниями же разумеются заботы и роскошь, потому что они возжигают огонь похоти, равно и геенны. И как терние, будучи остро, впивается в тело и с трудом может быть извлечено оттуда, так и роскошь, если она овладевает душою, впивается в нее и едва может быть искоренена.

Различны виды добродетели, различны и преуспевающие. Обрати внимание на то, что в притче есть порядок. Ибо прежде всего нам должно услышать и уразуметь слово, чтобы мы не были подобны тем, которые находятся при дороге. Затем должно прочно хранить слышанное, потом – быть не любостыжательными. Суди, какая польза, если услышу и сохраню, но любостыжанием заглушу?

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2005.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Марку)

Хотя, казалось, и отослал Мать Свою, однако, опять повинуется Ей, ибо ради Нее выходит к морю. Садится в лодку для того, чтобы, имея перед глазами всех, говорить в услышание всех и никого не иметь позади Себя.

Первую притчу предлагает о семени, дабы сделать слушателей более внимательными. Так как Он намерен сказать, что семя есть слово и что оно, упавши в невнимательных, пропадает, то говорит об этом прежде всего, дабы слушатели постарались быть внимательными и непохожими на ту землю, которая губит семя. Но кто такой Сеятель? Сам Христос, Который по человеколюбию и снисхождению неотлучно исшел из Отчих недр, исшел же не для того, чтобы сожечь проклятую землю и злые сердца, не для того, чтобы иссечь терния, но чтобы сеять семя. Какое семя? Не Моисеево ли? Не семя ли пророков? Нет, Свое, т. е., чтобы проповедовать Свое Евангелие. Он и сеял; но из семян одно пало на душу, подобно дороге, попираемой многими, и птицы небесные, т. е. демоны, владеющие в воздухе, пожрали это семя. К таким людям относятся человекоугодники; они то же, что дорога, попираемая многими. Кто все делает только для угождения тому или другому, тот бывает попираем многими. Но заметь, Господь не сказал, что семя брошено при пути, но что оно пало при пути, потому что Сеятель бросает семя на землю, как на добрую, а она сама уже, оказавшись худой, губит семя, т. е. слово. Впрочем, некоторые хорошо принимали упавшее при пути в том смысле, что оно пало на неверное сердце. Ибо Путь есть Христос, а находящиеся при пути суть неверные, которые вне пути, то есть Христа. Другое семя пало на душу каменистую, разумю тех, которые легко принимают слово, но потом отвергают. Они каменисты, как уподобившиеся несколько камню, т. е. Христу, поскольку приняли слово; но как они принимают слово на время и потом отвергают, то через это теряют и подобие. Иное семя упало на душу, пекущуюся о многом, ибо *терние* суть житейские попечения. Но четвертое семя пало на добрую землю. Итак смотри, как редко добро и как мало спасающихся! Только четвертая часть семени оказалась уцелевшей! Ученикам, спросившим Его наедине, говорит: *вам дано знать тайны*. Но неужели по распределению и назначению от природы одним дано это, а другим нет? Быть не может; но тем дано, как ищущим: *ищите*, – сказано, – *и дастся вам*, а прочих Бог оставил в слепоте, дабы знание должного не послужило к большему их осуждению, когда они не исполняют сего должного. Впрочем, хочешь ли знать, что от Бога дано всем видеть должное? Слушай! *Своими глазами смотрят* – это от Бога *и не видят* – это от злобы их; ибо Бог создал их видящими, т. е. понимающими доброе, но они не видят, смежая очи свои добровольно, чтобы не обратиться и не исправляться, как бы завидуя собственному спасению и исправлению. Можно и так понимать: прочим же говорю притчами, *так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают*, чтобы хотя поэтому обратились и исправились.

Здесь указано три разряда людей, в которых слово пропадает: одни – невнимательны, эти означены словом *при дороге*; другие – малодушны, сииразумеются под словом *на каменистом месте*: третьи – сластолюбивы, означаемые словом *в тернии*. Три же разряда и тех, которые приняли и сохранили семя: одни приносят плод во сто – это люди совершенной и высокой жизни; другие – в шестьдесят, это средние; иные – в тридцать, которые хотя немного, но все же приносят по силе своей. Так, одни суть девственники и пустынники, другие живут вместе в общежитии, иные в мире и в браке. Но Господь принимает всех их, как приносящих плод. И благодарение Его человеколюбию!

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Марка. М.: «Лента», 2005.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Луке)

Ныне сбылось то, что давно сказал Давид от лица Христова. *Открою*, – сказал он, – *уста мои в притче* (Пс. 77, 2). Господь притчами говорил по многим целям, именно: чтобы слушателей сделать более внимательными и возбудить ум их к исследованию того, о чем говорится (ибо мы, люди, обыкновенно более занимаемся прикровенными речами, и на ясные мало обращаем внимания), и чтобы недостойные не поняли того, что говорится таинственно; и по многим другим побуждениям говорит Он притчами. Вышел *сеятель*, т. е. Сын Божий. *Вышел* из недр Отца и из Своей сокровенности и сделался видимым. Кто же вышел? Тот, Кто всегда сеет. Ибо Сын Божий не перестает всегда сеять в наших душах: Он сеет в наших душах добрые семена не только тогда, когда учит, но и через мир сей, и через те явления, которые совершаются с нами и около нас. Он вышел не затем, чтобы погубить земледельцев или выжечь страну, но затем только, чтобы сеять. Ибо земледelec часто выходит не затем только, чтобы сеять, но и за другим. – Он вышел сеять семя *свое*. Ибо слово учения у Него было собственное, а не чужое. Пророки, например, что ни говорили, говорили не от себя, но от Духа; почему и говорили они: *это говорит Господь*. А Христос имел семя Свое; почему, когда и учил, Он не говорил: *это говорит Господь*, но: *Я говорю вам*. – Когда Он сеял, т. е. учил, иное семя упало при дороге. Не сказал Он: *сеятель бросил*, но: *оно упало*; потому что сеятель сеет и учит, а слово падает в сердца слушателей. Они-то и оказываются или дорогой, или камнем, или тернием, или землей доброй. <...> Три разряда людей, кои не спасаются по этой притче. <...> Итак, три части погибающих, а одна – спасающихся. Таким образом, спасающихся мало, а погибающих – очень много. Смотри, как Он говорит относительно подавляемых заботами житейскими: не сказал Он, что они подавляются богатством, но заботами о богатстве. Ибо не богатство вредит, а заботы о нем. Потому что многие получили пользу от богатства, раздав его на утоление голода бедных. Приметь, пожалуй, и точность евангелиста, как он сказал о спасающихся: *услышав слово, хранят его*. Это сказал он ради тех, кои при пути; ибо сии не содержат учение, но диавол уносит его у них. *И приносят плод*» – это сказал Он ради тех, кои подавляются заботами житейскими и не выдерживают до конца, ибо таковые, т. е. не носящие до конца, не приносят плода. *В терпении* – сказал ради тех, которые на камени; они и принимают учение, но, не устояв против нашедшего искушения, оказываются негодными. Видишь ли, как Он сказал о спасающихся: *хранят и приносят плод в терпении* и через эти три свойства отличил их – от не содержащих, каковы те, которые при пути, от не приносящих плода, каковы те, которые в терниях, и от не переносящих нападшего на них искушения, каковы те, которые на камени.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Луки. М.: «Лепта», 2005.

Феофан Керамевс (по св. евангелисту Луке)

<...> *Сказал Господь притчу сию: вышел сеятель сеять семя свое* (Лк. 8, 5). Предопределенную от вечности волю Божию и истощание Бога Слова даже до нашего низкого состояния величественный язык Евангелия называет изшествием. <...> А богоглаголивый Павел в послании к Евреям явление Христа во плоти называет вшествием, говоря так: *когда же опять вводит Первородного во вселенную* (Евр. 1, 6). Ужели божественные глаголы противоречат друг другу? И кто бы мог так худо думать, будто апостол говорит противно Евангелию. Но как по таинственной лестнице, виденной Иаковом, одни и те же Ангелы восходили и нисходили, так и о вхождении и исхождении Единородного Сына Божия говорится не в одинаковом значении, как это и ясно для принимающих таинственное учение так, как прилично мыслить о Боге. Ибо когда человеческая природа, уклонившись от пути, пала и отступила от Бога, то вышел и Он, как некий Посланник (см.: Евр. 3, 1), чтобы ввести нас туда, откуда мы ниспали. Но св. апостол говорит о вхождении или вступлении в наследство, о чем предсказывало божественное пророчество: *проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе* (Пс. 2, 8). Ибо до Воплощения не было общения Бога с тварию; потому что какое ж общение с чувственною тварию у невещественного, несозданного и непостижимого Существа? А когда чрез воспринятую природу нашу вступил с нами в общение, тогда и вошел Он в мир тварный, как сказано: *вышел сеятель*. <...> Вочеловечившись, Он представляется нам как бы двинувшимся с места, но Он не подлежит никакому ограничению местом и неизменяем в Своем существе. О таком изшествии Бога и Михей пророчествовал, говоря: *вот Господь сходит от места Своего* (Мих. 1, 3).

Вышел сеятель сеять семя свое. Какое это семя – объяснил сам Он, предупреждая нас и сказавши, что это – слово Божие, и следовательно – Евангельская проповедь. Сеятель же сего доброго семени есть Сам, говорящий это, Иисус; Он есть сеятель всякого добра, и от него зависит всякое плодоношение духовное (ср.: Ин. 15, 4–5). А земля и земледелие Его суть души человеческие. Сказал, что вышел сеять *семя свое*, потому что не от кого другого заимствует слово свое Ипостасное Слово Божие. Но почему не предшествует сеянью обработка земли, поновление ея? – потому что занимающиеся земледелием сперва пашут землю и тогда уже бросают семена. Нужно знать, что и здесь пророки плугом закона вспахали души людей чрез заповеди и соделали их пригоднейшими к принятию евангельского семени: а Пришедший облагодетельствовал весь мир, солнечные лучи равно Дающий добрым и худым и Повелевающий облакам давать дожди праведным и неправедным (ср.: Мф. 5, 45), и слово учения распространил равно на всех, безразлично рассыпая семена, чтобы добро принадлежало не меньше тому, кто восхотел и избрал приносить плод, как и Подавшему семя.

И отказавшихся прийти на великую вечерю (см.: Лк. 14, 18) было три рода: один купил землю, другой купил пять пар волов, третий женился. И здесь представляются три рода неспособной земли, на которую семя упавши не оправдало надежд сеятеля: потому что иное упало при дороге, другое на каменной земле и сухой, и иное заглушено тернием. Чему научают нас сии приточные образы? Что есть три рода принявших было семя, и все-таки не принесших плода: это – которые следовали мудрости мира и нелепым выдумкам Еллинов, которые пребывали в законе теней (см.: Евр. 10, 1), и язычники, подавляемые удовольствиями, как тернием. Первые сами себе уготовали путь к гибели, не допуская закону вспахать ниву души; они, слыша слово о тайне спасения, раздражаются смехом и поношением (ср.: 1 Кор. 1, 23). Тотчас лукавые помыслы, как некие птицы, слетаются и, признавая слово неубедительным и невероятным, духовное семя выбрасывают из души. А если под птицами небесными будем разуметь духов воздушных (см.: Еф. 6, 12; 2, 2), которыми уничтожается

доброе семя, то и в таком случае нимало не уклонимся от смысла притчи. Сказавши же, что *иное упало при дороге*, Он может быть указывает прикровенно и на нечто другое. Потому что если бы речь шла просто о торной дороге, то сказал бы может быть «иное упало на пути, или на дорогу», как далее говорит: *иное упало на камень, иное между тернием, а иное упало на добрую землю*. Здесь же сказавши «при пути», или что тоже «при дороге», дает повод понимать нечто высшее и более отвлеченное <...> И поелику мы научены, что Христос есть Путь, как сказал Он о Себе: *Я есмь Путь* (Ин. 14, 6), то надлежит разуметь, что семя, упавшее вне сего Пути, расхищается демонами, как бы птицами.

Примечай различие тех, кои принимают слово Евангельское. Первые, которые уподобляются торной общественной дороге, совершенно нисколько не приняли семени: потому что как только оно упало, так и расхищено без всякого препятствия птицами. Так они закоснели в неверии, что ни коим образом не допускали проникновения проповеди, будучи путем твердым, землю не поддающуюся паханию духовному. На сие может быть указывал и Христос, когда заповедывал апостолам не ходить на такой путь язычников (см.: Мф. 10, 5). А уподобляемые камням не были чужды вере, но слабы и немощны. Слово указывает на тех, кои приняли Евангельскую проповедь и начали приносить плод дел, но при наступлении искушения или скорби сделались отставшими, как бы сбросили свои воинские доспехи, бежали от борьбы. Ибо как посеянное в каменной почве пускает корни и дает росток по причине земли, находящейся на поверхности, а при наступлении солнечных жаров, по причине недостатка влаги снизу, соответствующей и противоборствующей зною, вянет и усыхает: так и не принявшие слова Евангельского с глубокою пламенною верою остаются бесплодными; потому что, как только солнце начнет сильнее греть, они сбрасывают личину. Понимаешь, конечно, какое это солнце, повреждающее духовные посевы, зная о нем из песни степеней: *Днем солнце не поразит тебя...* (Пс. 120, 6), и от Невесты в Песни песней: *...Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня...* (Песн. 1, 5). Есть солнце, действующее противоположно Солнцу правды; не освещает оно и нисколько не животворит, но очерняет и иссушает зном греха. Потому великий Исаия говорит, что головы верных будут покрываться скиниею для осенения днем от зноя (ср.: Ис. 4, 6), покрываться от Бога тенью (ср.: Ис. 25, 4) в защиту от зноя сего враждебного солнца чернящего и сожигающего грехом.

...а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его. Как земля после преступления Адамова стала возвращать терние и волчцы ему (см.: Быт. 3, 18), так и плоть Адамова, взятая от земли, заразившись грехом, стала износить терние и сорную траву прегрешений. Всеял же их враг рода человеческого, как объяснено в другой притче. Ибо где Домовладыка посеял доброе семя, там враг, выждавши время, когда люди вознерадели и предали сну, посеял между добрым семенем плевелы (см.: Мф. 13, 25), называемые там тернием и волчцами. В этой же притче под тернием, заглушающим семя слова Божия, разумеется беспорядочная смесь неисчислимых зол, рождающихся от гнева и похоти; это – заботы, пожелания, сетования, напасти и разнообразные от сих происходящие страдания, из-за которых добрые действия, хотя бы и начались в душе, не достигают крепости и зрелости, не восходит к высоте совершенства.

А иное упало на добрую землю, и взошедши, принесло плод сторичный. Видишь, как то же семя, сеянное тем же земледельцем, не одинаковый плод приносит? Что ж! Не по вине ли земледельца это бывает? Но кто же так помыслит или дойдет до такого сумасбродства? Нет; но как одна и та же вода, орошая один и тот же луг, питает различные роды растений, и оросительная сила одна, но свойство приемлющих претворяет влагу в различные качества: ибо одна и та же вода в полыни горькнет... в розе краснеет, в лилии белеет, здесь теплеет, там охлаждается, <...> так и слово Божие, бросаемое как некое семя в души человеческие, произрастает соответственно состоянию приемлющих, и или приносит плод, или не может принести плода. Поелику же св. Матфей подробнее изложил сказанное Спасителем о пло-

доноси доброй земли, именно, что из семени, упавшего на добрую землю, *одно принесло плод во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать* (ср.: Мф. 13, 8): то следует поискать, что значит это тройственное различие в плодоношении. И так, подвизавшиеся среди скорбей и лишений и в горниле искушений испытанные как золото (см.: Прем. 3, 6), или страдая от мучителей, как добропобедные мученики, или по допущению Божию будучи преданы во власть врага и мстителя (Пс. 8, 3), как оный многострадальный Иов, или *в прах*, по выражению псаломскому (Пс. 118, 25), *повергши души свои и плоть свою пригвоздивши ко страху Божию* (Пс. 118, 120), или непорочно и в чистоте целомудрия прославивши Бога, – сии все принесли первый и высший плод, сторичный. Ибо сотенное число, заключая в себе помноженное на себя совершенное число десять и само будучи всесовершенным, показывает совершенство добродетели. А которые отвергли скоропреходящие и быстро исчезающие похоти и удовольствия, те называются приносящими плод в шестьдесят крат, как умножившие шестерицу¹ заповедей Божественных в десять раз и соблюдавшие их как по внешности, так и по внутреннему смыслу. Обязавшиеся ж брачными узами и занятые мирскими делами, но не пренебрегшие и дел добродетели, как соблюдавшие шестерицу заповедей по внешнему объему, произвели плод в тридцать раз. Ибо число тридцать, содержа в себе пять раз число шесть, чрез пятеричное число означает пять чувств, а чрез шесть – те заповеди, за соблюдение которых праведники наследят Царство Небесное, как исчислил их Судия на престоле славы Своей. И так, кто напитал голодного, напоил жаждущего, одел нагого, ввел странника в дом свой, показал надлежащее призрение относительно больного и в темнице заключенного, – если это сделает чувственно, по видимости, то принесет плод в тридцать; а если кроме чувственного исполнения и духовно совершит их, питая хлебом любви и словом учения напоевая нуждающегося, обнаженного от добродетели облакая в честность нравов, отчуждившегося от вышнего Отечества вводя и возвращая в дом Отчий, принимая немощного в вере (см.: Рим. 14, 1) и посещая заключенного в узах греха, тот поистине приносит плод в шестьдесят. Подивись способу земледелия и человеколюбию Земледельца Господа и возблагодарив пред Ним, что, не от всех требуя равной меры плодов, увенчивает и того, кто много принес, и того, кто принес мало, не отвращается. Но это яснее показывает Он в притче о делателях (Мф. гл. 20), где и раньше нанятые на работу и позднее призванные получили обещанную плату.

Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Ученики, благоприятствуя окружающему их множеству народа и заметив неясность речи, желают узнать сказанное, чтобы и для толпы выяснить это. Что же Спаситель? *Вам, говорит, дано знать тайны царствия Божия, а прочим в притчах.* Когда говорит *дано*, показывает, что дело, т. е. дар, но сей божественный дар не все могут принять. Ибо иные еще младенчают по вере, другие грубы чувствами духовными и неспособны слышать таинственнейшего учения; им, как детям, пригоден приточный способ наставления. Вы же, говорит, весьма усердным стремлением сделавшиеся достойными высшего учения, можете узнать и таинственнейший смысл учения. Присоединяет далее и пророческое изречение: *чтобы они видя не видели, и слыша не слышали* (ср.: Ис. 6, 9). Ибо тогда как дана им Богом сила избирать наилучшее, они, огрубивши умы свои худыми помыслами, слыша чувственно, не понимают разумно, и видя телесными очами, закрывают очи души своей. А частица *чтобы* здесь означает не причину, а следствие. Ибо не для того говорил в притчах, чтобы они не видели и не слышали, но потому так случилось с ними, что они по собственной испорченности худо разумели, подобно как о худо видящем, слепотствующем и долго страдающем тою болезнию скажешь: «Для того он устремил взоры свои на солнечные лучи, чтоб еще больше повредить глаза».

¹ Разумеются, как немного ниже сам говорит, заповеди относительно ближних (Мф. 25, 35 и далее), которые поставит на вид Судия на Страшном суде. – *Прим. авт.*

Потом, научая не просто понимать говоримое, но восходить умом к высшему смыслу, присовокупил Он: *кто имеет уши слышать, да слышит!* То есть: умеющий духовно умозаключать о высших предметах и от чувственного восходить к тому, о чем говорится в притчах, пусть обратит на это внимание, чтоб уразуметь смысл говоримого. Ибо для спасения недостаточно только слышание наставлений, если за слышанием не последует исполнение того, о чем слышим.

Зная это, братья, не просто и как случится будем слушать слово учения, чтобы слова только принимать, а никакого плода от слышания не заимствовать, чтобы уподобляться земле бесплодной, и открытой дороге, всеми попираемой. И опять, начавши делать добро, при наступлении искушений со стороны врага и завистника преуспеянию нашему, не станем изсушать духовные ростки добродетели, как почва каменистая, не имеющая влаги. И далее, не будем заглушать доброй нивы тернием, занявшись неблаговременными и суетными заботами, которые не принесут нам никакой пользы во время исхода. Будем, напротив, внимательно трудясь над собою, уподобляться земле доброй и приносить плод, соответственный попечению о нас Господа, достойный блаженной житницы (ср.: Мф. 3, 12; 13, 30) Царства Небесного, которого достигнуть да сподобимся все мы благодатию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, со Отцем и Святым Духом славимого во веки. Аминь.

Феофан Керамевс, архиеп. Тавроминский. Беседа 7. На притчу о семени / [Арсений, архим. Феофан Керамевс, архиеп. Тавроминский X века и проповедник] // Странник. СПб., 1884. Том II. С. 466–473.

Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)

Вот, вышел сеятель сеять... Семя есть слово Божие (Мк. 4, 3; Лк. 8, 11). А сеятель – Господь. Он вышел в мир сеять семена Своего Божественного слова, семена жизни, сеет до сих пор и будет сеять до скончания века.

Так незримый Господь ходит и ныне по вселенной... Он ходит по дорогам и распутьям, по городам и селениям и по домам и бездомьям. Дни и ночи ходит Он, спасая человеческие души... И каждому человеку на тропе его жизни встречается Господь и каждого обвеет Своим дыханием... Сладкий миг. И вместе – о какой это страшный момент! Неужели не откликнется душа? Неужели не повернется к Божественному призыву? Неужели она лишь на миг всколыхнется и разойдется со Христом и опять поскользит по зыбкому распутью?

Веяние Божьего зова слышится в голосе совести, в призывах Церкви, в обстоятельствах жизни... А бывают и особые призывы Божьи, как явные встречи с Христом... Душе надо откликнуться... надо схватить этот славный миг и отдаться милующему Богу.

Какие условия отклика?

<...> Вот первое условие отклика: не держи душу при дороге, где ходят враги, где топчутся ноги тысяч людей, где дует ветер, где наматывается мусор... Дорога это – «внешнее» жизни. Это – распутье земли. Ведь нашим господином является зло, дьявол... А за ним и с ним все дети зла: и разнообразные силы торжества греха (грубость, жестокость, насилие, развращенность и прочее, прочее без конца), и рассеянность сменяющихся жизненных влияний... Как в таких условиях Божье семя может дать рост?

Вот Божьей волей семя попало в душу, и тяжелые ступни торжествующего зла потоптали его (семя *было потоптано* – Лк. 8, 5), а птицы – рассеянность – поклевали его... и опять душа осталась пустой, ветер дороги бьет ее и холодно ей и неудобно... Не держи душу при дороге. Держи ее за оградой, которую оградил ее Отец Небесный (см.: Мф. 21, 33).

<...> Посеянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны... когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 5–6, 16–17), временем веруют, а во время искушения отпадают (см.: Лк. 8, 13).

А вот и второе условие: позаботься о плодородности почвы для сада твоей души... позаботься, чтоб был в ней... чернозем (земля) – это среда, насыщенная силою для добрых произрастаний... Скапливай в душе такую силу. Она – результат доброй мысли и доброго дела... Так пусть осадки их будут глубже в твоей душе. Когда отклонение добра ничтожно, тогда Божьему семени не за что в душе и зацепиться и не на чем укрепиться... И тогда растет Божье семя хилым и безжизненным, почти не имея корней в душе... Потому, когда приходит искушение, скорбь (а они неизбежны!), увядает чахлый росток и гибнет... Нет для него основы, закрепы в душе, и нет у него сильного корня... И зной жизни (*взошло солнце*), тягота жизненных испытаний губят слабый побег добра. И нет для него поддерживающей влаги! Влага – это роса Божьей благодатной помогающей силы... Конечно, из камня не появится влага... Роса благодати обильна там, где почва насыщена влагою добрых дел.

Итак, боритесь с каменистостью, бесплодностью души. Для ростков добра крепи в себе землю добрых дел. И роса благодати снизойдет на ниву души... И будут крепки побеги доброго сева, и нива заколосится полноценным зерном.

<...> Третье условие доброго роста Божьего семени – не давай усиливаться в своей душе сорнякам. Сорняки неизбежны. Человек живет в мире зла, и сам он немощен и склонен к греху... Плевелы не уничтожены Господом, а оставлены расти до жатвы (ср.: Мф. 13, 30). Значит, сорняки будут. Это – «заботы века сего, обольщения богатством, наслаждения

житейские»... И если дать им волю, они заглушат все доброе... Разве ты не знаешь, как быстро растет дурная трава и как она размножается и забивает доброе семя?

Вот не нужно давать волю тернию души, которое обовьет и заглушит душу, и ей ничего не даст, и доброе не пустит к себе... Когда же терние заполнит душу и опустошит ее от добра, тогда и смерть души!

Останется пустота... одна пустота... бессмысленность целей, никчемность усилий и в результате... разбитая жизнь... Господство сорняка... и нечем жить, и нечем дышать!..

Иное упало на добрую землю и дало плод... А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод (см.: Мк. 4, 8, 20). Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен (см.: Мф. 13, 23). *А падшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в тернии* (Лк. 8, 15).

Здесь Господь указывает основные и положительные условия произрастания Божьего семени. И среди них первое – добрая земля. Хорошая земля имеет в себе силы произрастить посаженное в ней. И в душе, готовящейся стать доброй нивой для Божьих глаголов, нужна среда, имеющая силы принять и вырастить добро. Доброе усваивается добрым. Значит, это должна быть среда, насыщенная силою добра... Лишь она способна вырастить добро.

Второе условие Господь указывает в принятии и разумении Божьего слова. Душе недостаточно слышать Божий зов. Надо с заботливой внимательностью ввести в душу («принять»). Надо отдать этому делу всю человеческую способность восприятия истины, всю способность человеческого разума истины, чтоб Божье слово входило в душу как единый истинный свет и как единая истинная жизнь. Такое проникновение души в Божье слово святой Евангелист может обозначить термином *разумение: плодоносен бывает слышащий слово и разумеющий* (Мф. 13, 23).

Господом указывается и третье условие доброго произрастания семени – *хранение Божьего слова*.

Как земледелец, бросив семя в добрую землю, оберегает пашню от засорения, от затаптывания скотом и потрав, так и возделыватель души должен охранять ниву души от засорения плевелами зла, от затаптывания дурными наслоениями и от всяческих потрав диавола... Как постоянно бодрствующий глаз земледельца, человек должен поставить на ниве души неусыпного стража – чистую совесть, чистое сердце.

Чистое сердце, как ограда души, пусть не допускает засоряться душевной ниве, и тогда Божье семя растет правильно. *Те, которые... хранят его (слово) в добром и чистом сердце... приносят плод* (Лк. 8, 15). Но Господь и это условие не считает последним. После многого труда над обработкой земли души, чтобы была она доброй, после заделки семени («принятия слова»), после бодрственного оберегания нивы чистым сердцем надо проявить и еще одно свойство – терпение.

Земледелец кладет много труда, бросает семя и долго, долго ждет всходов и плодов.

Так тем более не ожидай на душевной ниве скороспелости семени истины и добра; семя жизни возвращается в тернии, в бореньях, в потах, во многих, многих днях, месяцах, годах, в великой терпеливости.

Так говорит Господь: *Приносят плод в тернии* (Лк. 8, 15). Таков путь отклика на Божий зов к доброму созреванию о Христе. Встань на него со Христом и, поддерживаемый Его милующей рукой, пойдешь.

Плод... взошел и вырос, и принесло иное (семя) тридцать, иное шестьдесят, а иное сто. Не подумай, что несправедлив, лицепрятен Господь и одному дает лучшее семя, другому худшее. Божие семя возвращается несчетно... Дело в тебе, в твоей душе... Насколько она подготовлена и способна принять и взрастить Божье семя, настолько она и плодоприни-

сит... Отсюда и разница: одна душа плодоприносит тридцать, другая шестьдесят, а третья и стократ.

И сказал им (ученикам): вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят, своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи. Вот слово большой радости, а вместе и трепета! В отношении ко Христу одни люди – слушатели... Послушали и ушли... Другие – ученики и последователи. Эти остались, чтобы наполниться словом Господним и следовать слову. Первые – «внешние», – вторые, очевидно, «свои». Первые смотрят, и не видят, слышат, и не понимают. Вторые проникают в невидимое, и им открыты тайны Царствия Божия.

Вникай, вникай! У настоящих учеников открыты глаза, и они видят тайны Божьего Царства. Они, зрячие, знают, куда идут, и знают, что только один путь... Они, счастливые, бегут во свете к одной своей цели, потому что в сердце у них открытая им тайна. Она влечет их!..

Господи! Как же блаженны видящие! Как счастливы ходящие во свете! Им открыты Твои тайны. И Твое Царство влечет их.

И как жалки невидящие!.. Они бродят в потемках... И нудно ползут своими земными путями, *да не обратятся и прощены будут грехи их.*

Так и есть в жизни!

Один человек и в Бога верит, и в церковь ходит, а нет в нем жизни! И видно, что еще нет у него правды в пути. У него все заслоняет своя маленькая жизнь и свои заботы... И они впереди, а Христос к случаю, когда понадобится... И вот, такой человек топчется и ползет... И, конечно, ничего он не видит... Жизни своей не видит... И хоть он слушает слово жизни, но заткнуты у него уши и ничего не доходит до его души... И он по-прежнему без пользы и радости для себя топчется вокруг Христа и около стен церковных, и нудно тянется его жизнь.

Это – «внешний».

А другой, посмотришь, загорелся... И поистине, как сказал Господь, как будто у человека открылись глаза... Да, воистину открываются у человека глаза, потому что он начинает видеть одну цель жизни, видит один путь, легко выбирает нужное в жизни, откидывает ненужное, и с душевным спокойствием, Богу содействующему, твердо, во свете и радости он пойдет по своей дороге.

Тогда же ему открываются «Божьи тайны». Ведь он же идет к Божьему Царству! И чем он ближе к своей цели, тем она доступней, ясней, видней.

Григорий (Лебедев), сщмч. Толкование на Евангелие (От Марка и Луки). М.: «Даниловский благовестник», 2006.

Свт. Василий (Кинешемский) (по св. евангелисту Марку)

Смысл притчи о Сеятеле достаточно подробно объяснен Самим Господом. К евангельскому объяснению можно еще прибавить, что Сеятель – это Сам Господь, семя – слово Божие, поле – все человечество, весь мир, воспринимающий в свои недра чудодейственное семя евангельского слова. Подобно семени, евангельское слово носит в себе начало жизни, жизни истинной, духовной, ибо что такое истинная жизнь? *Сия же есть жизнь вечная*, – отвечает Господь в Своей первосвященнической молитве, – *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). Евангельское слово дает это знание истинного Бога, и потому оно является дивным семенем спасения и жизни. Брошенное в человеческое сердце, оно при благоприятных условиях возрастает и приносит плоды – добрые дела и святую жизнь. Подобно семени, оно вечно носит в себе эту живую силу.

В настоящее время, как и девятнадцать веков тому назад, оно одинаково волнует и трогает, радует и утешает, судит и смиряет, затрагивая самые сокровенные струны человеческого сердца.

Умирают философские системы, забываются политические теории, блекнут цветы поэзии, но слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные (ср.: Евр. 4, 12). В нем скрыта вечно живая истина.

Но, обладая всегда этой скрытой живой силой в одинаковой степени, слово Божие не всегда дает одинаковый урожай. Это зависит от той почвы, в которую оно падает, и здесь притча приобретает для нас особенно жгучий, живой, личный интерес, ибо почва эта – наше сердце. Мы все, слушатели и читатели слова Божия, получаем свою долю святых семян; мы все, наверное, хотели бы, чтобы в нашем сердце была плодородная почва, приносящая стократный урожай, и вопрос, почему этого не бывает и почему всходы так чахлы, убоги и перемешаны с сорной травой, – вопрос этот, конечно, для нас далеко не безразличный.

Вдумаемся внимательнее в притчу, чтобы в ее дивных образах и символах открыть важные для нас законы душевной агрономии, на которые указывает Господь Иисус Христос.

Для того, чтобы с успехом возделывать ниву и применять к ней рациональные способы обработки, необходимо прежде всего изучить почву и знать ее состав. Песчаная почва требует одного удобрения, суглинок – другого, чернозем – иного; да и сами приемы обработки на разной почве бывают неодинаковы. Точно также и в духовной жизни. Чтобы понять причины, обуславливающие для человека бесплодность слова Божия, и в то же время найти правильные способы обработки и воспитания души, которые могли бы повысить урожай святого семени, усилить влияние и действие на человека евангельского слова, – для этого надо изучить почву нашего сердца и выяснить, что именно в этом сердце препятствует успешному произрастанию семени. Соответственно с этим мы и можем принять те или другие меры.

Говоря о судьбе семени, Господь в Своей притче изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и которые различно влияют на его произрастание. Это – четыре различных вида психики человека, четыре вида устроения души.

Когда сеятель сеял, случилось, что иное (семя) упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то (ср.: Мк. 4, 4).

Это – первый тип. Сердце похоже на проезжую дорогу, а семя, падая на нее, даже не проникает в почву, но остается на поверхности и делается легкой добычей птиц.

Что это за люди?

Во-первых, сюда относятся натуры грубые, чисто животного склада. Это самый дурной тип среди людей, и, к сожалению, их в настоящее время особенно много. Они живут чисто

утробной жизнью: вкусно есть, сладко пить, много спать, хорошо одеваться – выше этого они ничего не знают. Корыто, корм и поило – этим исчерпывается все их содержание. Их мировоззрение исключительно материалистическое. Вопросы духа для них не существуют. К идеалам правды, добра и красоты, ко всему, чему поклонялось человечество как величайшей святине, что манило и увлекало героев, подвижников и лучших деятелей истории, чему те отдавали беззаветно свои силы и свою жизнь, – ко всему этому люди типа проезжей дороги относятся с циничной насмешкой и откровенным презрением. «Выгода» – вот слово, которое определяет их деятельность. Для них бог – чрево, и Евангелие, слово Божие встречается в них глухую стену тупого безразличия. Оно отскакивает от них, как горох от стены, не пробивая даже внешней коры эгоизма и не проникая внутрь, в сердце. Если иногда и остается оно на поверхности памяти, то лишь до того момента, когда первый порыв распутства, сластолюбия или любостяжания налетит, как птица, и поглотит все без остатка, а грубое сердце остается по-прежнему твердым и непроницаемым.

Во-вторых, к этой же категории относятся люди очень легкомысленные, живущие только поверхностными впечатлениями. Сущность их психики – праздное любопытство, которое легко возбуждается, но вовсе не стремится к тому, чтобы полученные впечатления связать с глубокими основами душевной жизни. Такое любопытство не приносит никакой пользы: оно бесцельно и беспредметно. Впечатления оцениваются здесь исключительно по их действию на нервы. Все, что щекочет нервы, одинаково привлекает людей этого типа. Поэтому для них совершенно безразлично: слушать хорошего проповедника или модного тенора, смотреть религиозную процессию или английский бокс, присутствовать при торжественном, вдохновляющем богослужении или покатываться со смеху, смотря смешной водевиль. Весь мир они рассматривают так, как будто он создан исключительно для их развлечения, и к каждому явлению жизни они подходят с этой же меркой. Если они слушают вдохновенного проповедника, говорящего о евангельской правде, о лучезарном мире чистоты и святости, о Великом Любящем Боге, они скажут в похвалу лишь одно: «О, он хорошо, красиво говорит!» или: «У него выработанная, изящная речь!» Это самая унижительная похвала для проповедника, сводящая его на роль школьника, демонстрирующего перед экзаменаторами свои литературные и декламаторские таланты. Пусть в проповеди слышатся рыдания и неподдельные слезы страдающей любви, стон измученного сердца, горечь и негодование при виде попорченной правды, они не найдут других слов для оценки, кроме пошлой фразы: «О, у него драматический талант!» Как будто перед ними артист сцены, выступающий исключительно для того, чтобы их развлекать и щекотать их истрепанные нервы.

Это люди мелкой души, и жизнь для них – не серьезная задача, полная глубокого смысла, а просто фарс. Люди этого сорта евангельское слово слушают так, как будто оно к ним не относится: они его не воспринимают.

Третья разновидность людей этого сорта – это натуры рассеянные, с разбросанными мыслями. В них нет ничего основного, постоянного, что служило бы центром их жизни. Это люди, как их называют, без стержня, то есть в них нет преобладающей склонности или привязанности к одному какому-либо делу или занятию, определяющему направление их жизни. Чем живут эти люди? Вы сразу этого не скажете: здесь все так текуче, так изменчиво, так непостоянно. Сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье. Одна мысль сменяет другую, как в калейдоскопе, без всякого порядка и системы. Одно увлечение вытесняется другим, план следует за планом, совсем как на проезжей дороге, где катятся экипажи, идут прохожие, сменяя один другого, топчется бродячий скот. Они все начинают, все пробуют и ничего не кончают. Цели жизни у них нет. Это – рабы минутного каприза, трость, ветром колеблемая. Их увлечения непрочны, ненадежны, мимолетны. С легкостью мотылька порхают они с предмета на предмет. Всякая новинка их привлекает и захватывает, но лишь на короткое время. «Что книга последняя скажет, то на сердце сверху и ляжет». Учить их

чему-нибудь серьезному, проповедовать слово Божие – почти бесполезно. Это значит писать на воде, сеять при дороге: затопчут прохожие, поклюют птицы, то есть мир с его вечной смелой новинок, диавол с его искушениями и соблазнами. Так как впечатления и мысли здесь постоянно сменяются, то ни одно из них не проникает глубоко в сердце, и само сердце от этого мало-помалу теряет отзывчивость, способность воспринимать их хоть сколько-нибудь серьезно, становится сухим, равнодушным, жестким, как дорога, утоптанная ногами прохожих и укатанная колесами бесчисленных экипажей.

Таковы три разряда людей, принадлежащих к типу проезжей дороги. У всех у них общее то, что семя слова Божия в их душу совершенно не проникает, их не волнует, не радует, не возбуждает, но остается на поверхности, то есть только в памяти, в головном сознании, и, не принося никакого плода, скоро погибает.

Немного лучше следующие два рода почвы, указанные Господом Иисусом Христом в Его притче. *Иное семя упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро возшло потому что земля была неглубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло* (Мк. 4, 5–6).

Поясняя эти слова, Господь прибавляет: посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (ср.: Мк. 4, 16–17).

Тип, широко распространенный и достаточно нам знакомый. В этих людях есть несомненное стремление и любовь к добру, и слово Божие находит в них живой и быстрый отклик, но оно не захватывает их настолько сильно, чтобы ради осуществления его в жизни они нашли в себе достаточно силы и решимости трудиться над собою, бороться с препятствиями и побеждать враждебные течения. Услышав евангельскую проповедь о правде, любви, самоотвержении, они загораются сразу, как шведская спичка, но так же скоро гаснут. Эти вспышки мимолетных увлечений бывают очень сильны, как вспышки магния, и в этот миг эти люди способны даже на подвиг, но пройдет момент – и все кончилось, и, как после магния, остается лишь дым и копоть – досада на свою трусость и дряблость или же, наоборот, сожаление о своем увлечении. К суровой, упорной, длительной работе эти люди неспособны, и непреодолимую преграду представляет для них закон вступления в Царство Божие, данный Господом: *От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

На каменистой почве может расти только мелкая травка, так и эти люди при обычных условиях спокойной жизни способны лишь на очень маленькие дела, не требующие усилий. Им нельзя отказать в чувствительности: вы увидите их иногда в церкви молящимися со слезами умиления на глазах, их воодушевляет хорошее пение, трогают изречения и возгласы Божественной службы, полные возвышенного смысла; с чувством повторяют они вместе с другими: «Возлюбим друг друга...», «Друг друга обьемем, рцем: братие!» Но когда наступает минута, когда от хороших слов надо перейти к делу, вы сразу увидите, что слезное умиление и религиозный подъем не смягчили их холодной души, что то был лишь фосфорический блеск, не дающий тепла, простая сентиментальность или ложная чувствительность, а не настоящее чувство. Они любят иногда читать жития святых, как любят дети читать страшные сказки и трогательные истории, но и здесь дальше вздохов и словесных восторгов дело не идет. Они не прочь помечтать об этой подвижнической жизни и представить себя в роли подвижников и мучеников за правду, но те усилия воли, которые требуются для этого, их пугают. Они ничего не имеют против добродетели, нравственности, аскетизма, даже хотели бы попасть в Царство Небесное, но при условии, что для этого от них не потребуются никаких лишений и чтобы это возможно было сделать с полным комфортом и со всеми удобствами. В Царство Небесное они хотят въехать в вагоне первого класса.

Что мешает этим людям безраздельно отдаться Христу и приносить полный плод? Каменистый пласт, который лежит под наружным слоем хорошей почвы и не позволяет корням растения проникнуть глубже.

В душе человека таким каменистым пластом является себялюбие. Обыкновенно оно лишь слегка закрыто сверху тонким налетом чувствительности и добрых порывов. Но когда необходимо эти добрые порывы углубить и осуществить в жизни, т. е. сделать доброе дело, которое, собственно, и составляет плод доброго порыва, против этого неизменно восстает себялюбие и рожденное им саможаление. Допустим, вас просят оказать помощь. Вы готовы это сделать и пожертвовать что-нибудь нуждающемуся, но сейчас же вы слышите голос себялюбия: «А сам-то я с чем останусь? Мне самому нужны деньги: у меня их так мало!» Ваш добрый порыв наталкивается на холодную каменистую стену эгоизма и блекнет, как нераспустившийся бутон.

Себялюбие с лишениями, даже воображаемыми, не мирится.

Так бывает и в духовной, идейной борьбе. Люди часто носят христианские убеждения, как приличный костюм, дающий им вид порядочности и джентльменства, пока это их не стесняет и ни к чему не обязывает. Но когда за эти убеждения приходится платить страданиями и лишениями, сейчас же саможаление шепчет коварно: «Да стоит ли так мучиться? Не слишком ли дорога плата? Ведь можно и без убеждений обойтись!»

В результате – измена и отступничество.

Последний тип людей, в душе которых слово Божие остается бесплодным, характеризуется Господом в следующих словах: *Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода.*

Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода (см.: Мк. 7, 18–19).

Это люди, которые желают одновременно работать Богу и маммоне. Желая жить по законам Божиим, они в то же время не хотят отказаться и от мирской суеты и кончают обыкновенно тем, что этот водоворот мирских забот, увлечений, пристрастий поглощает их без остатка, вытесняя из души все светлое, идейное, возвышенное. Если человек не борется с земными пристрастиями во имя евангельской правды, он неизбежно становится их пленником, и одно слышание слова Божия его не спасет. Попытки установить в жизни равновесие между данью Богу и данью маммоне и миру сему никогда не удавались, ибо душа – существо простое и двоиться не может. *Никто не может служить двум господам, – говорит Господь: – ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть...* (Мф. 6, 24).

Эти люди также непригодны для Царства Божия. Так много пропадает семени слова Божия безрезультатно!

Из четырех категорий только одна приносит плод: *иное семя упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. <...> А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат* (Мк. 8, 20).

Это натуры цельные, у которых слово не расходится с делом и которые, слушая и воспринимая слово Божие, пытаются его исполнить и жить по его указаниям. Но и у этих людей, отзывчивое и искреннее сердце которых представляет добрую почву, повиновение евангельскому слову не бывает у всех одинаково полным и совершенным, ибо иной приносит тридцать, иной шестьдесят, иной сто. Это значит, что один в силах выполнить третью часть того, что от него требует высший идеал христианского совершенства, другой – почти две трети, и лишь немногим удается исполнить все полностью и в совершенстве. Это натуры избранные.

Это те, о которых Господь говорит: *нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои* (Деян. 13, 22).

Таких людей немного. Но как ярко сияют они на тусклом фоне тепло-холодного отношения к Евангелию большинства современников, вялых, дряблых, слабых в добре, и как возвысило и просветило их душу слово Божие, которому они отдались беззаветно и которое исполнили до конца!

Вот прп. Антоний Великий. Два евангельских изречения произвели решительный перелом в его душе и направили его на путь, приведший к высшим степеням святости. Однажды вскоре после кончины своих родителей, будучи еще юношей 18–20 лет, он услышал в церкви слова Господа: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим... и следуй за Мною. Он принял эти слова за совет, обращенный непосредственно к нему, и исполнил его буквально, раздав имение бедным. В другой раз, услышав слова Спасителя: не заботьтесь о завтрашнем дне, он почувствовал в них властный призыв, которому беспрекословно подчинился: покинул дом и ушел в пустыню, чтобы, освободившись от всяких забот, в подвигах аскетической жизни отдаться Тому, Чья воля стала для него высшим законом. Слово принесло в нем стократный плод.

Вот прпмц. Евдокия, первоначально великая грешница, очищенная и преображенная словом Божиим, подобно тому горящему углю, который взял клещами с жертвенника Господня шестокрылатый Серафим, чтобы коснуться уст пророка (см.: Ис. 6, 6–7).

В миру ее звали Марией. Она была дивно хороша собой, и в этом было ее несчастье. Успех, лесть, всеобщее поклонение вскружили ей голову. Мария вела суетную, легкомысленную светскую жизнь, снаружи нарядную и блестящую, но по содержанию пустую и пошлую. Пирь, развлечения всякого рода заполняли все ее время, не давая ей опомниться, прийти в себя. Но под внешностью светской львицы таилось доброе сердце и отзывчивая душа. Это ее спасло.

Однажды около той гостиницы, где пировала Мария, окруженная толпой поклонников, остановились в нерешительности два старца-инока. Видно было, что они пришли издалека. Их ноги и одежда были покрыты пылью, избитая, потрепанная обувь говорила о дальней дороге. Они были утомлены, и им хотелось отдохнуть в гостинице, но звуки музыки и веселое общество их пугали. Наконец они решились войти. Их поместили рядом с пиршествственным залом в комнате, отделявшейся лишь тонкой перегородкой.

Шумная оргия продолжалась. Слышались бесстыдные речи. Опьяненная Мария танцевала соблазнительный, сладострастный танец.

Кто-то вспомнил о старцах.

– Посмотрим, что они делают? То-то, должно быть, намолятся!

– Оставьте их в покое, – сказала Мария с улыбкой.

Но уже несколько беспутных гуляк сгучились у перегородки, прислушиваясь к тому, что делалось за ней.

– Тсс... Тише! Что-то читают! Послушаем!

Шум умолк. В наступившей тишине слышался слегка заглушенный стеной голос читавшего старца.

Он читал: *И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром* (Лк. 7, 37–38).

– Вот нашли место для подобных чтений! – воскликнул один из молодых гуляк. – Эй, вы там!..

– Оставь! – вскричала Мария. Лицо ее становилось все серьезнее по мере того, как разворачивалась чудная евангельская история о прощенной грешнице. Она сама не понимала, что с ней делалось.

Старческий голос продолжал: *А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много* (Лк. 7, 47).

– Ну ты-то уж не станешь заботиться об этом! – шепнул Марии самый юный из гостей.

Громкий вопль был ему ответом. Все вздрогнули. Мария стояла вся трепещущая. Смертельная бледность покрывала ее лицо. Темные очи горели пламенем.

– Прочь от меня все! Оставьте меня!..

В ее сердце горели эти дивные слова о прощении, о спасении, о милосердии Божиим. Так засохшая земля жадно глотает влагу весеннего дождя.

Смущенные гости расходились. Мария бросилась за перегородку к изумленным старцам. Мгновенное изумление последних сменилось негодованием.

– Уйди от нас! – сказал один из них сурово. – Или нет в тебе стыда?!

– Отцы, не отвергайте меня! Я – грешница, но Господь не отверг блудницы!..

Она прильнула устами к запыленным ногам старцев: грешница Мария стала святой Евдокией. Слово Божие принесло стократный плод.

Какие уроки извлечем мы из всего сказанного? Если мы действительно хотим, чтобы евангельское семя давало в нас обильный плод и намерены серьезно трудиться над этим, то должны изучить почву своего сердца и выяснить, что именно мешает произрастанию слова Божия. Подумайте, к какому типу вы принадлежите? Представляет ли ваше сердце проезжую дорогу или каменистую почву или семена слова Божия гибнут в нем, заглушенные терниями мирской суеты?

Надо при этом иметь в виду, что указанные типы в чистом виде редко встречаются. Обыкновенно в человеческом сердце есть всего понемногу, и тип можно определить лишь преобладанием той или другой черты.

Определив особенности почвы, можно указать и применить особые приемы обработки сообразно с каждым родом почвы. Конечно, здесь все время необходимо помнить, что... *насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий* (1 Кор. 3, 7), Который единственно Своей силой может самую бесплодную почву сделать плодоносной и, наоборот, плодородную ниву обратить в пустыню, и что к Нему, следовательно, прежде всего должны быть обращены наши молитвы и прошения об успехе работы. Но при этом уповании на Бога как главном условии успеха мы все-таки не освобождаемся от обязанности работать под собой, ибо *кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (Иак. 4, 17).

Итак, что можем мы сделать?

О первой разновидности первого типа говорить почти не приходится, ибо психика людей этого сорта не включает в себе даже желания стать нравственно лучше и чище. Из тупого животного самодовольства их может вывести разве какая-либо катастрофа, посланная благодетельным промыслом Божиим. О них можно только молиться, но советовать им что-либо бесполезно, так как при обычных условиях они никакого совета исполнить не захотят. Две другие разновидности, как мы видели, обращены в проезжую дорогу массой разнообразных пестрых впечатлений, которые, проносясь через сознание, подобно бесконечной веренице экипажей и прохожих, утрамбовывают почву, то есть делают душу жесткой, черствой и невосприимчивой к слову Божию. Ясно, что первая наша забота здесь – поставить загородки, чтобы по дороге не ездили и не ходили. Говоря простым языком, это значит задержать или совсем остановить тот поток несвязных восприятий ежедневной жизни, который назойливо теснится в мозгу, загромаждая его всяким хламом.

Подумайте, в самом деле, сколько всякой дряни проходит каждодневно через голову среднего так называемого культурного человека! Одна утренняя газета чего стоит! Тут и

лживая передовица, освещающая события так, как это нужно редакции; тут и фельетон, полный скабрзного зубоскальства; тут и хроника, передающая все базарные новости; тут и объявления о пропавшей моське и о враче, радикально излечивающем половое бессилие. Прочитав все эти «полезные» сведения, вы чувствуете потребность, по крайней мере, два часа гулять на свежем воздухе, чтобы проветриться. Далее, приходите вы на службу и сразу узнаете ряд других новостей: у кого сбежала жена, кто из коллег проворовался, кто получил повышение и награду и т. д. Возвращаетесь домой – у вашей жены уже сидит приятельница, патентованная сплетница, которая вываливает на вас целый короб самых свежих, только что испеченных известий. Вечером вы идете в театр, и снова перед вами проходит новая вереница происшествий, речей, монологов, различных лиц, зрителей, актеров, знакомых и незнакомых, старых и молодых, нарядных и плохо одетых, вся эта волнуемая, шумливая, вечно изменчивая толпа, наполняющая места зрелищ. Прибавьте к этому заключительный аккорд ресторанного ужина с впечатлениями электрического света, разряженных женщин, дешевого оркестра и т. д. – и вы поймете, что, пожив месяц в этом кипящем котле внешнего разнообразия, мимолетных эффектов и внутренней пустоты, можно и очерстветь, и одуреть. Об успехе и влиянии на душу слова Божия при такой обстановке и речи быть не может. Но поставьте рогатки, откажитесь от этого шума и суеты, ограничьте всеми зависящими от вас мерами этот наплыв впечатлений, живите более уединенной жизнью, обязательно обеспечьте себе часы углубленной вдумчивости и тишины – и вы увидите, что почва вашего сердца станет постоянно меняться и глубже воспринимать ростки Божьего слова.

У людей второй категории препятствием к произрастанию евангельского семени служит каменный пласт себялюбия. Сюда и должны быть обращены усилия. Этот пласт надо взломать и удалить. Так обрабатывают поле в Финляндии. Чтобы приготовить почву для посева, там необходимо сначала удалить массу громадных валунов и каменных обломков, загромаждающих поле. Эти камни или взрывают, или выкорчевывают из грунта, подводя под них длинные толстые бревна. И надо видеть эту работу! Подводя под громадный камень бревно, целая семья крестьян – владельцев или арендаторов поля – садится на свободный его конец и начинает качаться. Они качаются настойчиво, методически, качаются утром и вечером, качаются день, другой... И наконец массивный валун начинает слегка вздрагивать и тихо-тихо выворачиваться из земли. Это трудная, скучная работа, но другого исхода нет: надо очистить поле. Нелегкая работа предстоит и с самолюбием. Вырвать его и удалить сразу нет никакой возможности, но можно отламывать его кусками. Не следует только жалеть себя.

Допустим, вас просят оказать услугу. Вам не хочется, ибо это связано для вас с потерей времени и другими неудобствами. Ваше себялюбие протестует и ворчит. Не слушайте этого голоса, преодолите себя и, победив на этот раз свое нежелание и саможаление, вы уже отломили кусок себялюбия. Продолжайте эту работу настойчиво, упорно, непрерывно, как работают финские крестьяне, и мало-помалу ваше себялюбие станет смягчаться, слабеть и исчезать, уступая место лучшим чувствам самопожертвования и заботы о других. Тогда корни слова Божия будут глубже проникать в сердце и не погибнут от первой невзгоды.

Наконец, людям третьей категории, у которых терния заглушают всходы евангельского посева, нужно помнить, что маммоне и Богу одновременно служить нельзя, что надо выбирать что-нибудь одно, и раз избрано служение Богу, то терния и сорную траву суетных желаний и мирских пристрастий надо тщательно выпалывать, иначе они разрастутся и заглушат слово Божие. При этом полезно помнить, что чем раньше производить эту работу, тем лучше. Пока терния только в зародыше, их легко выполоть.

Пока греховные желания существуют только в мыслях и не перешли еще в дело, их легче побороть. Но они укореняются, когда осуществляются в действии, и тогда борьба с ними становится труднее.

Когда почва таким образом сколько-нибудь подготовлена, то сама обработка души, содействующая успешному произрастанию слова Божия, производится по старому правилу аскетов: паши плугом покаяния, удобряй молитвой, орошай слезами сокрушения и постоянно выпалывай дурную траву страстей.

Василий Кинешемский, свт. Беседы на Евангелие от Марка. М.: «Сибирская благовонница», 2010.

Архиеп. Аверкий (Таушев) (по всем евангелистам сразу)

Слово «притча» представляет собой перевод греческих слов: «параволи» и «паримиа». «Паримиа» – в точном смысле означает краткое изречение, выражающее правило жизни (таковы, напр. «Притчи Соломоновы»); «параволи» есть Целый рассказ, имеющий прикровенный смысл и в образах, взятых из повседневного быта людей, выражающий высшие духовные истины. Евангельская притча собственно есть «параволи». Притчи, изложенные в 13-й главе Евангелия от Матфея и в параллельных местах у двух других синоптиков, Марка и Луки, были произнесены При стечении столь многочисленного народа, что Господь Иисус Христос, желая устраниваться от теснившей Его толпы, вошел в лодку и из лодки говорил к народу, стоявшему на берегу Геннисаретского озера (моря).

Как поясняет св. Златоуст, «Господь говорил притчами для того, чтобы сделать слово Свое более выразительным, глубже напечатлеть его в памяти и самые дела представить глазам». «Притчи Господа – это иносказательные поучения, образы и примеры для коих заимствовались из обыденной жизни народа и из окружавшей его природы. В Своей притче о Сеятеле, под Которым Он разумел Самого Себя, под семенем проповедуемое Им Слово Божие, а под почвой, на которую падает семя, сердца слушателей, Господь живо напомнил им их родные поля (через которые проходит Дорога), местами заросшие колючим кустарником – тернием, местами же каменистые, покрытые лишь тонким слоем земли. Сеяние – прекрасный образ проповедания Слова Божия, которое, падая на сердце, смотря по состоянию оно, остается бесплодным или приносит плод больший или меньший.

На вопрос учеников: *Почто притчами глаголеши им?* Господь отвечал: *Вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго, о нем же не дано есть.* Ученикам Господа, как будущим провозвестникам Евангелия, через особое благодатное просвещение ума их, дано было знание Божественных истин, хотя и не в полном совершенстве до сошествия Св. Духа, а все остальные не были способны к принятию и пониманию этих истин, причиной чего было их нравственное огрубление и ложные представления о Мессии и Его царстве, распространяемые книжниками и фарисеями, о чем пророчествовал еще Исайя (см.: Ис. 6, 9–10). Если показать таким нравственно испорченным, духовно-огрубевшим людям истину, как она есть, не облекая ее никакими покровами, то они и, видя, не увидят ее и, слыша, не услышат ее. Только облеченная в приточный покров, соединенная с представлениями о предметах хорошо знакомых, истина становится доступной восприятию и пониманию: ненасильственно, сама собой загрубелая мысль возносила от видимого к невидимому, от внешней стороны к высшему духовному смыслу.

Кто имеет, тому дано будет, и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет – присловие неоднократно повторяемое Господом в разных местах Евангелия (Мф. 25, 29; ср.: Лк. 19, 26). Смысл его тот, что богатый при усердии более и более богатеет, а бедный при лени и последнее теряет. В духовном смысле это значит: вы, апостолы, с дарованным вам уже познанием тайн Царствия Божия, можете проникать все глубже и глубже в тайны, понимать их все совершеннее; народ потерял бы и то скудное знание сих тайн, какое еще осталось у него, если бы при откровении сих тайн не дать ему в помощь приточной речи, более для него пригодной. Св. Златоуст разъясняет это так: «Кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что, как ему кажется, он имеет».

У кого ум так омрачен, а сердце огрубело во грехе, что он не понимает Слова Божия, у того оно ложится так сказать на поверхности ума и сердца, не пустив корней внутрь, как семя на Дороге, открытое для всех проходящих, и лукавый – сатана или демон – легко его

похищает делает бесплодным слышание; каменистую почву представляют собой те люди, которые увлекаются проповедью Евангелия, как приятной новостью, иногда даже искренно и чистосердечно, находят удовольствие в слушании его, но сердце их холодно, неподвижно, твердо как камень: они не в силах ради требований евангельского учения изменить свой привычный образ жизни, отстать от своих излюбленных, вошедших в привычку грехов, вести борьбу с искушениями, претерпевать за истину евангельскую какие-либо скорби и лишения – в борьбе с искушениями они соблазняются, падают духом и изменяют своей вере и Евангелию; под тернистой почвой разумеются сердца людей, опутанных страстями – пристрастиями к богатству, к наслаждениям, вообще ко благам мира сего; под доброй землей разумеются люди с добрыми чистыми сердцами, которые, услышав Слово Божие, твердо решились сделать его руководством всей своей жизни и творить плоды добродетели». «Виды добродетелей различны, различны и преуспевающие в духовной мудрости» (блж. Феофилакт).

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Архим. Иоанн (Крестьянкин) (по св. евангелисту Марку)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин. 1, 1–3). Други наши, каждый день совершается во всем мире в Церкви Божией Божественная служба и звучит слово Божие. Звучит то самое всемогущее творческое слово Божие, которым однажды сотворил Господь мир и которому Он даровал силу на все века – хранить и воссоздавать жизнь на земле. И дал Господь человеку несомненное уверение истинности слова Своего неопровержимыми Божественными пророчествами о всем, имеющем случиться в мире.

Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю... (Ис. 46, 10). Внимайте, веруйте, живите по слову Моему – говорит Господь. *Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф. 24, 35). Пророчества совершаются над миром и над народами. Погиб в потопе водном первый мир, утонув ранее в нечестии своем, изгнав из жизни своей Бога. Копит и собирает горящие угли зла второй мир, уже заготовив впрок такое количество огня, что, самовоспламенившись, этот огонь способен пожрать вселенную и все зло в ней. И предчувствие, что мы – современники последних времен, носится в воздухе.

А отступление от Бога все растет в наши дни, и с этим близится к завершению предсказанное Господом Иисусом Христом, но кто слышит, кто видит и понимает происходящее? Таких все меньше. Опять исполняются пророчества: *слухом услышите – и не уразумеваете, и очами смотреть будете – и не увидите* (Ис. 6, 9).

Но Господь долготерпит и ждет и продолжает сеять семена жизни. Одно поколение сменяет другое, и к каждому из них ежедневно выходит Великий Сеятель слова – Бог, чтобы сеять семена Своего Божественного учения, коим только и может жить мир.

Как же трудится Творец жизни на ниве Своей, как силится насадить, взрастить, спасти и сохранить жизнь! Он учит, наставляет, обличает. Стучит и стучит в души человеческие. Сеет везде и всюду по всей вселенной, по дорогам и распутиям, по городам и селениям, днем и ночью, без усталости, без отдыха, чтобы спасти еще, возможно, некоторых.

Мир же безответен пред Богом. И не Бог будет судить мир, но мир сам осудит себя, будучи поставлен пред своей вопиющей неправдой. И не будет на земле человека, которому бы на тропе его жизни не встретился Господь со Своим словом правды, словом любви, словом великого долготерпения.

И не будет на земле человека, чьего бы сердца не касалось веяние зова Божьего. Этот зов ведь слышится не только в голосе Церкви, но и в голосе совести человека, и в обстоятельствах его жизни. Слышал человек, но не ответил, не захотел ответить.

Но отчего же семена Божественного учения, самовластно сильные и предобрые, видимо не произрастают в жизни? Все меньше слышащих, все меньше исполняющих. И мир скользит по зыбкому распутию к конечной своей гибели.

Отчего гибнет столь доброе семя и труд столь усердного и Великого Делателя? Не от Сеятеля, сеющего жизнь, происходит смерть, и не от семени, дарованного могущественной Божественной рукой, вырастают волчцы и терния, готовые на сожжение. *Милости Господни исполнь земля*, – в этом мы усомниться не можем – так дивно и премудро сотворен мир (Пс. 32, 5). Но что же тогда?

Остается посмотреть на землю, приемлющую семя, остается посмотреть на себя. Зов Божий, несомненно, был в жизни каждого из нас. Кому-то встретился предтеча Божий –

человек горячей живой веры, чья-то душа встрепенулась благодатию церковной службы. Не счастье всех возможных случаев прикосновения к душе Духа Божия.

И зов был. Найдите этот сладкий миг в своей жизни, найдите непременно – это важно очень. Это живой религиозный опыт каждого из нас.

Но дальше посмотрим, как же мы откликнулись на этот зов? Как мы отделились Божественному призыву? Ведь даже Господь всей Своей силой и всей Своей любовью не может спасти нас без нашего участия. Великий дар свободы – избрать благое или злое – делает нас со-творцами своему Творцу – Богу или соучастниками губителя своего – врага рода человеческого.

И вот в нынешнем евангельском чтении Сам Господь толкует нам притчу, и непосредственно из Его уст уясняются причины, почему же чтение, слышание и даже знание слова Божия не приносят спасительных плодов. Слово жизни сеет Господь в живое человеческое сердце. Но оно-то, наше сердце, оставленное без внимания, как часто становится бессильным к принятию семени. <...> Вот оно наше сердце: сейчас оно – камень, но завтра усилием воли и трудом нашим оно может стать плодородной землей; сейчас оно – придорожье и распустье жизни, и какой только мусор не нашел в нем себе место, и какое зло не прижилось в нем, а завтра то же самое сердце наше, омытое покаянием и заботливым вниманием к нему, станет возделанной и тучной пахотой и пристанищем всякому добру; сейчас оно – сердце, поросшее тернием греха, а завтра оно же, прополотое и ухоженное, станет почвой, готовой к принятию доброго семени.

Это четыре состояния души человеческой, и только при одном из них семя Божие даст плод в Жизнь Вечную.

Рассмотрим внимательнее эти состояния нашей души и уразумеем: та ли мы почва, что может принять семя, возрастить и дать плод? Ведь мы уже поняли, что различие в принятии слова Божия зависит не от природы человеческой, но от нашей с вами свободной воли.

Душа человеческая подобна дороге. По ней проходят и ее топчут тысячи людей, сквозь нее непрерывным потоком идут и сменяют друг друга жизненные влияния и впечатления.

Разбойник-телевизор впился в душу и держит ее своей мертвой хваткой до полного ее опустошения. И нет душе отдыха, нет ей покоя.

В этой сумятице в ряду общих впечатлений вдруг проскользнет, промелькнет и слово о Боге, и Божие слово. Но ничто не задерживается в такой душе надолго. Жажда новизны быстро стирает прошлое, и опять пуста душа. А ветры злоторных учений поднимают в ней вихрь злых помыслов, и возбужденные страсти спешат исполнить их.

Вот и распустье в душе человека. Господь посеял семя жизни, но тяжелые ступни торжествующего зла потоптали семя. А то хищными птицами налетят во время чтения или слышания слова Божия рассеянность наша и думы житейские. И опять труд Великого Сеятеля оказался напрасным. Семя похищено, не коснувшись души человеческой. Она осталась пуста, холодно ей в мире и неудобно.

А слово Божие кратко: *Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их* (Мк. 4, 15). И будем ли мы винить теперь Сеятеля? Разве не в нашей власти было сохранить семя? А если диавол и – хищник, то не от нас ли с вами зависит не дать ему расхитить наше? Трезвитесь, бодрствуйте. *Противостаньте диаволу, и убежит от вас...* (Иак. 4, 7).

Но вот и другая скорбь уже ощутима нами – жалуемся мы, что окамененное нечувствие возобладало душой. Мы страдаем, чувствуя безнадежность этого состояния. И Господь подтверждает наши худшие опасения.

...посеянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны... когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 16–17). ...временем веруют, а во время искушения отпадают... (Лк 8, 13).

Да, в нас горело сердце к Богу. Мы помним радость и окрыленность души, когда пронзило ее великое открытие: есть, есть Бог! И как преобразился в то мгновение мир, как ликовало сердце, первый раз впитывая Божественное евангельское слово. Но вдруг опять поблек мир, и то, что недавно радовало и привлекало к Богу, стало невыносимыми веригами, путами, мешающими жить.

Да, это, дорогие мои, слово Божие позвало нас на подвиг самоотречения, оно потребовало связать нашу самость, наши привязанности, потребовало от нас жертвы любви. Это оно посягнуло на идолов, гнездившихся в душе нашей. Но не всем, оказывается, по силам поднять руку на идола.

И вот какое-то время томится душа, желая совместить несовместимое – служить Богу и велиару одновременно. Но сердце-то уже сделало выбор, и делами жизни нашей Бог предается нами. И нет дерзновения в душе, нет живой Божией силы в нас, чтобы противостоять искушениям жизни, противостоять диаволу.

И видим мы, как слабо в нас слово истины, как безжизненно, как близко к умиранию. Оказывается, недостаточно только слышать слово Божие, надо еще усилием своей воли, своих трудов принять его как единственный свет истины, единственную жизнь.

А как неприметно, но действенно и верно восстают на нашу жизнь в Боге печали, богатство и сласти житейские. Суетная привязанность к земному и временному, наполняя наше сердце, подавляет в нем действие слова Божия и Божией благодати. Все это Господь называет одним словом – терние, *...и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода (Мк. 4, 7).*

Пристрастие к земному рождает непрестанную, непреходящую заботу о нем. Начинается с заботы приобрести, казалось бы, необходимое, но как быстро этого необходимого становится нужно все больше и больше. И закружилось колесо – умножать любимым путем, хранить, боясь лишиться приобретенного. И вот уже густые терния подавили сердце, заглушили в нем все доброе, украли время. А опаснейшие терния духа – страстные влечения, сласти житейские. Корень их находится в глубине человеческого сердца, ибо это тот иной закон в удах наших, который противоборствует закону Божию и пленяет нас закону греховному.

И эти злые корни суть дела плотские, о которых срамно и глаголати и о которых сказано, что делающие такие дела *...Царствия Божия не наследуют (Гал. 5, 21).*

Во многих это зло начинается так безобидно, с детских шалостей, которые неприметно становятся спутниками жизни, а результат их – погибель еще здесь, на земле, расстройство психики, отсутствие воли. И эти-то злые отрасли, как терния и волчцы, беспрестанно растут и возрождаются даже тогда, когда мы хотим их искоренить, но делаем это недостаточно решительно и беспощадно.

Не забудем, дорогие мои, что мы живем в мире зла, мы немощны, мы склонны ко греху. Грех нас сторожит на каждом шагу. И если мы даем ему свободу, то он, разрастаясь в нас раковой опухолью, пожирает нашу жизнь.

Но как же, как жить нам, чтобы услышать благой глас Отца Небесного: *...рабе благий и верный...вниди в радость Господа Твоего (ср.: Мф. 25, 21)?* Как стать плодоносной землей, которая, услышавши слово, хранит *...его в добром и чистом сердце и приносит плод в терпении (ср.: Лк. 8, 15)?*

Надо всецело предаться Богу любовью к Нему и страхом Божиим, а вниманием и молитвой ограждать себя на всякий час, чтобы три первые бесплодные состояния не укоренились в душе. На ниве души должен стоять неусыпный страж – чистая совесть, которая сокрушит окаменение сердечное и предаст плевелы страстей огню ранее, чем они укоренятся.

нятся в нас и поведут за собой. А огонь Божественной любви и пламенное желание Вечной Жизни родят молитву, и Божия благодать, привлеченная ею, сделает нас непоколебимо стоящими в истине.

Но нельзя, дорогие мои, ожидать на душевной ниве скороспелости семени истины и добра. Всякое семя возвращается в терпении, в борениях, в потах многие дни и годы, в великой терпеливости.

Так говорит Господь: *В терпении вашем стяжите души ваши* (см.: Лк. 21, 19). ...*Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него* (Лк. 16, 16).

Тогда обетования Спасителя увенчают труды наши еще в этой жизни.

И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле (Откр. 3, 10). А то, что нынче во всем мире наступила именно такая година, уже ни у кого не вызывает сомнения. «Тайна беззакония», восставшая в свое время на Самого Бога и изгнанная на землю, объявила еще тогда беспощадную – не на жизнь, а на смерть – войну против всего Божественного, в чем бы и как бы оно ни проявлялось:

- на христианское государство, хранящее нравственный уклад народной жизни;
- на Христианскую Церковь, несущую слово Божественной истины;
- на христианскую душу, держащую светоч Божественного учения, как путеводную звезду, в сгущающейся тьме обезумевшего беззаконием мира.

«Предтечи антихриста» уничтожили православную Россию. Они исказили, одурачили чуждыми сатанинскими идеями народ, насаждая их всеми возможными неправдами, лестью, обманом, кровью, вытравливая правду Божию из сознания народного. И вот сегодня на наших глазах происходит едва ли не последний страшный натиск сил ада на то, что еще хранит остатки истинной Божественной духовности, – на Православную Русскую Церковь. Гонение на Церковь стало сейчас скрытым, но тем более изощренным.

Именно теперь, когда объявлена во всем мире вожделенная «свобода», вся наша жизнь показывает, что дана одна-единственная свобода – свобода творить зло, свобода лить кровь, свобода красть, свобода тайно и явно убивать души.

Полк сатанинских сект, оккультных ересей, каббалистика, теософия, астрология, гипноз, кодирование, медитация, экстрасенсорные воздействия на человека, парапсихологические методы «лечения» – калечения людей, которые церковным вероучением определяются как чародейство и колдовство, – нашли сейчас на Родине нашей высоких покровителей.

И все средства массовой информации отданы враждебным Православию разрушительным силам, стремящимся отравить чистые, животворные источники православного христианского учения, оболгать их, оклеветать и ошельмовать.

Далеко не надо ходить за примерами. Со всех концов нашей Родины задолго до 28 октября стал слышаться вопль верующих: Не конец ли света обещан с телевизионных экранов в этот день? Сообщите. Да и как не смутиться, если авторитетные государственные печатные издания тоже предупреждают о грядущих 28 октября событиях.

А слово Божественной истины говорит: *О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один...* (Мф. 24, 36).

Но русские люди отвратили слух от истины, чтобы верить басням. И притихла в этот день Россия, все напряженно ожидали, как будут развиваться события. Но 28 октября прошло. А 29-го все облегченно вздохнули, еще раз уверившись в справедливости своего безверия.

И ошельмованные заведомой ложью люди теперь уже никогда не захотят прикасаться к истинам веры, живой и действенной. Лжеучители и лжепророки, купившие свободу творить зло на Руси, завершат страшное дело убийства души народной.

Да, «тайна беззакония» довершает сейчас свое сатанинское дело. Мир зримо оскудел Духом Божиим, но стал очень богат духом заблуждения.

Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть... – говорит истина – слово Божие (Мф. 24, 6). И оно же предупреждает нас о имеющей явиться страшной последней брани, когда восстанет народ на народ и царство на царство (Мф. 24, 7).

Это значит, что народ Божий – православные христиане, вписанные в книгу жизни и принадлежащие Царствию Божию, должны повести ее, эту брань, с народом беззакония – богоборцами и лжеучителями, принадлежащими царству тьмы. И народ Божий победит, ибо убьет беззаконников Господь духом уст Своих. Но пока это совершится, терпеть нам надо и явить верность свою избранию Божию.

И сегодня я повторю всем нам призыв нашего современного иерарха, митрополита и старца Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского, прозвучавший на весь мир в эти скорбные для России и русского народа дни. И это голос Церкви Православной: «Восстанем же, братия! Будем бдительны. Облечемся в святую ревность, отринем уныние и робость! Приведем жизнь свою в соответствие со спасительным вероучением Православной Церкви. Се, ныне Господь призывает нас поработать на ниве Своей, да не услышим осуждающий глас Его: *...знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих... Итак будь ревностен и покайся (Откр. 3, 15–16, 19).*

Покаемся же в нерадении своем и поревнуем святому делу Божию – возрождению Дома Пресвятой Богородицы – Православной России!»

Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому (Кол. 4, 6). Аминь.

Проповеди архим. Иоанна (Крестьянкина). [Псков; Печоры]: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2001.

Архим. Кирилл (Павлов) (по св. евангелисту Луке)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные (Евр. 4, 12), – говорит святой апостол Павел в своих наставлениях христианам. Потому-то, придавая большое значение слышанию людьми слова Божия, Господь наш и предложил сегодня нам на страницах Святого Евангелия притчу о сеятеле и семени, в которой изобразил разнообразные действия Своего Божественного слова на сердца человеческие.

Слово Божие, дорогие мои, имеет весьма важное значение для религиозно-нравственной жизни людей. Без Божественного Откровения, заключенного в слове Божиим, мы не имели бы надлежащего понятия ни о Боге и о Его существе и свойствах, ни о мире и о его происхождении и последних судьбах, ни о себе самих – о нашем назначении в жизни настоящей и будущей, о нашей природе.

Без слова Божия мы не могли бы вести и жизни действительно нравственной. Только слово Божие ясно определяет, в чем состоит существо и совершенство истинно нравственной жизни. Слово Божие есть то духовное, Божественное семя, от которого зачинается и возрастает духовный человек. Как в мире вещественном все – от малой былинки до большого дерева – рождается и вырастает из семени, так и в мире духовном новый благодатный человек, новая тварь во Христе, возрождается в новую жизнь через слышание слова Господня, слова веры и упования, слова спасения и вечной жизни.

Нага и безобразна, мертва и безжизненна сама по себе земля, но бросьте в нее семена, и пусть оросится она дождевыми каплями, согреется лучами солнечными – и она украсится многообразными, золотистыми цветами, плодами и злаками. Мертва и безобразна сама по себе греховная наша природа падшего человека, способная только к взращиванию греховных помыслов, чувств и неправд от самой юности до престарелого возраста. Но, когда посетится на ней живое семя слова Божия и благовествования Христова, когда оросится она благодатью Христовой и согреется дыханием Пресвятаго Духа, тогда возникает в ней новая жизнь. Она облекается, как приятною зеленью, одеждою святых помыслов, благоговейных чувств, намерений и желаний; она благоухает цветами благих дел и плодов Святаго Духа: любовью, радостью, миром, долготерпением, благостью, милосердием, верою, кротостью, воздержанием (см.: Гал. 5, 22–23).

Как вещественное семя, сколь бы ни возрождалось, не теряет присущей ему жизненности, так и духовное семя – слово Божие, которое принес на землю Единородный Сын Божий, – не перестает сеяться в сердцах человеческих во всех странах мира и возрождать в новую, духовную жизнь души людские, и будет оно приносить плоды до скончания мира. Но, к сожалению, не во всех сердцах Божественное слово бывает одинаково плодоносно. И причины бесплодности сей указаны ныне в притче Господней.

Господь говорит, что когда сеятель стал сеять, то иное семя упало при дороге и было потоптано; налетели птицы и поклевали его (см.: Лк. 8, 5). Это означает слушающих слово Божие, но неразумных, к которым вскоре приходит диавол и похищает слово сие из их сердец, чтобы они не уверовали и не спаслись. И, следовательно, первым препятствием к тому, чтобы слово Божие принесло в душе человека плод, являются невнимательность, легкомыслие, рассеянность и беспечность – то, чем страдает большинство людей. Души и сердца таких людей представляют как бы большую дорогу, открытую для всех мимоходящих помыслов, впечатлений, для всех соблазнов и увлечений, для всякого пустословия и суесло-

вия. Такие люди только и живут-то, что интересом к новым впечатлениям, слухам и увлечениям, отчего души их скоро иссушаются и становятся невосприимчивыми к слову Божию.

Проникая в такие души, диавол, или злые люди, или впечатления, не согласные со словом Божиим, уносят, вытесняют из них слово Божие, и так оно бывает бесплодным. Как помочь избавиться от подобного душевного состояния, возвратить душе ее восприимчивость? Пример для этого можно позаимствовать из жизни земледельца. Когда он захочет обратить дорогу в пашню, то перегораживает ее, чтобы путники не могли по ней ходить, обрабатывает ее и засеивает семенами. И она приносит плоды. Так и рассеянные души пусть оградят себя от суетных увлечений и впечатлений мирских, сосредоточатся на прилежном чтении слова Божия, и оно мало-помалу возродит в них добрые христианские чувства и любовь и станет приносить обильный плод в их истинно христианской жизни.

Иное семя упало на каменистую землю и быстро взошло, но так как не имело корня, то быстро засохло (см.: Мк. 4, 5–6; Лк. 8, 6) Это означает тех, кто с радостью слушает слово Божие, но потом по причине гонения или искушений отпадает и не приносит плодов. Таким образом, второе препятствие к плодоносности слова Божия встречается в душах, подобных каменистой почве, то есть затвердевших от самолюбия или каких-либо других страстей и похотей и не размягченных чувством любви, сострадания, доброго расположения к ближним. Под влиянием самолюбия души эти сделались подобными камню, бесчувственными и бессострадательными, а потому и не способны они к восприятию слова Божия, и оттого не приносит оно в них плода; хотя и слышат они его, но оно в них скоро засыхает.

Чтобы исцелить, исправить такое убожество души, необходимо совершение подвигов самоотвержения и дел любви, общение с людьми милосердными и добродушными, а также беседы и чтение о делах милосердия, что вкупе и может постепенно смягчить душу и сделать ее отзывчивой, любящей и сердечной.

Иное семя упало в терние, и выросло терние и заглушило семя (см.: Лк. 8, 7). Это означает тех, кто слушает слово Божие, но в ком забота века сего, богатство и наслаждения подавляют его и оно заглушается (см.: Лк. 8, 14). В духовной жизни под тернием понимаются обыкновенно многообразные попечения и заботы, удовольствия, сласти житейские, удовлетворение всяких похотей и влечений страстных. Естественно, что подавляется душа этими влечениями и не может в ней запечатлеться слово Божие.

Чтобы уврачевать свою душу от сего недуга и дать слову Божию приносить в ней плод, необходимо прежде всего исторгнуть из нее заботы житейские, а главную и преимущественную заботу обратить на ее спасение. Искомое сокровище христианина составляет Царствие Небесное. *Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его*, а остальное *все приложится вам* (Мф. 6, 33), – говорит Спаситель. Поэтому прежде всего и надо заботиться о спасении своей души, тогда все остальное само собою приложится и наши заботы о житейском примут второстепенный характер и не будут заглушать в нас добрых ростков слова Божия.

Но, кроме бесплодных душ, есть и души плодоносные. Иное семя упало на почву добрую и принесло плод в тридцать, шестьдесят и во сто крат (см.: Мк. 4, 8). Это означает тех людей, которые имеют доброе и чистое сердце и слушают слово Божие со вниманием и *приносят плод в терпении* (Лк. 8, 15). Действительно, много нужно им терпения, чтобы сохранить себя от разнообразных искушений, соблазнов и забот мира сего и сохранить свое сердце непорочным и чистым. Но зато и награждаются они обильными плодами.

Дорогие братья и сестры, чтобы слово Божие приносило в нас плод, будем прежде всего внимательно слушать и читать его и размышлять о нем, отгоняя всякую невнимательность и рассеянность и оберегая свое сердце от всякой вредной многопопечительности и суетности. Тогда-то и будем мы приносить *плод в терпении*, на что и Спаситель внимание наше обратил, присовокупив в конце притчи слова: *Имей уши слышати да слышит* (Лк. 8, 15).

Если будем мы прилагать старание свое к этому, то, конечно же, милосердный Господь Сам поможет нам очистить наши души от забот житейских и Своею благодатью удобрит их, чтобы мы здесь, на земле, принесли Ему добрые плоды и удостоились за то нескончаемой жизни на Небе, которую *уготова Бог любящим Его* (ср.: 1 Кор. 2, 9).

Аминь.

Кирилл (Павлов), архим. Ищите прежде Царствия Небесного. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.

Притча о плевелах

Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда возшла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.

<...> Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. И, приступив к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит! (Мф. 13, 24–30; 36–43).

Свт. Иоанн Златоуст

Какая разность между этой притчею и предыдущею? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили; здесь же разумеет еретические сонмища. Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второю дается знать, что вместе с словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений дьявола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковверных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: *спящим*, говорит, *человеком*. Не малою опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым преимущественно вверено хранение нивы, – впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков – лжепророки, после апостолов – лжеапостолы, после Христа – антихрист. Да и дьявол, пока не видит, к чему можно подделаться, или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Так и теперь, приметив уже, что *ов сотвори сто, ов шестьдесят, ов тридцать*, он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там дьявол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для оболыщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и терний, так здесь – от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели церквей, введя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем самым открыли дьяволу легкий путь для совершения своих козней. После того, как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного – невозможно, а без сна произвольного – возможно. Потому и Павел сказал: *бодрствуйте, стойте в вере* (1 Кор. 16, 13). Далее Господь показывает, что дело дьявола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. *Егда же прозябе трава*, говорит Он, *и плод сотвори, тогда явишася и плевелие*. Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получают полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Дьявола же именует врагом-человеком потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба дьявола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него дьявол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же готовы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды,

а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избравши средство, они не осмеливаются сами собою привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: *хочеши ли?* Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: *да не когда восторгнете с ними купно пшеницу.* Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтоб они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенного к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: *да не восторгнете с ними купно пшеницу?* Или то, что, принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницею. Следовательно, если вы, – говорит Он, – искорените их преждевременно, то лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И заметь, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины. Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда *реку жателем: соберите первее плевелы, и свяжиши их в снопы, яко сожеши я.* Опять приводит на память ученикам слова Иоанновы, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть без всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. *Реку жателем, говорит Господь, соберите первее плевелы.* Для чего же *первее?* Чтобы ученикам не подать случая к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. *И свяжите их в снопы, яко сожеши я; а пшеницу соберите в житницу.*

Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Т. 1. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

Блж. Феофилакт Болгарский

В прежней притче Господь сказал, что четвертая часть семени пала на добрую землю, в настоящей же показывает, что враг и этого самого семени, которое пало на добрую землю, не оставил не испорченным по той причине, что мы спали и не радели. Поле – это мир или душа каждого. Тот, Кто сеял, есть Христос; доброе семя – добрые люди или мысли; плевелы – ереси и худые мысли; тот, кто сеял их, дьявол. Спящие люди – это те, которые по лености дают место еретикам и худым мыслям. Рабы же – это Ангелы, которые негодуют на то, что существуют ереси и испорченность в душе, и желают сжечь и исторгнуть из этой жизни и еретиков, и мыслящих дурное. Бог не позволяет истреблять еретиков путем войн, чтобы вместе не пострадали и не были уничтожены и праведные. Бог не хочет умертвить человека из-за злых мыслей, чтобы вместе не была уничтожена и пшеница. Так, если бы Матфей, будучи плевелом, был исторгнут из этой жизни, то вместе была бы уничтожена и имевшая впоследствии произрасти от него и пшеница слова; равным образом и Павел, и разбойник, ибо они, будучи плевелами, не были уничтожены, но им позволено было жить, чтобы после того произросла их добродетель. Поэтому Господь говорит ангелам: при кончине мира, тогда соберите плевелы, то есть еретиков. Как же? В связки, то есть, связав им руки и ноги, ибо тогда никто уже не может делать, но всякая деятельная сила будет связана. Пшеница же, то есть святые, будет собрана жнецами-ангелами в небесные житницы. Равным образом худые мысли, которые имел Павел, когда преследовал, были сожжены огнем Христа, сбросить который на землю Он и пришел, а пшеница, то есть хорошие мысли, собраны в житницы Церкви.

Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. Отпустил народ тогда, когда он не получил никакой пользы от учения. Ибо Он говорил притчами, чтобы Его спросили. Они же не позаботились об этом и не искали научиться чему-либо; поэтому Господь по справедливости отпускает их.

И приступивши к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Только об одной этой притче спрашивают, потому что другие казались им более ясными. Под плевелами разумеется все вредное, что растет среди пшеницы: куколь, горох, дикий овес и др. <...> здесь идет речь о ересь, которым позволено быть до конца мира. Если мы будем убивать и истреблять еретиков, подымутся раздоры и войны; а при раздорах и многие из верных, может быть, погибнут. Но и Павел, и разбойник были плевелами, прежде чем уверовать, но они не были истреблены в то время ради имеющей произрасти в них пшеницы, ибо в последующее время они принесли Богу плод, а плевелы пожгли огнем Святого Духа и пылом своей души.

Так как солнце кажется нам сияющим более всех звезд, поэтому Господь сравнивает славу праведников с солнцем. Но они будут сиять ярче солнца. Так как Солнце правды есть Христос, то праведники просветятся тогда подобно Христу, ибо они будут, как боги.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лепта», 2005.

Свт. Филарет Московский

Под руководством притчи Евангельской «о плевелах» нечто говорить хочу: призовем в помощь верховного Сеятеля добраго семени, чтобы не плевелы посеялись чрез слово сие, но чтобы в ничтожных плевелах наших обрелось зерно добраго семени, способное прозябнуть в мягкой земле послушных сердец, и принести плод для жизни вечной.

А на что бы и говорить о плевелах? – подумает кто-либо. Призванному сеять доброе семя не лучше ли и заниматься только добрым семенем, а не плевелами негодными?

И я желал бы поступить таким образом. <...> О если бы я мог не говорить о делах человеческих, суетных и погибельных, а только о делах Божиих, благих и спасительных! Дерзаю догадываться, что и Сам Творец и первоначальный Истолкователь притчи о плевелах не желал бы говорить о плевелах. Но что делать? Если есть опасность, что тогда, как сеется доброе семя, родятся и плевелы; или, если тогда, как посев уже взошел, действительно явились и плевелы: как в сих случаях не заниматься и плевелами? Как не подумать, что с ними делать?

Рабы, не знающие таин небеснаго земледелия, хотели бы тотчас полоть, силою исторгать и истреблять плевелы: но Премудрый Господин поля не позволяет. *Ни: да некогда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и тиеницу* (Мф. 13, 29).

Что же, однако, делать, чтобы плевелы не усилились, и не заглушили пшеницы? – О сем думаю я извлечь некоторое наставление из рассматривания того, что такое плевелы, и откуда они взялись на поле.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоём? Откуда убо имать плевелы? Что такое плевелы? В изъяснение сего Сам Творец притчи плевел сельных глаголет: *плевелы суть сынове неприязненнии*; или, по ближайшему предложению изречения Господня, как оно написано у евангелиста Матфея на греческом: *плевелы суть сынове лукаваго*. В сем изъяснении не трудно приметить, – и приметить сие нужно для дальнейшего разумения, – что притча под именем плевел заключает некоторых человеков, не по существу человеческому: подобно как и в другом изъяснении, что *доброе семя, сии суть сынове царствия* (см.: Мф. 13, 38), наименования добраго семени и сынов царствия относятся не к существу человеческому. По существу своему все человеки равно происходят первоначально от Бога Творца, последовательно от подобных себе человеков родителей: в жизни разделяются они на доброе семя и плевелы, становятся сынами царствия, или сынами лукаваго. *Сеявый доброе семя* (Мф. 13, 37) не новое поколение на земли посеял; но в том поколении, какое нашел в мире, посеял сынов царствия, и распространил их во все поколения мира. Из сего должно заключить, что доброе семя означает дух и свойство сынов царствия; почему и сказано, согласно с сим изъяснением, в изъяснении другой притчи, что *семя есть слово Божие* (Лк. 8, 11); поелику от слова Божия происходит в человеках дух и свойство сынов царствия. А посему и в противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означают дух и свойство сынов лукаваго в некоторых человеках. Как развитие добраго духовнаго семени в человеке есть истина веры, благо любви, сила надежды, чистая мысль, непорочное желание, здоровое слово, праведное и святое дело, духовная, небесная, Ангельская, Христова жизнь: так напротив прозябение душевных плевел есть ложь неверия или суеверия, зло нелюбления, ложная сила самонадеяния или бессилие отчаяния, нечистая мысль, порочное желание, не верное или не целомудренное слово, неправедное и незаконное дело, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или, – тоже одним словом, – не христианская.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоём? Ты сеял на земли то, что принес на нее с Собою с небес: а принес Ты с Собою на землю дух Божественный, свойство небесное. Селом Твоим, или полем Твоим были сердца избранных человеков; Ты посеял в них слово

Божие; согрел оное в них теплотою Духа Святаго; напоил Твоею Божественною кровию. Оно прозябло, процвело, принесло плод в жизнь вечную, *ово сто, овоже шестьдесят, ово тридесять* (Мф. 13, 23), в апостолах, в мучениках, во святых всякаго рода; чрез них засеяло страны, народы, веки. Сверх сего, чтобы семя Твое, для поля Твоего, сохранить всегда чистым, и никогда неоскудным, Ты *завещал наполнить гомор от манны сея в скров в роды наша* (Исх. 16, 32), – наполнить, то есть, определенную меру священных Писаний словом Божиим, так, чтобы, как некогда, из Божественных рук Твоих, от немногих хлебов, брали и насыщались тысячи алчущих, но количество хлеба от того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, из немногих Книг Божественных, тысячи тысяч научились, но тайны, и откровения таин премудрости Твоя от того не истощались, а непрестанно становились обильнее.

Господи! Коль «доброе семя, и с каким премудрым попечением о его доброте и чистоте, сеял еси на селе Твоем»!

Откуда убо имать плевелы? На Твоем, Господи, поле, откуда взялись плевелы? Если бы они явились там, где ничего не сеяно; или если бы злое растение возшло там, где злое и семя сеяно: не чему дивиться. Если между язычниками заблуждения и пороки: чего иного и ждать от сей земли дикой и не возделанной? Но на поле Христианства, которое возделано крестом Богочеловека, насеяно Словом Божиим, откуда плевелы языческие? Откуда заблуждения ума между вами, ученики Слова Божия? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святаго?

На сии не легкие, но не бесполезные вопросы, есть у нас легкие, но весьма вредные ответы. Заблуждения, говорят, от ограниченности человеческой; пороки от слабости человеческой. Прекрасное родословие заблуждений и пороков, – прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблуждениям, и погрязшие в пороках, люди, которых Евангельская притча называет «сынами лукаваго», могли уверять себя и других, что они не худаго рода! Невинное дело быть ограниченным; не стыдно признавать слабость сил человеческих: а из сего заключают, что и быть суеверным или безверным также невинное дело; что и в пороках пребывать также не стыдно.

Заблуждения от ограниченности? Полно, правда ли, что ограниченность есть мать заблуждений? Ограниченность есть неплоды; она не рождает ничего; потому что и сама не есть нечто, а только предел, край, недостаток сущности. Возьмем в пример способность зрения. Глаз твой ограничен: по сей причине удаляющийся от тебя предмет в известном расстоянии ты перестаешь видеть, и более ничего. Но если глаз твой вводит тебя в заблуждение, представляя окружающие тебя предметы в ложном движении кружащимися и падающими, от чего и ты падаешь: напрасно стал бы ты искать сему причины в ограниченности глаза; причины сему должно искать в твоём головокружении, происшедшем от употребления одуряющего зелия, или вина в излишестве. По сему рассуждай и о духовном зрении ума. Ум твой ограничен: по сей причине удаленные от мысленных взоров его предметы для него неизвестны, или непонятны, и более ничего. Но если в уме твоём оказываются понятия, которые противны естественному, всеми здравомыслящими согласно примечаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверх дном, но вместо того низвергаешь сам себя в нелепости: можно ли сие изъяснить ограниченностию, которая не есть начало действующее, и которая есть недостаток, общий всем человекам? Не должно ли, напротив, по необходимости производить сие от упоения нечистым и бродящим вином, или одуряющим зелием такой мудрости, которая хотя по области явления её называется земною и человеческою, но которой источник хуже, нежели что нибудь просто земное, которой корень ниже человечества?

Пороки от слабости! Поэтому, чтобы добродетельным быть, надобно быть исполином! А мы, напротив, как из священных сказаний знаем, что когда «исполини бяху на земли»,

тогда «умножишася злобы человеков на земли» (ср.: Быт. 6, 4–5); так и ныне видим не редко, что люди, и крепостию духа более других хвалящиеся, и менее других имеющие причины жаловаться на телесныя слабости или недостатки, впадают в пороки более тех, которые и телесным немощам и недостаткам более других подвержены, и отличной крепости духа себе не приписывают. Пороки от слабости! А напротив, даже язычник заметил, что «мы тогда бываем лучше, когда немощнее». Пороки от слабости! Согласимся, что и сие бывает в некоторых случаях: например, когда голодный нищий крадет кусок хлеба у богатаго. Но когда напротив того видим, что богатый, не только отказывает в куске хлеба нищему, но и грабительствует, и разоряет бедных, между тем как есть нищие, которые сохраняют бескорыстие: как можно изъяснить сие одною слабостию человеческою? Не видны ли здесь две противоположныя силы: в одном сила добра может быть выше, нежели человеческая, в другом сила зла, без сомнения, хуже, нежели человеческая?

Перестанем обманываться; отложим о происхождении наших заблуждений и пороков такая мнения, которая способны только уполномочивать заблуждения и пороки; не будем почитать плевел обыкновенным порождением и естественною принадлежностью пшеницы. И если не можем догадаться, откуда они подлинно: то спросим о сем Господа, и от Него примем вразумление. *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы?* – Он ответствует: *враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28), – *спящим человеком прииде враг его, и вся плевелы посреде пшеницы, и отыде* (Мф. 13, 25); – *враг всеявый их есть диавол* (Мф. 13, 39).

Мне кажется, что если бы мы чаще и с большею верою думали о сем происхождении наших душевных плевел: то не так легко попускали бы им раздражаться и разрастаться. *Враг всеявый их есть диавол*: он посеял их в легкомысленных или зломысленных сочинениях, в изнеженных песнях, в соблазнительных зрелищах, в вольном обращении, в нескромных и не постоянных обычаях. За сим враг скрывается: «вся плевелы посреде пшеницы, и отыде». Ты думаешь, что позволяешь себе невинныя, только не совсем строгия, удовольствия зрения, слуха, воображения, чувствования: но будь внимателен; сквозь сии удовольствия сеются плевелы лукаваго, адское семя внедряется в сердце; восчувствуй отвращение; убойся; восприими осторожность.

Осторожность: ибо притча говорит, что *спящим человеком прииде враг*. Что значит здесь сон, сего Творец в притчи не изъясняет: но без опасения погрешности полагать можно, что сон значит здесь беспечность и недостаток бдительнаго внимания к себе самому, и к своим действиям. Спят человеки духовно, когда беспечно смежают очи ума, и не стараются взирать на свет истины Евангельской и закона Божия, чтобы непрестанно им просвещаться, и просвещать пути жизни своей; когда, подобно во сне мечтающим, не управляют мыслями своими, не обуздывают желаний своих, попускают воображению своему блуждать по предметам чувственным и суетным. Так спят они: а враг между тем не дремлет; он крадется во тьме забвения о Боге и законе Его, и сеет в пшенице плевелы, во сне человеком мечты адския, в легкомысленном нерадении о добродетели и спасении, мысли нечистыя, желания греховныя, дела незаконныя и погибельныя. Не спи, или пробудись, возлюбленная душа; изощрай выну око твое ко свету Божию; ходи в присутствии Божиим; смотри бдительно не только за делами, но и за желаниями и за помышлениями своими; просвещайся внутренно Словом Божиим и молитвою, дабы и во время сна телеснаго заря духа не угасала в сердце твоём, и не допускала до тебя врага темнаго, сеющаго плевелы.

Сынове царствия, в которых посеяно семя доброе! Притча скажет, что плевелы становятся виднее по мере возрастания и созревания пшеницы, по мере приближения жатвы. О, как уже ныне видны плевелы на ниве Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному: *соберите первее плевелы и свяжите их в снопы* (Мф. 13, 30), – плевелы уже начинают сами себя приготавливать к последнему связанию в снопы для сожже-

ния: люди, которые предавались нечестию и беззакониям каждый по себе, время от времени более и крепче связываются в сообщества, в скопища, в соумышления. Да не спим, братия, но да бодрствуем; и да стережем и возвращаем каждый в сердце своем зерно духа, которое Божественный Сеятель посеял в нас крещением и поучением Евангельским.

А вы, небесные жатели, Ангели Божии! Прежде нежели явитесь пред нами с трубным гласом, возвестить жатву, вожделенную и страшную, глаголите к нам тихим гласом кроткого возбуждения к покаянию и бдению духовному, «да не когда уснем во грехе в смерть». «Ополчайтесь окрест» нас, и избавляйте нас от врага, сеющаго в нас плевелы, пищу огня геенскаго. Аминь.

Филарет Московский (Дроздов), свт. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 5. М.: «Типография А. И. Мамонтова», 1885.

А. П. Лопухин

Другую притчу предложил Он им, говоря: *Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем...*

Когда и кому была сказана эта притча? Одним ли ученикам или же и народу? Наиболее вероятное предположение то, что в учении народу был перерыв, пока Спаситель говорил с учениками, объясняя им притчу о сеятеле. А затем опять заговорил с народом. <...>

Относительно смысла [слова «плевелы»] высказано было много мнений. По Цану это, по-видимому, семитическое слово, обозначающее похожую на пшеницу сорную траву. <...> Но достоверного ботанического определения этого слова еще не сделано. Вероятно, это <...> какой-нибудь вид спорыньи, которая появляется не только во ржи, но и на многих других растениях, между прочим, и на пшенице. <...> Плод этого растения «более горек, – говорит Томсон, – и когда его едят отдельно или даже размешанным в обыкновенном хлебе, он причиняет головокружение и часто действует, как сильное рвотное. Кратко – это сильный снотворный яд, и должен тщательно провеиваться и отделяться от пшеницы, зерно за зерном». Прежде, чем созреть, это растение так сильно походит на пшеницу, что его часто оставляют до тех пор, пока она не созреет.

Еще древние толкователи рассуждали о том, как исполнить эту заповедь Спасителя относительно плевел в человеческой жизни. Никогда, говорит Иероним, не следует иметь общения с теми, которые называются братьями, но суть прелюбодеи и блудники. Если запрещается выдергивание до самого времени жатвы, то должны ли быть извергаемы некоторые из нашей среды? На этот вопрос отчасти отвечает Августин: если кто-нибудь из христиан, живущих в лоне церкви, будет уличен в каком-нибудь грехе, который навлекает на него анафему, то она пусть произносится только тогда, когда нет опасности в появлении раскола. Если грешник не покается и не будет исправлен покаянием, то сам, может быть, выйдет и собственным хотением отложится от общения церковного.

Лопухин А. П. Толковая Библия. Новый Завет. Т. 1–2. М.: «Дарь», 2008.

Свт. Лука Исповедник (Войно-Ясенецкий)

Уже много раз проповедовал я вам о великом празднике Преображения Господня на горе Фаворе, но праздник этот так велик, что всякая новая мысль о нем заслуживает отдельной проповеди.

В тропаре Преображения Господня слышите вы слова: *...да воссияет и нам, грешным Свет Твой присносущный, молитвами Богородицы. Светодавче, слава Тебе.* Надо ли понимать эти слова так, что мы просим Господа Иисуса Христа, чтобы для нас воссиял Его Божественный Свет, чтобы мы только увидели этот Свет, были зрителями Его?

О нет! Мы ждем и просим гораздо большего; мы ждем не только лицезрения Света Божественного в Господе Иисусе Христе, но просим, чтобы этот Свет воссиял и в нас, грешных, а не только был созерцаем нами в Господе Иисусе.

Что дает нам право желать этого счастья и просить о нем? Прежде всего слова Самого Господа Иисуса Христа, которые читаем в тринадцатой главе Евангелия от Матфея.

Господь объяснял Своим апостолам непонятную им притчу Свою о плевелах, выросших вместе с пшеницей. Он сказал им: *Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф. 13, 37–43).

Вот эти последние слова Господа нашего Иисуса Христа запомните: *Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.* Сами будут сиять Божественным светом, подобным тому, каким воссиял и преобразился Господь Иисус Христос. Неверующие в Бога и ни во что духовное знают только материальный свет небесных светил, электрических ламп и огня. А мы, верующие, почитающие за истину Священное Писание, знаем из книги Исход, второй книги Святой Библии, что нестерпимым для глаз человеческих светом сияло лицо великого пророка Моисея после сорокадневного непосредственного общения его с Богом на горе Синае и получения от Него каменных скрижалей с написанными на них перстом Божиим десятью заповедями.

Знаем и об очень близком от нас событии в Саровской пустыни, где жил и подвизался великий преподобный Серафим. У него часто бывал любимый им и живший по соседству помещик Мотовилов, и однажды неожиданно сказал великий Серафим Мотовилову: «Взгляни на меня». И со страхом увидел Мотовилов, что внезапно лицо Серафима засияло небесным светом, а потом вскоре приняло свой обычный вид. Как видите, этот великий праведник мог даже являть по желанию свой небесный свет и опять скрывать его.

Ко всем верным христианам обращено слово Господа Иисуса Христа: *Вы – свет мира* (Мф. 5, 14). Не только архиерею по облечении его в священные одежды возглашаются слова Христовы: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. 5, 16), – они относятся и ко всем христианам, всем сердцем возлюбившим своего Спасителя и Бога.

Будем же, братья и сестры мои, жить так, чтобы во тьме окружающего нас неверия светить хотя бы слабым светом своих душ, а по смерти своей воссиять как солнце в вечном Царстве Отца нашего Небесного. В этом да поможет нам ныне воссиявший небесным светом на горе Фаворе Господь и Бог наш Иисус Христос. Аминь.

Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Проповеди. Т. 2. Симферополь, 2004.

Архиеп. Аверкий (Таушев)

Царство Небесное, т. е. земная церковь, основанная небесным Учредителем и приводящая людей к небу, «подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем». «Спящим же человеком», т. е. ночью, когда дела могут быть невидимы никем – здесь указывается на хитрость врага – «прииде враг его и вся плевелы», т. е. сорные травы, которые, пока малы, всходами своими очень похожи на пшеницу, а когда вырастут и начинают уже отличаться от пшеницы, то выдергивание их сопряжено с опасностью для корней пшеницы. Учение Христово сеется по всему миру, но и диавол своими соблазнами сеет зло среди людей. На обширной ниве мира живут поэтому вместе с достойными сынами Отца небесного (пшеницею) и сыны лукавого (плевелы). Господь терпит их, оставляя их до «жатвы», т. е. до Страшного Суда, когда жители, т. е. Ангелы Божии, соберут плевелы, т. е. всех делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную, на вечные адские муки; пшеницу же, т. е. праведников, Господь повелит собрать в житницу Свою, т. е. в Царствие Свое небесное, где праведники воссияют, как солнце.

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Прот. Виктор Потапов

В притче о сеятеле и семени речь шла о том, как люди по разному принимают Слово Божие, и как это слово по разному воздействует на людей. В следующей притче о пшенице и плевелах Христос говорит о том, что в четвертой части семени, павшей на добрую землю, враг человеческого спасения делает все возможное, чтобы испортить то, что вырастает на этой доброй почве. Притча о пшенице и плевелах чрезвычайно актуальна для наших дней, когда люди задаются вопросом о происхождении зла в мире, недоумевают о соблазнах, расколах и отпадениях, которые встречаются в самой Церкви. <...> Сказав эту притчу, Христос разъясняет апостолам и нам, что «посеявший доброе семя» есть Сын Человеческий, то есть Он Сам; «враг Его» – диавол, сеятель плевел; «поле» – мир, по которому распространится Его вселенская Церковь; «доброе семя» – сыны Царства, чада Церкви, в которых благодатное семя слова Божия пустило корни, проникло в сердце, сделало их Божией пшеницей, готовой для сбора в небесную житницу, т. е. для царствия Божия; «плевелы» – сыны лукавого, то есть всякие лжеучители, соблазнители, через которых сатана делает свое лукавое дело.

Отцы Церкви учат, что диавол во всем противодействует Христу <...>, сеет в умах людей гибельную ложь и заблуждения, а в их сердцах сеет разные пороки, прикрашивая все это подобиями истины и добра. По этой причине Христос и называет таких людей плевелами, которые по внешнему виду походят на пшеницу. «Диавол, – пишет св. Иоанн Златоуст, – пока не видит, к чему подделаться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Посему и теперь, приметив уже, что посеянного и укоренившегося не мог похитить, ни заглушить, ни пожечь, вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена».

«Диавол сеет плевелы, – говорит Господь, – спящим человекам». Другими словами, диавол сеет свои плевелы тайно, незаметно, когда недостаточно хранят приставленные к ниве стражи, то есть пастыри Церкви, когда и сами верующие живут беспечно, слишком доверчиво слушают самозванцев, лжеучителей. <...> Христос, конечно, знает об этом и потому зовет Своих последователей духовно бодрствовать, постоянно быть на страже. <...> Хозяин посеял добрый плод, а ночью враг посеял там плевелы. Когда появились первые всходы, он призвал работников и показал им, что вместе с пшеницей растут плевелы. Увидев неладное на поле, слуги спросили господина: «Как это могло быть, ведь ты доброе семя сеял?» Слуги домовладыки предлагают вырвать плевелы, чтобы росла только полезная пшеница. Хозяин решительно отклонил их предложение, объяснив, что вырывая плевелы, можно повредить пшеницу, ибо плевелы очень похожи на пшеницу. Ведь можно перепутать и вместе с плевелами вырвать колос пшеницы, так как плевелы и пшеница растут рядом, вместе, корни сплелись и может выйти так, что, вырывая с корнем плевел, повредишь корень колоса пшеницы, и он погибнет.

Эта подробность в притче о пшенице и плевелах чрезвычайно важна и актуальна. В мире мы видим много беззаконий и различных безобразий. Да и не только во внешнем мире, но и внутри церковной ограды далеко не все благополучно. Часто, при виде возмутительных поступков злых, безнравственных людей, говорят: «Господи! Почему Ты не наказываешь теперь же злых? Зачем Ты даешь им возможность пользоваться всеми благами мира? Зачем они теснят, угнетают добрых?» На все эти вопросы Христос отвечает в притче: *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; настанет время жатвы, т. е. день страшного суда, и Я скажу жнецам, Ангелам Своим: соберите прежде плевелы, чтобы сжечь их; и соберут делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плачь и скрежет зубов. А пшеницу уберите в житницу Мою; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (ср.: Мф. 13, 36–43).

Многие чада Церкви, представляя, что ревнуют об истине, о чистоте Церкви, призывают с корнем вырвать плевелы. Если приняться ревностно уничтожать всякое зло внутри Церкви, можно, не разобравши, вместо плевел, вырвать колос пшеницы и повредить самому себе. Господь решительно запрещает такой способ борьбы со злом, ибо никто, кроме единого Бога Сердцеведца, не может безошибочно отличать лицемера от праведника. Кроме того, многие из грешников еще могут перемениться, покаяться и сделаться праведниками. Блаженный Августин по этому поводу говорит: «Многие исправляются, как Петр; многие терпимы, как Иуда; многие не обличаются до пришествия Господа, Который осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные помышления».

Действительно, если обратиться к житиям святых, мы найдем многих праведников, которые в течение своей жизни испытывали падения. В момент падения можно было бы принять их за плевелы. Отцы учат, что наличие искушений в мире, дела лукавых, очищают душу, помогают ей яснее видеть свои немощи, глубже чувствовать свою виновность и мало-помалу ослаблять в себе силы греха. Золото очищается от примеси огнем. Смешение людей добрых и злых в мире доставляет добрым тысячи случаев усовершенствоваться в добре, приобретать терпение, кротость, смирение, незлобивость, любовь. Жизнь праведников на земле тесно связана с жизнью грешников, и узами родства, и сходством расположении души, и внешними обстоятельствами, так что потрясение в участи одних не обходится без потрясения в жизни других. Например, недостойный отец, пьяница или развратник, может заботливо растить своих благочестивых детей; благополучие честных рабочих может находиться в руках корыстного и грубого хозяина; неверующий правитель может оказаться мудрым и полезным для граждан законодателем. Если бы Господь Бог без разбора карал всех грешников, то нарушился бы на земле весь строй жизни.

Христос не хочет, чтобы уничтожались в церковной ограде плевелы, находящиеся рядом с пшеницей еще и потому, что желает научить нас терпению, а грешникам показать Свое милосердие. Св. Иоанн Златоуст говорит, что это не значит, что Господь не запрещает останавливать лжеучителей. Нужно с ними бороться, но бороться достойными, евангельскими методами. Но ни в коем случае нельзя в этой борьбе прибегать к насилию как это, к великому сожалению, иногда имело место в церковной истории. Святые Отцы предостерегают от чрезмерной ревности, говоря: «Ревность, хотящая победить всякое зло, сама есть великое зло», ибо может принести много вреда. Совесть христианина не должна гореть тем злом, которое он видит. Он призван укротит зло в самом себе.

<...> Христос говорит: *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы, а жатва есть кончина века.* Блж. Августин поясняет: «Итак, Церковь до конца века будет совмещать в себе добрых и злых, без вреда для добрых. Если и оказываются в Церкви плевелы, то это не препятствует нашей вере и любви; усматривая плевелы в Церкви, мы не должны от нее отпадать. Нам должно только стараться самим быть пшеницею, чтобы, когда пшеница будет собираема в житницы Господа, наши труды и попечения не остались бесплодными». <...> И в XX веке сколько людей было вдохновлено примером стойкости новомучеников и исповедников Российских!

Святые Отцы уподобляют Церковь Христову Ноеву ковчегу, в котором вместе с чистыми были и нечистые животные. Церковь уподобляется еще и неводу, в который вместе с рыбой попадают и разные гады. Разные люди – и грешники и праведники – составляют Церковь, Тело Христово. Есть в ней люди, достигшие вершин духовного совершенства, а есть духовные младенцы. Новоначальных надо беречь, а не соблазнять и отталкивать, как немощных членов Церкви, «ревностью не по разуму».

Потапов Виктор, прот. Евангельские притчи. Вашингтон, 1995.

Притча о горчичном зерне

Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (Мф. 13, 31–32).

И сказал [Христос]: чему уподобим Царствие Божие? Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные (Мк. 4, 30–32).

Блж. Иероним Стридонский (по св. евангелисту Матфею)

Господь сидел на корабле, а толпа стояла на берегу: она была вдали, а ученики слушали, стоя ближе. Он предложил им и другую притчу подобно богатому домохозяину, который подкрепляет приглашенных гостей различными яствами, чтобы каждый соответственно свойствам своего чрева получил соответствующее питание. Поэтому и о предыдущей притче [евангелист] сказал не: *другую*, а: *иную*, ибо если бы он обозначил ее словом, другую, то мы не могли бы ожидать третьей; но он сказал *иную*, чтобы последовали затем еще многие другие.

Да не будет тягостно читателю то, что мы предлагаем притчи в целом виде; потому что то, что таинственно, должно быть изъяснено гораздо полнее, чтобы чрезмерной краткостью не вводить большее значение сравнительно с тем, что изъясняется. Царство Небесное это есть проповедование Евангелия и уразумение Писания, ведущее к жизни, а также и то, о чем говорится иудеям: *Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его*. Итак, этого именно рода царство подобно зерну горчицы, которое человек взял и посеял на поле своем. Под человеком, который сеет на поле своем, весьма многими понимается Спаситель, потому что Он сеет в душах верующих. Другие понимают самого человека, сеющего на поле своем, то есть в себе самом и в сердце своем. Кто есть тот, который сеет, как не наши дух и чувство, которые, принимая семя проповеди и согревая посеянное влагой веры, дают ему силу пустить росток на поле груди своей. Учение евангельское есть самое краткое из всех учений. На первый взгляд оно даже как будто не имеет возможности внушить доверие к своей истинности, проповедуя, что Бог есть человек, что Бог умер, и проповедуя о соблазне [для всех] – Кресте. Сравни учение этого рода с учениями философов, с книгами их, с блестящим красноречием, с изысканностью слога их речей, и ты увидишь, насколько меньше прочих семян посеяны Евангелия. Но когда те учения возрастут, то не обнаруживают в себе ничего затрагивающего, пылкого, жизненного; в них вскипает только вялое, изможденное, слабое и быстро производит злак, траву, которая быстро же и засыхает, и пропадает. А эта проповедь [то есть проповедь Евангелия], кажущаяся вначале незначительной, когда она посеяна, – в душе ли верующего, или во всем мире, – не превращается в злак, а вырастает в целое дерево, так что птицы небесные, – под которыми мы должны подразумевать или души верующих, или силы, непрестанно занятые служением Богу, – приходят и живут в ветвях его. Под ветвями евангельского дерева, вырастающего из зерна горчицы, мне кажется, нужно понимать различие догматов, на которых успокаивается каждая из вышеуказанных птиц. Возьмем и мы крылья голубя чтобы, возносясь в высоту, мы могли жить на ветвях этого дерева и устраивать себе гнездышки из учений, и, убегая земного, спешить к небесному. Читая о зерне горчичном, меньшем (из) всех зерен, и о том, что ученики говорят в Евангелии: *Господи, умножь в нас веру* (Лк. 17, 5), а также и ответ Спасителя им: *Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас* (Лк. 17, 6), многие думают, что или апостолы просили малой веры, или Господь был в сомнении относительно их малой веры, хотя, как известно, апостол Павел веру, сравненную с зерном горчицы, считал величайшей. В самом деле, что говорит он? *Если я буду иметь всю веру, так что мог бы и горы переставлять, а любви не имею, то это для меня нисколько не полезно* (ср.: 1 Кор. 13, 2–3). Таким образом, то, что по слову Господа совершается верой, подобно горчичному зерну, по учению апостола, может осуществиться только верой во всем ее объеме.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

Блж. Феофилакт Болгарский (по св. евангелисту Матфею)

Горчичное зерно – это проповедь и апостолы. Ибо, хотя их, по-видимому, и немного было, они объяли всю вселенную, так что птицы небесные, то есть те, которые имеют легкую и взлетающую ввысь мысль, отдыхают на них. Итак, будь же и ты горчичным зерном, малым по виду (ибо не должно хвалиться добродетелью), но теплым, ревностным, пылким и обличительным, ибо в таком случае ты делаешься больше «зелени», то есть слабых и несовершенных, сам, будучи совершенным, так что и птицы небесные, то есть Ангелы, будут отдыхать на тебе, ведущем ангельскую жизнь. Ибо и они радуются о праведных.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2007.

Евфимий Зигабен (по св. евангелисту Матфею)

Зерну горчичному уподобил проповедь (евангельскую): малозаметная и простая по выражению, она настолько возросла, что и аттическая, возбуждавшая удивление своими умствованиями, философия греков была закрыта величию выраженного просто Евангелия.

Царством Небесным здесь называет учение веры, как залог Царства Небесного. Уподобляет же его зерну горчичному, потому что оно сеялось в кратких и немногих словах, так как ученики вначале не могли вместить большего. Поэтому и пророк некогда назвал его сокращенным словом (см.: Ис. 10, 23). Но будучи возделано, оно возрастает напоением Божественного Духа, превосходит всякое другое учение и является выше всех. Эту притчу Господь предсказывает возрастание проповеди (евангельской). О человеке сеявшем и поле мы сказали уже в предыдущей притче. Полем называется мир и по той еще причине, что в нем сеется и возделывается разумное семя.

Притча обозначает и рассказ: *положил еси нас в притчу во языцех* (Пс. 43, 15); иногда – загадочную речь: *уразумеет же притчу и темное слово* (Притч. 1, 6); и – подобие, как предлагаемые здесь притчи; кроме того – иносказательную речь: *Сыне человек, повеждь повесть и рцы притчу на дом Израилев... орел великий, великокрылый...*, называя орлом царя ассирийского (Иез. 17, 2–3); наконец – означает и образ, когда, напр. ап. Павел (Евр. 11, 19) говорит об Аврааме, что он, приняв обетования, принес в жертву своего единородного сына; *тем же того и в притче прият*, т. е. в образе <...> семя, самое малое по своему количеству, но самое большее по качеству, или силе; посему оно и возрастает в величину. По подобию этого семени и ученики, будучи небольшим стадом, возросли в бесчисленное.

Это сказал для доказательства величины и крепости его. Некоторые под ветвями учения веры разумют верующих людей, в которых обитают птицы неба, т. е. Ангелы, охраняющие их. Другие же говорят, что ветви – это добродетели, которые обыкновенно возвращают учение веры; птицы же – это возвышающиеся над земными делами, крыльями ума поднимающиеся на высоту знания и устремляющиеся на небо.

Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. Киев, 1887.

Свт. Василий Кинешемский (по св. евангелисту Марку)

Жизнь есть вечное движение. Она никогда не стоит.

Духовная жизнь также движется постоянно: или вверх, или вниз, или к добру, или ко злу, но стоять она не может. Это похоже на плавание в лодке вверх по реке. Вы двигаетесь вперед, лишь пока гребете. Как только вы сложили весла, вас сейчас же начинает сносить назад.

Но если вы добросовестно работаете над собой, стараясь жить по заповедям Божиим, и, пользуясь евангельским светом, пытаетесь исправить свои недостатки, то незаметно для вас в вашей душе растет Царство Божие, то есть то высшее состояние нравственного совершенства, когда Господь начинает безраздельно царствовать в душе над вашими мыслями, желаниями и чувствами. Как растет это семя Царства Божия, по каким законам, – человек этого не знает и часто даже не замечает, пока не определится результат роста и семя не превратится в полновесный колос. Но когда вырастает семя, оно заполняет всю душу, вытесняя все лишнее, ненужное. Так *зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков* (Мк. 4, 31–32).

Последний эпизод разбираемого евангельского отрывка в характерном для святого Марка стиле рисует Господа как властного Царя стихий, Которому повинуются и море, и ветер, и буря.

Василий Кинешемский, свт. Беседы на Евангелие от Марка. М.: «Сибирская благовонница», 2010.

Сщмч. Григорий Шлиссельбургский (по св. евангелисту Марку)

Зародыш Божьего Царства в душе человека всегда ничтожен, совсем ничтожен, мал, как горчичное семя. Это потому, что душа в миру обуреваемая стихией мира, отличной от стихии Божьей, и вся она заполнена мирскими вещами, а Божье семя в ней теряется, и оно мало и ничтожно, как горчичное зерно. А когда это малое семя тобою будет укреплено и ты станешь на сторожку его малого побега и Господь Своей творческой силой будет творить в тебе обновленного человека (ср.: Мк. 4, 26–28), тогда малое семя пойдет в бурный рост (ср.: Мк. 4, 24–25), и быстро, быстро раскинет ветви, и будет глушить сорные травы, и захватит все пространство, весь мир души.

И вот, когда душа заполнится обильными и сочными ветвями Божьей благодати, на нее ложится тень рая. Зной страстей уже не сушит добра. В животворящей прохладе благодати задерживается и зреет все небесное, духовное, как птицы небесные охотно укрываются в тени древесных ветвей.

Григорий (Лебедев), сщмч. Толкование на Евангелие (От Марка и Луки). М.: «Даниловский благовестник», 2006.

Еп. Мефодий (Кульман) (по св. евангелисту Матфею)

Из притчи о сеятеле ученики Господа узнали, что из семян, посеянных на ниве сердец человеческих, три четверти погибает и всходит только четвертая, а притча о плевелах открыла им то, что и этой четвертой части семян грозят опасности от плевел. Эти истины могли смутить будущих сеятелей слова Божия, и вот, чтобы они не впали в малодушие, Господь ободряет их новыми притчами о зерне горчичном и о закваске. Первая изображает постепенное возрастание Церкви, распространение ее по всей земле; вторая – внутреннее действие учения Христова на весь мир и на каждого человека.

<...> В таких жарких странах, как Иудея, горчичное деревце достигает роста, о котором мы не имеем и понятия: там под его ветвями может проехать человек на коне; его сучьями топят большие печи; на его ветвях садятся огромные стаи птиц, и ветви не ломаются даже под тяжестью человека. Семена этого растения считались целебными, и потому самое растение было каждому известно. Зернышки горчичных семян так малы, что у евреев была поговорка: «мал, как горчичное семечко». Поучая народ притчами, Господь и говорил просто по народному. Он Сам есть и горчичное семя и Сеятель. В Нем едином, как в малом семени, заключалась первоначально вся Церковь Его; от Него распространилась она; в Нем едином она обретает и ныне свою жизнь; Он – единая, вечная Глава ее, и без Него не было бы и Церкви.

Он же есть и Сеятель, добровольно предавший Себя на смерть и чрез то даровавший жизнь Своей Церкви – всем верующим в Него. Он Сам говорит о Себе: *если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24). Он был воистину «малым зерном» в глазах людей: родился Он в отдаленной, незначительной стране Иудейской; тридцать лет жил в безвестном Назарете, в презируемой Галилее, в доме древодела; Своим учением привлек к Себе немногих учеников из простых рыбаков и мытарей, и, наконец, предав Себя в руки врагов, умер на Кресте, как один от злодеев... Но вот Он воскрес, вознесся к Отцу, и Его Церковь распространилась по всей земле, подобно древу великому... Сбылось на Нем древнее пророчество: *и пустит ветви и принесет плод и сделается величественным кедром, и будут обитать под ним всякие птицы* (Иез. 17, 23).

Климент Александрийский действие евангельского учения уподобляет горчичному зерну «оно огорчает душу с пользой для нас». Горькими, неприятными для нашего грехолюбивого сердца представляются заповеди Христовы, но когда мы решимся исполнять их, они будут для нас целительными и спасательными: они обновляют и преображают сердце. Горчичное семя, принятое внутрь, производит теплоту: так и благодатное слово Божие, воспринятое сердцем, согревает его. Такую благодатную теплоту ощущали в себе два ученика Христовы, Лука и Клеопа, на пути в Еммаус: *не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге* (Лк. 24, 32), говорили они. Горчица производит позыв на пищу: и слово Божие возбуждает в душе жажду спасения и оправдания во Христе Спасителе. Еще полнее и еще яснее Господь говорит об этом спасительном действии Его учения на наше сердце в другой притче.

Мефодий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Митр. Антоний Сурожский

<...> Я хочу обратить ваше внимание на целый ряд моментов в этом коротком отрывке. Для чего приносится свеча? Для того, чтобы светить. А кому? Разумеется, не только тому, кто эту свечу принес и зажег. Она должна светить всем, кто находится в комнате. Эта свечка, поставленная на окно или просто стоящая на столе в хижине, может явиться путеводной звездой для потерявшегося человека. То же самое Христос говорит о том, что мы слышим, чему научились, что раскрылось и расцвело в нашей душе, о том слове, том понимании, которое в нашей душе уже принесло какой-то свой плод. Раньше я говорил, что нам дано с другими делиться тем богатством, которое выпало на нашу долю, другим давать то, что мы получили. А что будет иначе? Иначе мы потеряем то, что нам было дано. Ведь можно сказать, что в конечном итоге все это, конечно, дело Божие. Апостол Павел в Послании к коринфянам говорит: я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог ((см.: 1 Кор. 3, 6). И это мы должны помнить. Причем мы должны помнить: быстрота, с которой слово растет, не обязательно соответствует нашему желанию, чтобы все исполнилось как можно скорее. Как запало в душу слово, образ, понимание, как возшло – иногда непостижимо. Не сразу духовно оживший человек становится зрелым человеком. Нужно иметь терпение и с собой и с другими. Напрасно мы иногда падаем духом, не видя в себе и в других желанного роста, – Божие семя рано или поздно взойдет. Прежде нежели колос может показаться над землей, должно произойти нечто неизбежное с семенем под землей: оно должно раствориться, как бы исчезнуть. Семя это перестает быть замкнутой единицей, оно пронизывается, пропитывается влагой, его больше узнать нельзя, отличить от земли нельзя. И только тогда, когда это семя уже нельзя отличить от почвы, в которой оно находится, тогда начинается плодотворение. И этот плод может явиться не только драматически, каким-то потрясающим образом, но самым малым, незаметным образом.

Об этом говорит рассказ о горчичном зерне. Малюсенькое зерно падает на землю, углубляется в нее, начинает таять, как бы исчезать, перестает иметь свою обособленную личность, ради того чтобы сродниться, срастись с той почвой, в которой оно находится. Потом это малюсенькое зерно дает плод, и вырастает целый куст, где могут укрыться птицы небесные, громадные по сравнению с малюсеньким зерном. И поэтому нам надо помнить, что не обязательно мы должны что-то громадное принести, какое-то откровение дать. Иногда одно слово, сказанное вовремя, даже сказанное нечаянно, может человеку переменить жизнь. Причем не обязательно Божественное слово – просто слово, которое исходит из недр чего-то чему мы сами научились.

Когда-то я преподавал в Русской гимназии в Париже. Помню, однажды девочка лет четырнадцати сидела и весь урок плакала. Когда она выходила, я стоял у дверей. Я ее остановил и сказал: «Не отчаивайся никогда!» Она прошла мимо. Я не знал, что с этим словом случилось; но для меня это слово имело громадное значение, потому что я верю в помощь Божию в этом отношении. Двадцать пять лет спустя она меня разыскала и написала письмо, что в тот день эти слова дали ей силу жить и надежду на будущее; это будущее перед ней раскрылось, как победа. В тот момент я только сказал ласковое слово бедной плачущей девочке, но оно было сказано изнутри моего собственного опыта и из того, чему я научился от Христа. И это очень значительно переменяло для нее нечто <...>.

Антоний Сурожский, митр. Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия. Евангелие от Марка. М.: «Даниловский благовестник», 1998.

Прот. Димитрий Смирнов (по всем евангелистам сразу)

<...> Зачем люди обычно приходят к Богу? Человек привык для своей души делать только благо, чтобы ей было хорошо – и вдруг на душе у него появляется какая-то тяжесть, душа начинает страдать. Тогда он и обращается к Богу: в церковь идет или просто начинает молиться. Или человек по плоти страдает: заболело что-то у него самого, или у сына, или дочери, и его интересует избавление от плотских, телесных страданий. Тогда он тоже к Богу идет, потому что часто обратиться просто больше некуда. И вот приходит человек к Богу, а Господь-то ему говорит совершенно о другом: голубчик, твое душевное страдание и твое телесное страдание связано с тем, что ты дух свой забыл и потерял. Давай лучше послушаем о Царствии Небесном. Может быть, тебя это как-то и заинтересует. Может, ты задумаешься о своем бытии, о том, как ты живешь?

Но большинство людей приходят в церковь совершенно не потому, что им Царствие Небесное нужно. Нет, кому отпеть, кому крестить, кому помянуть, кому избавиться от душевной боли, кому избавиться от телесной болезни – у каждого до Бога своя нужда. <...> Господь помог – и, естественно, человеку хочется что-то сделать для Бога в знак благодарности. Это естественное чувство. И вот именно с того момента, когда у человека рождается благодарность к Богу, начинается жизнь духовная, потому что человек уже не себе хочет, не для себя хочет Бога использовать, а стремится сам что-то сделать для Бога. И когда он задумывается, чем же он может Богу угодить, то узнает, что, оказывается, Богу-то ничего от нас не нужно. Богу нужно только одно: чтобы мы все вместе с Ним были в Царствии Небесном. И Он хочет нас этому научить. Но научить можно только того, кто желает учиться.

Кто имел дело с детьми, например в школе преподавал, знает: если ребенок не хочет учиться, то заставить его невозможно. Единственный способ его к учебе привлечь – это возбудить в нем интерес к данному предмету. И Господь тоже хочет в нас возбудить интерес к данному предмету.

<...> Вот как Господь объясняет: Царствие Небесное начинается в человеке с маленького зерна – с того момента, когда в человеческом сердце рождается благодарность Богу. Зерно горчичное – это самое маленькое из всех семян, какие только существуют. Если мы зерно посадим и будем на него глядеть, мы не увидим, как оно растет. Но если посадим и придем через месяц, мы увидим маленький росточек. Так же и Царствие Небесное – оно не сразу растет, оно растет постепенно. Постепенно человек начинает молиться, хотя еще, может быть, слов молитв не понимает, но постепенно, с годами до него доходит все больше и больше. Постепенно человек начинает в церковь ходить – сначала редко, потом чаще, а потом каждое воскресенье. И у него возникает даже потребность ходить каждый день. Он начинает это любить и уже страдает от того, что из-за житейских забот вынужден от церкви отлучаться. И желание послужить Богу растет, растет: человеку уже не хватает молитвы, он желает чаще причащаться, он хочет постоянно читать Священное Писание. Потом он и этим насытиться не может. Он хочет уже и ближним своим помогать. И ему уже не хватает собственных детей, внуков, он уже и соседу хочет помочь, а потом и совсем чужому человеку и так далее и так далее – растет в нем Царствие Божие, растет, как дерево.

И сказано: *птицы небесные укрывались в ветвях его*. Что за птицы небесные? Это христианские добродетели. Когда в человеке вырастает Царствие Божие – в душе его, потому что Царствие Божие внутри нас, – тогда птицы небесные христианских добродетелей поселяются в его сердце, начинают жить в ветвях Царствия Небесного. В человеке вдруг откуда ни возьмись начинает проявляться терпение, смирение, кротость, послушание, молитвенность, рассуждение и много всяких замечательных качеств, которых не было, но постепенно, постепенно они начинают вырастать. И он из преступника – из преступившего все заповеди,

раздражительного, злого, полубесноватого человека – начинает преображаться. Он становится совершенно иным, но, конечно, на это уходят годы, как и дерево растет годы. Поэтому Господь привел именно этот образ, как растет Царствие Божие в сердце человека. <...>

А жизнь наша очень коротка. <...> И вот жизнь проходит в грехе, и двери для человека заворяются – человек умирает. Происходит разрыв его состава: тело отдельно, душа и дух отдельно. В таком состоянии человек уже ничем не может себе помочь, бывает поздно. И если он жил только плотью – что ему теперь делать? Плотская жизнь исчезла, его плоть сейчас черви едят. Если он жил душевной жизнью – где его теперь книжечки? где его магнитофончики? где родная природа? искусство? где все, чем он жил? Ничего этого там нет. Чем же ему жить? Только страданием и плачем: что я делал? зачем я жизнь свою загубил? У телевизора просидел, хоккеем просмотрел или всю жизнь кастрюлями прогремел, тортов испек полторы тысячи штук, а толку-то в этом нет никакого. Поэтому будет плач и еще скрежет зубов – остается только зубами скрежетать в бессильной злобе, потому что кого еще винить, как не самого себя? Церкви-то открыты, Священное Писание издается, молитвенники – пожалуйста, молись, душу свою исправляй, стремись к Царствию Божию. Но все это было неинтересно, поэтому ничего в душе нет: нет любви к Богу, нет желания Царствия Небесного. Ну а на нет и суда нет.

Потому Господь и говорит: *И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием. И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними* (Лк. 13, 29–30). Многие из тех, кто с детства веруют и с детства в храм ходят как попало, через пень-колоду, в Царствие Небесное никогда не попадут. А попадут туда другие люди, которые, может быть, сейчас и в церковь-то не ходят, еще, может быть, у них и веры нет, но которые, уверовав, отбросят все и начнут серьезно заниматься спасением своей души. Человек в последние годы своей жизни может уверовать, опомниться – и за этот короткий срок успеет вырастить в своем сердце Царствие Небесное.

Как этого достичь? Вот мы посадили семя – что теперь нужно делать, чтобы оно выросло быстрее, чтобы усилить его рост? Надо, забыв обо всем, все время за этим семенем ухаживать, нужно землю рыхлить, нужно его постоянно поливать, окучивать, если возможно, сделать какую-то теплицу, постоянно удобрять. А что значит рыхлить землю своего сердца? Это значит постоянно вырывать из своей души всякие грехи, всякие сорняки – то, что выросло в результате нашей жизни. Что значит землю поливать? Это постоянно орошать душу слезами покаяния, все время каяться в своей прежней жизни, в своих прежних грехах. А удобрять? Это в землю нашего сердца всаживать слово Божие, все время читать Евангелие, все время молиться, все время причащаться. Все время, постоянно только так трудиться, забыв обо всем: о том, как ты выглядишь, что тебе есть, что пить, – имея одну вожденную цель, Царствие Небесное. Тогда Господь увидит: о, какой человек, все бросил, все оставил и желает только Царствия Небесного. И Господь такому человеку поможет, и за оставшуюся жизнь Царствие Небесное вырастет в его душе.

Смирнов Димитрий, прот. Проповеди. Вып. 5. М., 2007.

Притча о закваске

Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все (Мф. 13, 33).

Свт. Иоанн Златоуст

Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех уничиженнее, но так как сила, в них кровавшая, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски, говоря: *подобно есть царствие небесное квасу, егоже взяли жена скры в сатех трех муки, дондеже вскисоша вся* (Мф. 13, 33). Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так и вы преобразуете целый мир. Обрати внимание на смысл: Господь избирает для образа то, что бывает в природе, чтобы показать, что слово Его так же непреложно, как и видимое в природе происходит по необходимым законам. Не говори мне: что сможем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукою, и не только прикасается, но даже смешивается с нею (потому и не сказано – положи, но – *скры*), так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение со врагами своими, тогда их и преодолете. И как закваска, будучи засыпана мукою, в ней не теряется, но в скором времени всему смешению сообщает собственное свойство, так точно произойдет и с проповедью. Итак, не страшитесь, что Я сказал о многих напастях: и при них вы просияете и всех преодолете. Под тремя же сатами Господь разумеет здесь многие саты, так как число это обыкновенно употребляет для означения множества. <...> Итак, пусть никто не жалуется на скудость: велика сила проповеди; однажды вскиснувшее само делается закваскою для прочего. Как искра, когда коснется дров, зажженное ею делает новым источником огня, и таким образом простирается дальше и дальше, – так и проповедь. Но Господь сказал не об огне, а о закваске. Почему же? Потому что там не все зависит от огня, но многое и от зажженных дров; здесь же закваска все производит сама собою. Если же двенадцать человек заквасили целую вселенную, то размысли, как мы худы, когда, не смотря на всю свою многочисленность, не можем исправить оставшихся, мы, которых по надлежащему было бы довольно стать закваскою для тысячи миров!

Но то, скажешь, были апостолы. Что же из того? Не находились ли они в одинаковых с тобою обстоятельствах? Не в обществах ли жили? Не ту же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Разве Ангелы они были? Разве с неба сошли? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Но не по чудотворениям они сделались сами чудными. И долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения? Посмотри на целый сонм святых, просиявших не чудесами. Многие изгоняли даже бесов, но потому, что творили беззаконие, не только не сделались чудными, но еще подверглись и наказанию. Что же такое, спросишь, соделало апостолов великими? Пренебрежение богатства, презрение славы, свобода от житейских попечений. Если бы не имели они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецов воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итак, одна жизнь блистает всюду; ею только привлекается и благодать Духа, ревностная жизнь и любовь к добродетели не только не рожают такого желанья, но, если бы оно и было, истребляют его. И что говорил Христос, когда изрекал законы ученикам Своим? Сказал ли: творите чудеса, чтобы видели человеки? Совсем нет! Так что же? *Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. 5, 16). И Петру не сказал: если любишь Меня, то твори чудеса; но – *паци овцы Моя* (Ин. 21, 17). И если его с Иаковом и Иоанном Господь всегда предпочитал прочим апостолам, то скажи мне, за что такое предпочтение? За чудеса ли? Но все они одинаково очищали прокаженных, воскрешали мертвых; всем равно Господь дал всякую власть. В чем же было их преимущество? В душевной доблести. Итак

видишь, везде нужна жизнь и явление дел. *От плод бо их*, говорит Господь, *познаете их* (Мф. 7, 16).

Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес, или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. <...> Но что говорить о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор – или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе – или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирает, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а чрез то увеличится их любостыжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни.

Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретиче и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от Христа. *Научитесь*, говорит Он, *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Не говорит: Я постился, – хотя бы мог упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только, *яко кроток есмь и смирен сердцем*. И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но – *ядите предлагаемое вам* (Лк. 10, 8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостыжания, говоря: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших* (Мф. 10, 9). Говорю это не в оуждение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточно для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство. Итак, если хочешь сделаться равным апостолам, – ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов. <...> Итак, удалив от себя все житейские попечения, посвятим себя Христу, чтобы нам и соделаться равными апостолам по определению Его, и сподобиться вечной жизни, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Т. 1–2. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

Свт. Афанасий Александрийский

Пусть обратит внимание на это всякий сомневающийся в сказанном, а именно, что человек, приобретший и малую закваску добродетели, хотя не успел охлеботворить ее, однако же имел такое намерение, но не возмог исполнить его или по беспечности, или по нерадению, или по недостатку мужества, и потому что отлагал это день за день, не останется в забвении у праведного Судии, когда будет он нечаянно застигнут и пожат; напротив того, Бог, по смерти такового, возбудит ближних его, направит мысли их, привлечет сердца, преклонит души, и подвиженные этим, они поспешат подать ему помощь и пособие. И поелику Владыка коснулся сердец их, восполнят они недостатки отшедшего. А кто, покрытый весь терниями, ведет худую жизнь, исполненную нечистот, кто никогда не приходит в сознание, небоязненно и равнодушно погружается в смрад сластолюбия, исполняя всякие плотские пожелания, вовсе не заботясь о душе, и предаваясь совершенно плотскому образу мыслей; тому, если застигнутый в таком состоянии преселится он из жизни, никто, конечно, не подаст руку помощи, и участь его будет решена, так, что ни жена, ни дети, ни братья, ни родные, ни друзья нимало не помогут ему; потому что ни во что не поставит его Бог.

Афанасий Александрийский, свт. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Архиепископа Александрийского. Часть четвертая / Издание второе исправленное и дополненное. Репринт. М.: Издание Спасо-Преображенскаго Валаамскаго монастыря, 1994. С. 445–454.

Блж. Иероним Стридонский

Чрево людей различно: одни находят удовольствие в горькой, другие – в сладкой, третьи – в острой, четвертые – в легкой пище. Поэтому Господь, как мы выше сказали, предлагает различные притчи, так что, соответственно различию болезней, поражающих тело, бывают различные и средства к излечению. Названная в притче женщина, взявшая закваску и положившая ее в три меры муки, пока не вскисло все, есть, по моему мнению, или проповедь апостольская, или Церковь, собранная из различных народов. Она взяла закваску, то есть знание и разумение Писаний и скрыла ее в трех мерах муки, чтобы дух, душа и тело, соединенные воедино, не предавались разногласиям между собой, но, соединившись вместе с двумя или тремя, получили от Отца то, чего просили. Это место объясняется и иначе. У Платона мы читаем, а также есть всем известное учение философов, что в душе человеческой есть три сильные движения: <...> разумное... полное гнева, или гневливое... похотливое; и этот философ думает, что разумное пребывает в нашем мозгу, гнев – в желчи, а пожелания – в печени. Таким образом, если и мы примем евангельскую закваску из Священного Писания, о которой сказано выше, то три движения души человеческой сведутся к одному, так что в разуме мы приобретем благоразумие, в гнев – ненависть к порокам, а в пожелании – стремление к добродетелям. И все это будет через евангельское учение, которое подает нам Церковь. Я скажу еще и о третьем понимании некоторыми этого места, чтобы любопытный читатель из многих толкований избрал то, что ему понравится. Под названной выше женщиной и они понимают Церковь, которая к трем мерам муки веры человека примешала верование в Отца, Сына и Святого Духа. И когда смешение обратилось в одну общую закваску, то эта закваска привела нас не к троякому Богу, а к познанию о едином Божестве. Потому что три меры муки, – так как в каждой из них не различная, а одинаковая природа, – привлекают мысль к единству сущности. Правда, благочестивый смысл может содействовать силе утверждения учений, но не следует останавливаться на притчах и загадках, допускающих возможность сомнительного понимания. Под *satum* (мера) разумеется известная мера, в области Палестины равняющаяся полутора четверикам. Об этой притче говорится и многое другое, но изложить все относительно всех подробностей не составляет предмета наших настоящих толкований.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

Б. И. Гладков

<...> Развивая ту же мысль о будущности основываемого Им Царства Божия на земле, Иисус Христос сказал притчу о закваске. Еще сказал: чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все. Известно, что ничтожное количество закваски (дрожжей), положенное в громадное (сравнительно с закваской) по объему тесто, сообщает всему тесту свои свойства и возбуждает в нем брожение. Так и *малое стадо Христово* ((ср.: Ин. 6, 32; Лк. 12, 32), войдя в мир, создаст обширное Царство Божие на земле, долженствующее объединить все человечество.<...> По свидетельству Евангелиста Марка, Иисус Христос таковыми многими притчами проповедывал им (т. е. народу) слово; но не все притчи, сказанные им тогда, записаны Евангелистами. Евангелист Матфей, обращавший при написании своего Евангелия особенное внимание на исполнение Иисусом всех пророчеств о Мессии, говорит, что, поучая притчами, Иисус исполнил сказанное Богом через пророка Давида. Семьдесят седьмой псалом начинается так: *Внимай, народ мой, закону моему, приклоните ухо ваше к словам уст моих. Открою уста мои в притче* (Пс. 77, 1, 2).

Когда Иисус окончил притчи, приступили к Нему ученики и спросили: для чего притчами говоришь им?

Потому говорю им притчами, – отвечает Христос, – что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают. Они не слепы и не глухи, но, развращенные своими лжеучителями (книжниками и фарисеями), они почти потеряли способность понимать виденные ими знамения и слышанное ими учение. *И сбывается над ними пророчество Исаяи, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их* ((см.: Мф. 13, 14–15; Ис. 6, 9–10). Испорченность большинства этих людей так велика, что они умышленно становятся глухи к слову истины и закрывают глаза свои от великих знамений, как бы опасаясь, что в противном случае они, пожалуй, обратятся к Богу и будут спасены Им. Но Христос не отталкивает и их от Себя; нет, Он и им преподает Свое учение о Царстве Небесном, но только в иносказательной форме, предоставляя им самим, при желании, додуматься до сокрытого в притчах смысла. Кто имеет искреннее желание понять смысл притчи и учения Христа, тому дано будет это понимание, и приумножится в нем; а кто не имеет такого желания, тот останется глух к учению Христа, если бы оно излагалось даже и не в притчевой форме; тому не принесет пользы даже и то богопознание, которое имеют все люди, на какой бы ступени религиозного развития они ни стояли; у того само собою оно отпадет как бесполезное для него, как бы отнимется и то, что имеет (см.: Мф. 13, 12).

Апостолам же, которые для Христа оставили все земное и пошли за Ним и тем обнаружили веру в Него и искреннее желание следовать Его учению, – им через это сделалось доступным, возможным воспринять то, что другие, без веры и желания, слыша не слышат и видя не видят и не понимают; им-то дано знать тайны Царствия Небесного.

Слова – кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет, – взятые в отдельности, без связи с предыдущими и последующими, могут показаться непонятными; но если принять во внимание, что они сказаны в разъяснение вопроса о том, что слово Божие о Царстве Небесном воспринимается, усваивается теми только, ум и сердце которых восприимчивы к тому, то станет понятным, что здесь речь идет не о приумножении вещественных богатств богатого и обнищании бедного в буквальном смысле этих слов, а об обогащении духовного мира человека истинным богопознанием. Скажут: чем виноват человек, не имеющий такой восприимчивости к слову Божию? За что

же отнимется у него и то, что имеет? На это мы ответим, что стремление к богопознанию присуще всем людям как разумным существам, но многие из них так затуманили свой ум различными лжеучениями, так ожесточили свое сердце, что нехотя слушают слово Божие и слушая не слышат его; они повторяют навязанные им праздные речи, например, о том, что в Евангелии много непонятного, а потому и не заглядывают в него; в этом-то и вина их, за это отнимается у них и то разумение, какое они имели. Но если те же люди без предвзятых мыслей приступят к чтению слова Божия и будут читать его с верой и искренним желанием понять его, то они, несомненно, поймут его; понимание дано будет им; и чем более они будут проникаться величию этого слова, тем более приумножится в них это понимание, тем светлее, яснее будет для них божественная истина; тогда блаженны будут и их очи, что, видя, видят, и их уши, что, слыша, слышат (ср.: Мф. 13, 16).

Многие ветхозаветные пророки *желали видеть* (ср.: Мф. 13, 17) то, о чем пророчествовали; многие праведники хотели видеть осуществление своих ожиданий пришествия Мессии и слышать Его; но они не видели и не слышали Его. Ваши же *блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат* (ср.: Мф. 13, 16).

К сожалению, в то время даже ближайшие ученики Иисуса, апостолы Его, не вполне ясно еще сознавали то, что видели и слышали. По сказанию Евангелиста Марка, они, видимо, затруднялись понять смысл притчи о сеятеле, так как Христос спросил у них: *Не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи?* (Мк. 4, 13).

Окончив поучение притчами и отпустив народ, Иисус вошел в дом (Мф. 13, 36) и тут, оставшись наедине с апостолами, объяснил им, по их же просьбе, значение притчи о плевелах. Апостолы просили объяснить им только две притчи; следовательно, остальные были поняты ими и без объяснений. Выше было сказано, что поучение притчами предназначалось исключительно для народа. Между тем, оставшись наедине с учениками, Он продолжает говорить притчами – зачем? Не затем ли, чтобы испытать их восприимчивость к слову Божию, их вдумчивость и разумение? *Вот, – говорит Он, – вы не поняли притч о сеятеле и плевелах; как же вам уразуметь все притчи?* (ср.: Мк. 4, 13). И тут же, очевидно, для испытания, понимают ли они вообще мысли, сокрытые в притчах, Он говорит им новые притчи.

Гладков Б. И. Толкование Евангелия. СПб., 1913.

Еп. Мефодий (Кульман)

Господь избирает для притчи то, что бывает в природе, дабы показать, что слово Его также неизменно, как неизменны законы природы. <...> Что же означает в этой притче женщина? Можно думать, что здесь разумеется, воплотившаяся во Христе, Благодать Божия, которая берет свьше, приносит с неба закваску, или учение Евангельское, и полагает его в три меры муки, т. е. сообщает его всему роду человеческому, от трех сынов Ноевых происшедшему; причем эта животворящая закваска проникает весь тричастный состав человека, освящая и дух, и тело его, *пока не вскиснет все*, пока не достигнет он совершенства во Христе, и не станет новою тварью. И это действие Христова учения на души человеческие не прекратится дотоле, пока благодать Божья не выберет из людей всех, способных быть истинными сынами царствия Божия. «Любовь, – говорит один толкователь, – сокрытая в нашей душе, должна расти до конца так, чтобы она могла изменить всю душу в свое собственное совершенство». Закваска действует только на тесто из муки не испеченной: тесто, из муки залежавшейся и рассолодевшей, не вскиснет, не поднимется, как его ни заквашивай. И благодать Божия не действует в душе нерадивой, преданной порокам. Прп. Исидор Пелусиот говорит: «Под именем закваски разумеется бессемянное воплощение Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и соединение Его с единокровным нашему телом, заимствованным от Богородицы Марии, посредством коего все люди возрождены к новой жизни».

Мефодий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Архиеп. Аверкий (Таушев)

Точно такой же <как притча о горчичном зерне – *Ред.*> смысл имеет притча о закваске. «Как закваска», говорит свт. Иоанн Златоуст: «над большим количеством муки производит то, что муке усвоится сила закваски, так и вы (апостолы) преобразите целый мир». Точно так же и в душе каждого отдельного члена Царства Христова: сила благодати невидимо, но действительно объемлет постепенно все силы его духа и преобразует их, освящая их. Под тремя мерами некоторые разумеют три силы души: ум, чувство и волю.

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Прот. Димитрий Смирнов

<...> Три меры муки – это дух, душа и тело. А закваска что такое? Закваска – это желание угодить Богу. И вот возьмем мы муку, замешаем, положим туда закваску и будем смотреть – но увидим, что ничего не происходит. А если мы отойдем на час, то, вернувшись, увидим, что тесто уже вываливается из кастрюли, т. е. незаметно, постепенно все пережарилось. Вот так и у человека не сразу все подчиняется жизни духовной. Это преобразование бывает постепенно: уходят постепенно из жизни всякие телесные, душевные удовольствия, это все становится ненужным. Человек устремляется только к Богу, только в Царствие Небесное.

И проходил по городам и селениям, уча, и направляя путь к Иерусалиму. Некто сказал Ему: Господи! неужели мало спасающихся? Он же сказал им: подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут (Лк. 13, 22–24). Когда Господь открывал Свои уста, Он говорил только о Царствии Божием. Он не говорил, какие нужно лекарства употреблять, чтобы не болеть; как нужно деньги в оборот пустить, чтобы был большой прибыль, – Он этому не учил. Он учил только Царствию Небесному. И вот, когда Он это все рассказывал, один человек говорит: «Господи! неужели мало спасающихся?» Потому что совершенно очевидно, что людей, которым Царствие Божие действительно нужно, очень мало. А Господь сказал: подвизайтесь войти тесными вратами.

Почему тесными, почему путь в Царствие Небесное очень тесный? Почему Господь сказал, что верблюду сквозь игольные уши легче пройти, чем войти в Царствие Небесное? Да потому, что все ненужное придется отбросить. А этого ненужного у нас очень много. Если посмотреть, из чего наша жизнь состоит: сколько лишнего времени мы теряем, сколько сил, на что мы тратим свой ум, свои глаза, свои уши, свою жизнь. На что? На всякую ерунду, а помимо этого еще и просто на грех. Вместо того чтобы к Царствию Небесному идти, мы идем от Царствия Небесного. И от этого всего дурного придется избавляться. Поэтому путь в Царствие Небесное узкий, настолько, что надо все греховное с себя снять – и только тогда мы сможем туда протиснуться. <...>

Смирнов Димитрий, прот. Проповеди. Вып. 5. М., 2007.

Притча о сокровище, скрытом в поле

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то (Мф. 13, 44).

Свт. Григорий Двоеслов

Небесное Царство, возлюбленная братия, называется подобным земным вещам для того, чтобы дух от известного ему возвышался к неизвестному, поскольку примером видимого он должен возноситься к невидимому, и через то, что изучил опытно, как бы стиснутый, должен разогреваться к тому, чтобы через умение любить известное, научиться любить и неизвестное. Ибо вот Небесное Царство сравнивается с сокровищем, скрытым на поле, *которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то*. В этом деле замечательно еще то, что найденное сокровище скрывается для сбережения, потому что тот недостаточно хранит ревность небесного желания от злых духов, кто не скрывает оной от похвал человеческих. Ибо в настоящей жизни мы как бы на пути, которым продолжаем шествие к Отечеству. А злые духи, как бы некоторые разбойники, осаждают путь наш. Следовательно, тот желает быть ограбленным, кто публично выносит сокровище на дорогу. Но это я говорю не для того, чтобы ближние не видали наших добрых дел, когда написано: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного*. (Мф. 5, 16), но для того, чтобы мы не желали похвал отвне за то, что мы делаем. Да будет же дело устроено так, чтобы намерение его было тайною для публики, чтобы нам и ближним подавать пример в добром деле, и однако же по намерению, которым желаем благоугодить единому Богу, мы должны желать навсегда содержать его в тайне. Сокровище же есть небесное желание, а поле, на котором скрывается сокровище, есть учение о небесном желании. Это поле действительно, по распродаже всего, приобретает тот, кто, отказывая пожеланиям плоти, все свои земные желания отбрасывает посредством стражи небесного ученья, так что дух ничего уже не одобряет, чем услаждается плоть, ничего не боится, что убивает плотскую жизнь.

Григорий Великий Двоеслов, свт. Сорок бесед на Евангелия // Библиотека отцов и учителей Церкви. Т. VII. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения. М: «Паломник», 1999.

Блж. Иероним Стридонский

Названное здесь сокровище, в котором скрыты все сокровища мудрости и знания, есть или Бог-Слово, скрытый в плоти Христа, или же сокровищница Св. Писания, в которой заключается познание о Христе-Спасителе; и если кто найдет Его в ней, тот должен презреть все выгоды этого мира, чтобы иметь возможность возобладать Тем, Которого открыл. А следующее затем: *Нашедши которое человек скрывает* говорится не в том значении, что человек делает это по зависти, а в том, что он по страху желающего сохранить и боящегося потерять скрывает в своем сердце Того, Которого предпочел своим прежним богатствам.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

Блж. Феофилакт Болгарский

Поле – мир, сокровище – проповедь и познание Христа. Оно сокрыто в мире. *«Проповедуем премудрость, – говорит апостол Павел, – сокровенную»* ((см.: 1 Кор. 2, 7). Ищущий познания о Боге находит его и все, что имеет – еллинские ли учения, или худые нравы, или богатства, тотчас бросает и покупает поле, то есть мир. Ибо своим имеет мир тот, кто познал Христа: не имея ничего, он обладает всем. Рабами для него являются стихии, и он повелевает ими, подобно Иисусу или Моисею.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лепта», 2005.

Евфимий Зигабен

Как в двух предыдущих притчах, о зерне горчичном и о закваске, Царством Небесным называл учение веры, так точно и здесь. Сравнил же его с сокровищем по причине заключающегося в нем богатства Святого Духа. Поле – это мир, как сказано выше. Итак, знай, что в мире скрыта вера, а в вере – богатство Духа.

Все остальное в этой притче оставь, как выше было сказано. Но обратите внимание, как нашедший это богатящее сокровище, или узнавший его, усердствует (это показывает слово *идет...*) и с радостью продает все, что имеет, лишь бы только приобрести его. Знай, что эта притча научает всех не только не печалиться, отвергая ради веры все, что они имеют, но делать это с радостью и это отвержение считать величайшим приобретением; не отвергающий же этого или отвергающий не с радостью не может приобрести сокровища веры. *Все, что имеет*, т. е. согрешения в деле, в слове и в помышлении, которые, равным образом, нужно продать, т. е. оставить.

Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. Киев, 1887.

Свт. Филарет Московский

<...> Но как же подлинно может случиться, чтобы благодать Божия, столь обильная, столь могущественная, столь действенная, быв при том уже принята человеком, оказалась вотще принятою, бесплодною? – Поелику благодатное Божие царство есть тайна, для естественного разума неудобопостижимая, и потому сама премудрость Божия, беседуя о нем употребляла в пособие притчи и подобия, взятые из царства природы: то мы воспользуемся некоторыми из оных, дабы устранить недоумение и приблизить к разумению истинное учение.

Притча говорит: *подобно есть царствие небесное сокровищу сокровенну на селе, еже обрет человек, скры, и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то* (Мф. 13, 44). Примечайте: сокровище готово, достаточно для обогащения, владеющий полем имеет и сокровище, в нем скрытое, но, без старания обрести оное, – тщетно имеет, другой знает о сокровище, но также без попечения, без пожертвования, без решимости продать все, чтобы купить поле и воспользоваться сокровищем, – тщетно знает.

Благодать есть сокровище готовое, довольное для обогащения каждого и всех, но скрытое, – где? на каком поле? – Мало ли где! Например, на поле уединения и благоговейного безмолвия, на поле целомудрия и воздержания; только продай все, чтобы возобладать таким полем, и найдешь сокровище. Но наипаче близкое и для всех доступное поле, в котором сокровенно положено сокровище благодати, есть Церковь. Какое сокровище скрыто в ее священных собраниях! В них скрыто присутствие Самого Христа Господа, по собственному Его уверению, что *идеже еста два или трие собрани во имя Его, ту есть и Он посреде их* (Мф. 18, 20); а в Нем *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3), равно и сокровища всех прочих даров духовных и Божественных. Какое сокровище в молитвах, славословиях Церкви! В них дышет благодать пророков, апостолов, святых; в них наипаче, Сам Дух Святой ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными ((см.: Рим. 8, 26), как скажет апостол. Какое сокровище в ея чтениях Евангельских! Есть бо, говорит свт. Афанасий Великий в послании к Маркеллину, в словесех писаний Божественных Господь, Егоже стерпети не могуще (духи тьмы), вопияху: молю тя, да не прежде времени мучиши нас. Таже сила, которая, исходя в слове Христовом, прогоняла бесов, исцеляла недуги, воскрешала мертвых, просвещала светом Божественным, пребывает и ныне в Его слове, в Его Евангелии. Какое сокровище в Таинствах, и наипаче в таинстве Тела и Крови Господней! В нем сокрыта вечная жизнь с ее неисповедимыми благами по реченному от Господа: *ядый Мою плоть, и пийй Мою кровь, имать живот вечный*. Надобно только уметь воспользоваться толикими сокровищами, надобно усвоить их себе, а для сего надобно продать или отдать за бесценок, пренебречь, отвергнуть вся, елико имаши, именно, твое самоугодие, твои страсти, твои порочные навыки, твои плотския желания, твою леность, твою невнимательность, твою рассеянность. Но если кто священных собраний удаляется; молитвам и славословиям Церкви не внимает; если тогда, как здесь сила Божия движется в слове Евангелия, иных леность едва еще допускает двинуться из дома ко храму; если тогда, как совершается глубокое таинство, иной из предстоящих рассеянными помыслами, поверхностными взорами бродит по внешности святилища, или вместо спасительного собеседования с Богом празднословит с человеком: то златоносное поле для таковых еще чужое; они еще не обрели сокровенного в нем сокровища, или обретенного не умеют взять; и даже хотя по видимому его имеют, но имеют вотще, или только мнятся иметь.

Могу и должен указать вам, братия Христиане, как и себе, еще, кажется, более близкое поле сокровища. Это самое сердце Христианина; это наш внутренний человек. Если крещение Христианина есть рождение водою и духом, как и действительно есть, по слову Хри-

стову; а рождение не иное что есть, как начатие новой жизни; и следственно Христианин в крещении получает новую жизнь, и, конечно, ту, о которой сказал апостол: живу не ктому аз, но живет во мне Христос: то помыслите, какое сокровище в нас положено святым Крещением, какую благодать мы в нем прияли! Мы прияли в нем начаток жизни Христовой в нас, или, как выражается святой Павел, начаток духа. Что ж? Обрели ль мы, братия, сие сокровище? Воспользовались ли им? Ощущаем ли в себе сию новую жизнь, которая, как жизнь Христова, должна быть несравненно сильнее ветхой жизни Адамовой? Возрастаем ли в сей новой жизни? Достигаем ли в меру возраста исполнения Христова? Блажен, кому при сем самоиспытании не зазрит сердце, и кто имеет о сем не лстящее, но успокоивающее свидетельство в себе! Сокровище благодати, на поле сердца обретенное молитвою и верою, приобретенное самоотвержением, умноженное любовью, искушенное огнем Креста, да соблюдает он бдительно в неослабевающем подвиге и смирении! <...>

Филарет Московский (Дроздов), свт. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 4. М.: «Типография А. И. Мамонтова», 1882.

Б. И. Гладков

Притчи о сокровище, скрытом в поле, и о жемчуге имеют большое сходство между собой; та и другая говорят об обретении истины и пути к Царству Небесному (то есть Христа, так как Он есть истина и путь), с той лишь разницей, что в первой притче говорится о внезапном, неожиданном обретении сокровища, а во второй – об обретении драгоценной жемчужины после долгого искания вообще хороших жемчужин. Примером внезапно находящих сокровище, которое было скрыто от них, могут служить язычники, впервые услышавшие проповедь апостолов об Иисусе Христе и познавшие через то, что исполнение возведенной Им воли Божией есть единственное средство для вступления в приготовленное для праведников Царство Небесное. Озаренные проповедью апостолов, многие из них бросали все, что раньше привязывало их к земной жизни, и такой ценой приобретали себе величайшее сокровище во Христе. Таких слушателей слова Божия Иисус уподобил человеку, который, обрабатывая чужую землю, случайно нашел зарытый в нем клад; чтобы обладать этим кладом, надо было купить поле то; и вот, он продает все, что имел, и покупает его, а с ним и найденное сокровище (в те времена, когда люди не могли считать себя вполне безопасными, многие богатые зарывали в землю часть своих сокровищ). Примером искавших истину и нашедших ее только в учении Христа может служить святой Иустин Философ: в сочинении своем «Разговор с Трифоном-иудеем» он говорит, что, будучи еще язычником, он изучил все философские системы того времени и особенно увлекался учением Платона, но все его знания не давали ему ответа на интересовавшие его вопросы о Боге, о душе, ее бессмертии и прочем, пока один старец (по преданию, святой Поликарп) не рассказал ему об Иисусе Христе и пророках, предвещавших его Пришествие; изучив, вследствие сего, пророчества и Евангелия, он только в них нашел единую истинную и полезную философию. Таким же искателем хороших жемчужин был и Тациан, ученик Иустина Философа, нашедший драгоценную жемчужину в Евангелии, и многие другие.

Гладков Б. И. Толкование Евангелия. СПб., 1913.

Еп. Мефодий (Кульман)

В тесном кругу учеников Своих Спаситель продолжал беседовать притчами, потому что ученики уже хорошо стали понимать их. В новых двух притчах, сходных между собой, Он раскрывает им, что нужно делать самому человеку, чтобы усвоить спасительные истины Евангелия. Царство Небесное, спасение души для каждого человека есть дорогое сокровище, бесценная жемчужина, ради которой должно всем жертвовать, ничего не жалеть, *еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле*, во время войны или по другому несчастному случаю закопанное на поле, *которое, нашед человек*, которому это поле не принадлежало, но который может быть, по найму возделывал его и неожиданно, случайно наткнулся плугом или заступом на сокровище это, – *утаил*, снова закопал его, от всех утаил, не сказал даже и владельцу поля, *и от радости*, что знает о нем, *идет* домой *и продает все, что имеет, и покупает поле то*. Кто ничем не дорожит на свете ради спасения души, тот знает, что он ничего не теряет, а все приобретает.

«Примечайте, – говорит свт. Филарет Московский, – сокровище готово, достаточно для обогащения, владеющий полем имеет и сокровище, в нем сокрытое, но он не старается приобрести его, и потому тщетно имеет: другой знает о сокровище, но так же без попечения, без решимости продать все, чтобы купить поле воспользоваться сокровищем, – тщетно знает. Благодать есть сокровище готовое, довольное для обогащения каждого и всех, но сокрытое где? На каком поле? – Мало ли где! Например, на поле уединения и воздержания: только ничего не жалеи, чтобы возобладать таким полем, и найдешь сокровище. Но особенно близкое и для всех доступное поле в котором сокровенно положено сокровище благодати, есть Церковь. Какое сокровище сокрыто в ее священных собраниях! В них сокрыто присутствие Самого Христа Господа, а в Нем *сокрыты все сокровища премудрости ведения* (Кол. 2, 3), равно и сокровища всех прочих даров духовных и Божественных. Какое сокровище в молитвах, славословиях Церкви! В них дышит благодать пророков, апостолов, святых; в них наипаче Сам Дух Святой *ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными* (Рим. 8, 26). Какое сокровище в ее чтениях Евангельских! Та же сила, которая, исходя в слове Христовом, прогоняла бесов, исцеляла недуги, воскрешала мертвых, просвещала светом Божественным, пребывает и ныне в Его слове, в Его Евангелии. Какое сокровище в таинствах, и особенно в таинстве Тела и Крови Господней! В нем сокрыта вечная жизнь с ее неисповедимыми благами, по реченному от Господа: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную* (Ин. 6, 54). Надобно только уметь воспользоваться такими сокровищами, а для этого надобно продать, то есть пренебречь, отвергнуть «все, что имеешь», именно – твоё самоудовольствие, твои страсти, твои порочные навыки, твои плотские желания, твою леность, твою невнимательность, твою рассеянность... Еще более близкое поле сокровища – это наш внутренний человек. Глубина, в которой сокрыто сокровище, означает сердце человека. Сюда в таинстве Крещения Дух Божий вдохнул невидимо и внес в Своем дыхании новую жизнь от Бога. Итак, сокровище положено на поле нашем, но каждый ли из нас обрел его? Если это сокрытое сокровище мы еще глубже и глубже зарываем уметами и дрызгами помыслов и дел суетных, нечистых, беззаконных, то сокровище наше лежит без пользы, духовная жизнь наша в зародыше или в обмороке!»

Как человек не может овладеть сокровищем, если не приобретет поля, где оно сокрыто, так не может он и спастись, если не будет сам находиться в недрах Церкви Православной. Нашедший сокровище, утаил его – для того, чтобы самому не потерять его: кто гордится дарами благодати, тот за свою гордость лишается обретенного им сокровища. Смиранный же, радуясь о Господе, не хвалится пред всеми, а пойдет к брату по духу и, желая сделать его участником сокровища, скажет ему, как Андрей Петру: «Мы нашли Христа!» Эту радость

так изображает блж. Августин: «Как мне вдруг сделалось приятно обходиться без ничтожных забав, и я с радостью оставил то, чего прежде боялся лишиться! Ибо Ты удалил их от меня, Ты – истинная и высшая радость, Сам поселился во мне, Сладчайший всех радостей!» Как человек с радостью бросил бы набранные им прежде камешки, наполнявшие его руки, если бы ему предложили вместо того жемчужины и алмазы, так и душа, обретшая Христа, готова бросить все, чтобы всецело отдаться Христу.

Мефодий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Притча о купце и жемчужине

Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее (Мф. 13, 45–46).

Свт. Иоанн Златоуст

Что же Господь говорит далее? <...> Как выше горчичное зерно и закваска имеют малую разность между собою, так и здесь сходны две притчи о сокровище и о бисере. Обими этими притчами показывается то, что проповедь должно всему предпочитать. В притчах о закваске и о горчичном зерне говорится о могуществе проповеди и о том, что она совершенно победит вселенную. Настоящие же притчи показывают важность и многоценность проповеди. Подлинно она расширяется подобно горчичному дереву, преодолагает, подобно закваске, многоценна, как бисер, и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью. И отрекающийся от своего имени должен знать, что это есть приобретение, а не потеря. Видишь ли, и как проповедь сокрыта в мире, и сколько в проповеди сокрыто благ? Если не продашь всего, то не купишь; и если не имеешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итак, для тебя необходимо, во-первых, отказаться от житейских попечений, и во-вторых, быть весьма бдительным. Сказано: *ищущу добрых бисерей, иже обрет един многоценен бисер, продаде вся и купи его*. Одна есть истина, – и она не многосложна. Как обладающий бисером сам знает, что он богат, но для других часто бывает неизвестно, что у него в руках бисер, потому что он не велик, – так можно сказать и о проповеди: обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве.

Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Т. 1–2. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

Свт. Григорий Двоеслов

Опять Небесное Царство называется подобным человеку купцу, ищущему добрые бисеры, но нашедшему один драгоценный, который, по отыскании, покупает распродажей всего, потому что, кто вполне дознал сладость Небесной Жизни, насколько допускает эту возможность, тот охотно оставляет все, что он любил на земле: в сравнении с нею все дешевет; он оставляет имение, собранное расточает; дух (его) разгорается небесным, ничто из земного ему не нравится, все, что только нравилось по виду земной вещи, кажется безобразным, потому что в уме (его) сияет один блеск драгоценной бисерины. О любви его справедливо через Соломона говорится: *крепка, как смерть, любовь* ((ср.: Песн. 8, 6), – потому именно, что как смерть лишает жизни тело, так любовь к Вечной Жизни убивает любовь к вещам телесным. Ибо кем она вполне возобладает, того соделывает как бы нечувствительным к земным, внешним пожеланиям.

Ибо и эта святая², день мученичества которой мы ныне празднуем, не могла бы в теле умереть за Бога, если бы прежде в уме не была мертва для земных пожеланий. Ибо дух, возвышенный на самый верх добродетели, мучения презрел, награды отверг. Приведенная пред вооруженных царей и наместников, она явилась крепче бьющего, выше судящего. Что на это скажем мы, брадатые и слабые, которых побеждает гнев, напыщает гордость, тревожит честолюбие, оскверняет роскошь, мы, которые видим отроковиц, идущих через железо к Небесному Царствию? – Если мы не можем приобрести Царства Небесного войною гонений, то для нас должно быть постыдно то самое, что мы не хотим даже во время мира повиноваться Богу. Вот Бог никому из нас в настоящее время не говорит: «Умри за Меня». Но: «Только убей в себе непозволенные пожелания». Итак, если мы во время мира не хотим укрощать плотских пожеланий, то когда же мы во время войны предали бы самую плоть за Господа?

Григорий Великий Двоеслов, свт. Сорок бесед на Евангелия // Библиотека отцов и учителей Церкви. Т. VII. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения. М.: «Паломник», 1999.

---

² Св. Агнета. Настоящее толкование – фрагмент Одиннадцатой Беседы свт. Григория Двоеслова на Евангелие, произнесенной в храме Св. Агнеты в день ее мученичества. – *Прим. сост.*

Блж. Иероним Стридонский

Здесь другими словами говорится то же, что и выше [сказано]. Хорошие жемчужины, которых ищет поверенный торговца, это – Закон и пророки. Слушай, Маркион! Слушай, Манихей!³ Хорошие жемчужины суть закон и пророки, и познание Ветхого Завета. Но самая драгоценная жемчужина одна: это познание о Спасителе, священнодействие Его страдания и тайна Его воскресения. Когда ее найдет купец, – человек, подобный апостолу Павлу, – то начинает презирать все тайны ветхозаветного закона и пророков и прежние предосторожности и предписания, в которых жил невинно, как будто какую нечистоту и отбросы, чтобы приобрести Христа. Но это не значит, что приобретение новой жемчужины служит к умалению достоинства прежних жемчужин, а то, что по сравнению с ней всякая иная жемчужина гораздо менее ценна.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

---

³ Имена наиболее известных еретиков древности, здесь в переносном смысле: сообщества последователей любых учений, противоречащих Православному вероучению. – *Прим. сост.*

Блж. Феофилакт Болгарский

Море – это настоящая жизнь, купцы – те, которые провозят через это море и ищут приобрести какое-либо знание. Многие жемчужины – это мнения многих мудрецов, но из них одна только многоценна – одна истина, которая есть Христос. Как о жемчуге повествуют, что он рождается в раковине, которая раскрывает черепацы, и в нее упадет молния, а когда снова затворяет их, то от молнии и от росы зарождается в них жемчуг, и потому он бывает очень белым – так и Христос зачат был в Деве свыше от молнии – Святого Духа. И как тот, кто обладает жемчугом и часто держит его в руке, один только знает, каким он владеет богатством, другие же не знают, так и проповедь бывает скрыта в неизвестных и простецах. Итак, должно приобретать этот жемчуг, отдавая за него все.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2005.

Евфимий Зигабен

Под Царством Небесным разумеем здесь, собственно, желание Царства Небеснаго, которое назвал человеком, как действующее в человеке, а купцом – как содействующее свое спасение. И смотри, что, найдя одну многоценную жемчужину, т. е. учение веры (оно – *одно*, потому что истинная вера – одна, и нет другой такой же; *многоценно*, как имеющее великую цену, или как ценное для многих, разумеется – знающих его), желание это *пошло*, что показывает его усердие, и оставило все, чем прежде наслаждалось и приобрело только это одно (учение веры).

Эти две притчи⁴ во многом сходны между собою, различаясь только в том, что одна называет учение веры сокровищем, а другая – жемчужиной, подобно тому как и из двух предыдущих одна притча назвала его зерном горчичным, а другая – закваскою. И как теми двумя Христос показал возрастание и силу веры, так опять этими двумя – богатство и превосходство ее. Она возрастает, как горчичное зерно, имеет такую силу, как закваска, обогащает, как сокровище, и превосходна, как драгоценнейшая жемчужина. Всего остального в этой притче нет нужды нам изъяснять. Но чтобы мы не полагались на одну только веру и не подумали, что для спасения достаточно ее одной, присоединяет и другую притчу, из которой мы научаемся, что не все верующие спасаются, но многие из них погибают. Жемчужиной назван и Господь, так как Он был соединен с глубиною Божества и был узан одними только рыбаками и их учениками.

Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. Киев, 1887.

---

⁴ О сокровище, скрытом в поле и о жемчужине. – *Прим. сост.*

Еп. Мефодий (Кульман)

Сокровище [скрытое в поле – см. предыдущую притчу] относится к тем, кого Благодать сама призывает к себе, открывая себя неожиданно: оттого и радость их бывает велика. Но тот, кто сердцем чувствует нужду во спасении, кто знает, что оно есть, тот должен усиленно искать его со всем усердием: *еще*, говорит Спаситель, *подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, не жалея ни средств, ни трудов и нашед одну драгоценную жемчужину, пошел домой, поспешно, и продал все, что имел, распродал все свое состояние, и купил ее*, приобрел эту единственную по цене жемчужину.

Что означает эта жемчужина? – истинную веру, благодать Божию, вечное спасение, Самого Спасителя нашего Господа Иисуса. «Как обладающий жемчугом, сам знает, что он богат, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – но для других часто бывает неизвестно, что у него в руках жемчуг, потому что жемчуг не велик: так можно сказать и об истине. Обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве». Но чтобы мы не подумали, что для спасения нашего достаточно одной веры, Господь произносит новую грозную притчу.

Мефодий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Притча о неводе, закинутом в море

Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов. (Мф. 13, 47–50)

Свт. Григорий Двоеслов

<...> Царство Небесное называется подобным неводу, вверженному в море, собирающему всякого рода рыб, извлеченному полным на берег; и добрые рыбы собираются в сосуды, а негодные извергаются вон. Святая Церковь сравнивается с неводом, как потому, что она вверена рыбакам, так и потому, что через нее каждый привлекается к Вечному Царству из волн настоящего века, дабы не погрязнуть ему в бездне вечной смерти. Она собирает всякого рода рыб, потому что призывает к отпущению грехов мудрых и глупых, свободных и рабов, богатых и бедных, сильных и слабых. Поэтому через Псалмопевца говорится Богу: *к Тебе прибегает всякая плоть* (Пс. 64, 3). Этот невод всецело наполняется именно тогда, когда на кончине заключается сумма рода человеческого. Его извлекают и садятся на безопасный берег, потому что как море означает век (настоящий), так берег моря означает кончину века. На этой именно кончине добрые рыбы собираются в сосуды, а негодные выбрасываются вон, потому что и каждый избранный приемлется в Вечные Обители, и нечестивые, потеряв свет внутреннего царства, отсылаются во тьму кромешную. Ибо ныне добрых и злых вообще, как бы перемешанных рыб, содержит нас невод веры, но берег откроет, что неводом, т. е. Св. Церковью, было влекомо. И хотя захваченные рыбы переменяться не могут, однако же мы, захваченные злыми, переменяемся в добрых. Итак, будучи уловлены, подумаем о том, чтобы нам на берегу не быть отброшенными. Вот как приятно для вас сегодняшнее торжество, так что не на малое осудил бы себя тот, кому пришлось бы выбыть из этого вашего собрания. Что же будет делать в оный день тот, кто от взора Судии удаляется, от сообщения избранных отвергается, кто от света переходит во тьму, – мучится вечным сожиганием? – Почему и это самое сравнение Господь кратко объясняет, присовокупляя: *Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.* Этого уже, возлюбленнойшая братия, более надобно страшиться, нежели изъяснять. Ибо ясно высказаны мучения грешников, чтобы никто не прибегал к извинению своего неведения, если бы что темно было сказано о вечном мучении. Поэтому и присовокупляется: *поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи!* (Мф. 13, 51)

И в заключение прибавляется: *сего ради всяк книжник научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (Мф. 13, 52). Если мы под тем, что называется новым и ветхим, разумеем тот и другой Завет, то не допускаем, чтобы был научившимся Авраам, который, хотя и знал события Нового и Ветхого Завета, однако же не возвещал (о них) словами. Не можем сравнить с научившимся хозяином и Моисея, который, хотя и учил Ветхому Завету, однако же не произнес изречений Нового. Итак, когда мы отступаем от этого разумения, тогда призываемся к другому. Но в этом стоит разумения то, что говорит Истина: *всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту*, потому что говорено было не о тех, которые были, но о тех, которые могли быть в Церкви. Эти люди износят новое и ветхое тогда, когда о вещаниях того и другого Завета говорят словами и делами. – Впрочем, это может быть разумеваемо и иначе. Потому что ветхим для рода человеческого было то, чтобы он нисходил в заклёпы адовы, нес вечные наказания за грехи свои. Ему через пришествие Посредника присовокуплено нечто новое, так что если он постарается жить добродетельно, то может проникнуть в Царство Небесное; и человек, проживший на земле, хотя и умирает от поврежденной жизни, однако же должен быть помещен на небе. Итак, он есть и ветхий для того, чтобы род человеческий погибал в вечном наказании за виновность, и новый, для того, чтобы обратившись жить в Царстве. Это-то в заключение речи Своей Господь присовокупляет, т. е. то, что Он сказал впереди. Ибо прежде Он уподобил Царство (Небесное) найденному сокровищу

и доброму бисеру, а после рассказал об адских наказаниях в горении злых, и в заключение присовокупляет: *поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое.* Ясно это как бы сказано было так: в Св. Церкви есть научившийся проповедник, тот, который умеет излагать и новое, – радости царства, и ветхое, – говорит о страхе наказания, так что тех, которых не трогают награды, пусть, по крайней мере, устрашают наказания. Пусть каждый слышит о Царстве, которое должно любить, пусть слышит и о наказании, которого должно страшиться, для того, чтобы нечувствительную и слишком привязанную к земле душу потрясал, по крайней мере, страх, если ее не привлекает к Царству любовь. Ибо вот о выражении геенны говорится: *там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 13, 50). Но поскольку настоящие радости сопровождаются непрестаемыми скорбями, то, возлюбленнойшая братия, здесь удаляйтесь суетной радости, если там страшитесь плача. Ибо никто не может и здесь радоваться с миром, и там царствовать с Господом. Итак, ограничивайте излишние временной радости, обуздывайте удовольствия плоти. Что душе из настоящего века улыбается, то от рассуждений о вечном огне становится горьким. Что в уме по-детски веселится, то должно быть умеряемо оценкой юношеского обучения, так, чтобы добровольно убегая временных радостей, без труда получить вам вечные, при содействии Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает честь и слава, со Отцом и Св. Духом, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Григорий Великий Двоеслов, свт. Сорок бесед на Евангелия // Библиотека отцов и учителей Церкви. Т. VII. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения. М: «Паломник», 1999.

Блж. Иероним Стридонский

По исполнении пророчества Иеремии, который говорит: *Вот, Я пошлю множество рыболовов*, то есть после того, как Петр, Андрей и сыны Зеведея – Иаков и Иоанн услышали: *Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков*, они соткали себе сеть из евангельских учений Ветхого и Нового Завета и бросили ее в море этого мира, она и доньше простирается в глубине вод, схватывая в соляных и горьких пучинах все, что ни попадет в нее, то есть и добрых, и злых людей, или лучших и худших рыб. Когда же настанет кончина мира, – как Он сам сказал немного ниже, – тогда сеть будет вытащена на берег, тогда и будет показан истинный суд [или: признак] для отделения одних рыб от других, и, как бы в некоем безопаснейшем пристанище от бурь, добрые будут положены в сосуды небесного жилища, а злых охватит огонь геенны, чтобы высушить и сжечь их.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

Блж. Феофилакт Болгарский

Страшна эта притча, ибо она показывает, что если мы и веруем, но не имеем доброй жизни, то брошены будем в огонь. Невод – это учение рыбаков-апостолов, которое соткано из знамений и пророческих свидетельств, ибо о чем ни учили апостолы, они подкрепляли это чудесами и словами пророков. Итак, этот невод собрал от всех родов людей – варваров, еллинов, иудеев, блудников, мытарей, разбойников. Когда же он наполнен, т. е. когда мир кончил свое существование, тогда находящиеся в неводе разделяются. Ибо хотя бы мы и веровали, но если окажемся дурными, то будем выброшены вон. Не таковые же будут сложены в сосуды, разумею, вечные жилища. Всякое же действие, доброе ли или злое, говорят, есть пища души, ибо и душа имеет мысленные зубы. Итак, душа будет скрежетать ими тогда, сокрушая свои деятельные силы за то, что делала таковое.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2005.

Евфимий Зигабен

Царством Небесным опять называет учение веры, морем – мир, по причине горечи и волн искушений, всяким родом рыб – множество всякого рода обитающих в нем людей, мужей, жен, детей, стариков, безбрачных, находящихся в браке и др., или также – различные народы.

Когда наполнился, т. е. когда все уверовали, одни – охотно, а другие – неохотно; берег – это место, где будет судить Господь; собирающие – Ангелы; хорошая ловитва – праведные, а худая – грешные; сосуды – это унаследованные праведными места пребывания. Всего остального в этой притче, равным образом, не следует до подробности изъяснять.

Тако будет в скончание века: так, как сейчас скажет. Изыдут Ангелы, и отлучат злыя от среды праведных, и ввергут их в пещь огненную: ту будет плач и скрежет зубом (Мф. 13, 49–50). Но в двадцать пятой главе (Мф. 25, 32) сказал, что Он Сам отлучит их одних от других. Что же нужно сказать на это? Он Сам отлучит их Своим повелением, а Ангелы отлучат их самим делом, как слуги, исполняющие повеление Господина. Отлучить – то же, что разлучить. Так как в конце притчи сказал, что худое выбросили вон, то чтобы кто-либо не подумал, что такое удаление неопасно, поясняет, говоря: *и ввергут их в пещь огненную* и т. д.

<...> Когда они сказали, что понимают, говорит им притчу, показывающую, что все действительные Его ученики богаты знанием. Всякий, говорит, книжник, или мудрец, ставший учеником Царя Небесного, Который есть Христос, богат знанием (ставший учеником Его разумеется вместо: умудренный Им), и подобен человеку – хозяину, т. е. богатому, который выносит, когда хочет, из своего сокровища новые и старые золотые вещи. Под новыми вещами разумеются мысли Нового Завета, а под старыми – Ветхого. *Сего ради* здесь не причинное, а утвердительное, вместо: истинно.

Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. Киев, 1887.

Б. И. Гладков

<...> Четвертую притчу сказал Иисус ученикам – притчу о неводе, закинутом в море и захватившим рыб всякого рода. Здесь говорится о том времени, когда евангельская проповедь распространится по всему миру, когда основанная Христом Церковь вместит в себя (захватит) все народы земли; тогда вытащат невод на берег, хорошее соберут в сосуды, а худое выбросят вон. Тогда изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов <...>.

Гладков Б. И. Толкование Евангелия. СПб., 1913.

Свт. Лука Исповедник (Войно-Ясенецкий)

Слышали вы в нынешнем Евангельском чтении о удивившем Самого Господа Иисуса Христа глубоком смирении, которое проявил римский сотник-язычник, пришедший к Господу Иисусу Христу просить об исцелении тяжело больного слуги своего.

Слышали и глубоко важные слова Господа Иисуса, сказанные по этому поводу: *Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 8, 10–12).

Исполнились эти пророческие слова Господа нашего Иисуса Христа. На Дальнем Востоке, в Японии уже давно воссиял свет Христов, и многие мученики в тяжелых страданиях отдали жизнь свою за веру в Господа Иисуса Христа. На дальнем Западе, в Южных штатах Северной Америки, и в Африке, на дальнем юге, более двух миллионов негров-христиан. И нет народа, для которого не воссиял свет Христов.

Вспомним, что сравнил Господь наш Иисус Христос Царство Небесное с неводом, закинутым в море и захватившим рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Широко был закинут невод Христов над всем человечеством, но очень многое из захваченного им пришлось выбросить как негодное. И осталось малое, но драгоценное стадо Христово.

Оно состоит из тех, о которых читаем в первой главе Евангелия Иоанна Богослова: *Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 11–12).

Почему так мало ценного осталось в неводе Христовом? Потому что весь род человеческий делится на две очень неравные части: огромное большинство составляют те, которые в Священном Писании именуются «народом земли». Это те, для которых всего важнее и даже единственно важны интересы благополучия в земной жизни. А к благам жизни вечной, в которую мало или совсем не верят, они равнодушны.

То душевное настроение, которого требует Господь наш Иисус Христос в Своих великих заповедях блаженства, не только вполне чуждо им, но и мешает им в достижении их собственных целей земного благополучия. Над нищими духом, смиренными и кроткими они смеются и презирают их. Они превозносят гордость и силу, и отвагу в борьбе. О чистоте сердца не помышляют. Быть гонимыми за Христа, конечно, не хотят, а верующих поносят.

Для них, конечно, «христианство не удалось», по язвительному и ставшему крылатым слову одного из легкомысленных французских философов-энциклопедистов, высмеивавшего все Евангелие Христово.

А для малого стада Христова оно, конечно, вполне удалось, ибо только ради этого стада пролил Господь наш Иисус Христос Свою бесценную Божественную Кровь на страшном Кресте Голгофском.

Ему, Спасителю нашему от вечной смерти, отдадим всецело свои сердца – всю свою любовь и все свои помышления, нераздельно с Его Предвечным Отцом и Всесвятым и Благим и Животворящим Его Духом во веки веков. Аминь.

Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Проповеди. Т. 2. Симферополь, 2004.

Еп. Мефодий (Кульман)

Но чтобы мы не подумали, что для спасения нашего достаточно одной веры, Господь произносит новую грозную притчу: *Еще подобно Царство Небесное* очень длинному и крепкому неводу, *закинутому в море и захватившему рыб всякого рода*. Так Церковь Христова распространится могущественно по всему миру, как невод по пространству моря, и через рыбарей апостолов, сделавшихся ловцами человеков, соберет людей из всех народов, и добрых и злых. «Мрежею слова истины и спасительных заповедей Господь объемлет их, собирает, ограждает и благодатною силою крестною, при свободном послушании, влечет их как из воды в воздух и на берег, из жизни плотской в духовную, от греха к святости, от тленного к нетленному, от временного к вечному, от земного к небесному, от мира к Богу и Его вечноблаженному царствию». *Который, когда наполнился, вытащили на берег и, севши, неспешно и обдуманно хорошее собрали* — хорошую рыбу — в сосуды, а *худое* — негодную, нечистую, вредную рыбу — *выбросили вон*. Притча эта сходна с притчею о плевелах: и там одни спасаются, а другие погибают.

Так будет при кончине века на Страшном Суде Сына Человеческого: *изыдут*, явятся с неба, дотоле невидимые, исполнители суда Божия *Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и праведных будут сопровождать в вечные обители небесные, а грешных ввергнут их в печь огненную, на муку вечную: там будет плачь и скрежет зубов, скрежет отчаяния и проклятий против самих себя...*

Не удивительно, что св. Златоуст называет эту притчу «страшною», а Григорий Великий говорит, что ее нужно больше бояться, чем толковать. И Господь объяснил только конец ее и тем еще увеличил страх, «чтобы ты, — говорит свт. Иоанн Златоуст, — слыша, что злых только извергли вон, не почел таковой гибели еще не опасной, Христос говорит, что ввергнут в печь, где будет скрежет зубов и несказанное мучение. Притча Христова говорит, что многие и из тех, которые уловлены в мрежу Христову, т. е., по-видимому, принадлежат к Церкви Христовой, будут извержены вон. Потщимся же добровольно связать все наши дела, желания, помышления межою заповедей Христовых, чтобы, наконец, когда невод Христов наполнится пред уставленным числом спасаемых, и извлечет на край времен, мы могли оказаться доброй ловитвой и удостоились быть собраны в сосуды небесные»...

И объяснив эту притчу апостолам, спросил их Иисус: поняли ли вы все это? Если что непонятно, Я объясню вам. *Они говорят Ему: так Господи!* Мы поняли все. *Он же сказал им: поэтому вас можно назвать теперь книжниками, но не такими, которые знают только старое, а такими, которым известны и новые тайны божественные, всякий таковой истинный, нелицемерный и разумный книжник, всякий проповедник истины Евангельской, наученный Царству Небесному, познав его истины, подобен хозяину, который выносит для жертвоприношения из сокровищницы своей, из своих запасных хранилищ, смотря по тому, когда что нужно по Закону, новое и старое, прошлогодние плоды и новые; так и вы раскрывайте народу и то, что прежде познали из Ветхого Завета, и то, что теперь вам открывается. Так, ветхозаветное пророчество относится к ветхому, и исполнение его к новому; заповеди Закона к старому, а их дух и полнота к новому; образы, употребленные в притчах — к старому, а учение, заключенное под этими образами — к новому». Человек домовитый есть Христос, — говорит блж. Феофилакт, — Он богат, потому что в Нем все сокровища премудрости. Уча новому, Он приводит свидетельства из ветхого; так, например, Он сказал: «отдашь ответ и за праздное слово — это новое; потом привел свидетельство: от слов своих оправдаешься и осудишься — это ветхое»...*

Методий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Архиеп. Аверкий (Таушев)

Эта притча имеет тот же смысл, что и притча о пшенице и плевелах. Море – мир, невод – учение веры, рыбаки – апостолы и их преемники. Этот-то невод собрал от всякого рода – варваров, эллинов, иудеев, блудников, мытарей, разбойников. Под образом берега и разбора рыбы разумеется кончина века и страшный суд, когда праведники будут отделены от грешников, как хорошая рыба в неводе отделяется от худой. Надо обратить внимание на то, что Христос Спаситель часто пользуется случаями – указать на различие в будущей жизни праведников и грешников. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех, которые, как например, Ориген, думают, что все спасутся, даже и диавол.

Толкуя притчи Господни, надо всегда иметь в виду, что поучая притчами, Господь всегда брал примеры не вымышленные, а из повседневной жизни Своих слушателей, и поступал так, по объяснению свт. Иоанна Златоуста, для того, чтобы сделать слова Свои более выразительными, облечь истину в живой образ, глубже запечатлеть ее в памяти. Поэтому в притчах надо искать сходства, подобия, только в общем, а не в частностях, не в каждом слове, в отдельности взятом. Кроме того, конечно, каждую притчу надо понимать в связи с другими, однородными, и с общим духом учения Христова.

Важно отметить, что в Своих проповедях и притчах Господь Иисус Христос весьма точно разграничивает понятие Царства Небесного от понятия Царства Божия. Царством Небесным Он называет то вечное блаженное состояние праведников, которое откроется для них в будущей жизни, после последнего Страшного Суда. Царством Божиим Он называет основанное Им на земле царство верующих в Него и стремящихся творить волю Отца Небесного. Это Царство Божие, открывшееся с приходом Христа Спасителя на землю, неприметно вселяется в души людей и подготавливает их на земле к наследованию имеющегося открыться по кончине века Царства Небесного. Раскрытию этих понятий и посвящены вышеуказанные притчи.

В том, что Господь говорил притчами, св. Матфей видит исполнение пророчества Асафа: *Отверзу в притчах уста моя* (Пс. 77, 2). Хотя Асаф говорил это о себе, но, как пророк, он служил прообразом Мессии, что видно и из того, что следующие слова: *Изреку сокровенное от создания мира* приличествуют только Мессии Всеведущему, а не смертному человеку: сокровенные тайны Царствия Божия ведомы, конечно, только ипостасной Премудрости Божией.

Когда на вопрос ученикам, поняли ли они все сказанное, ученики ответили Господу утвердительно, Он назвал их «книжниками», но не теми книжниками-иудеями, враждебными Ему, которые знали только «старое ветхозаветное», да и то искажали, извращали, понимая и толкуя превратно, а книжниками, наученными Царству Небесному, способными быть проповедниками этого Царства Небесного. Наученные Господом Иисусом Христом, они знают теперь и «старое» пророчество, и «новое» учение Христово о Царстве Небесном и смогут в деле предстоящей им проповеди, как домовитый хозяин, выносящий из сокровищницы своей старое и новое, пользоваться, по мере надобности, тем или другим. Так и все преемники апостолов в деле своей проповеди должны пользоваться и Ветхим, и Новым Заветом, ибо истины и того, и другого Богооткровенны.

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Притча о немилосердном должнике

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими; когда начал он считать, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить; тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (Мф. 18, 23–35).

Блж. Феофилакт Болгарский

Мысль этой притчи учит нас прощать сорабам их грехи против нас, а тем более тогда, когда они падают ниц, прося прощения. Исследовать по частям эту притчу доступно только тому, кто имеет ум Христов. Но отважимся и мы. Царство – Слово Божие, и царство не малых каких-либо, но небесных. Оно уподобилось человеку-царю, воплотившись ради нас и быв в подобии человеческого. Он берет отчет от своих рабов, как добрый судья для них. Без суда Он не наказывает. Это было бы жестокостью.

Десять тысяч талантов должны мы, как ежедневно благодетельствуемые, но не воздающие Богу ничего доброго. Десять тысяч талантов должны и те, кто принял начальство над народом или над многими людьми (ибо каждый человек – талант, по слову: великое дело человек) и затем нехорошо пользуется своею властью. Продажа должника с женою и детьми его обозначает отчуждение от Бога, ибо тот, кого продают, принадлежит другому господину. Разве жена не плоть и супружница души, а дети не действия ли, зло совершаемые душой и телом. Итак, Господь повелевает, чтобы плоть была предана сатане на погибель, то есть была предана болезням и мучению демона. Но и дети, разумею силы зла, должны быть связаны. Так, если чья-либо рука крадет, то Бог иссушает ее или связывает чрез какого-нибудь демона. Итак, жена, плоть и дети, силы зла, преданы истязанию, чтобы спасся дух, ибо такой человек не может уже действовать воровски.

Обрати внимание на силу покаяния и человеколюбие Господа. Покаяние сделало то, что раб упал в зле. Кто стоит в зле твердо, тот не получает прощения. Человеколюбие Божие совершенно простило и долг, хотя раб просил не совершенного прощения, но отсрочки. Научись отсюда, что Бог дает и более того, что мы просим. Столь велико человеколюбие Его, так что и это, по-видимому, жестокое повеление – продать раба Он сказал не по жестокости, но для того, чтобы утратить раба и убедить его обратиться к молитве и утешению.

Получивший прощение, выйдя, давит сораба. Никто из тех, кто пребывает в Боге, не бывает несострадательным, но только тот, кто удаляется от Бога и делается чуждым Ему. Столь велико бесчеловечие в том, что получивший прощение в большем (десять тысяч талантов) не только не прощает совершенно меньшего (ста динариев), но и не дает отсрочки, хотя сораб говорит его же словами, напоминая ему, благодаря чему он сам спасся: *потерпи на мне, и все отдам тебе*.

Ангелы являются здесь как ненавидящие зло и любящие добро, ибо они сослужители Бога. Не как незнающему они говорят это Господу, но для того, чтобы ты научился, что Ангелы – это наши защитники и что они негодуют на бесчеловечных.

Владыка судит раба по причине человеколюбия, чтобы показать, что не он, а жестокость раба и его неразумие отвращают дар. Каким мучителям предаст? Может быть, карающим силам, так чтобы он вечно наказывался. Ибо «пока не отдаст всего долга» обозначает: до тех пор пусть будет наказываем, пока не отдаст. Но он никогда не отдаст должного, то есть должного и заслуженного наказания, и он всегда будет наказываем.

Не сказал: «Отец ваш», но «Отец Мой», ибо таковые недостойны иметь отцом Бога. Желает, чтоб отпускали сердцем, а не одними устами. Подумай же и о том, какое великое зло памятозлобие, если оно отвращает дар Бога. Хотя дары Бога не переменчивы, там не менее и они отвращаются.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лента», 2005.

Евфимий Зигабен

Сего ради уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже восхоте стяжаться о словеси с рабы своими. Почему? Потому что должно всегда прощать тому, кто всегда раскаивается. Царством Небесным здесь называет Самого Себя, как Небесного Царя, – как часто мы говорили. *Стяжаться о словеси*, т. е. свести счеты с рабами Своими, или с людьми. Предлагает эту притчу, желая показать, что тот, кто не прощает согрешающего против него, лишает и себя милосердия Божия.

Один этот должник был, конечно, раб. То, что у нас (греков) фунт золота, у евреев – талант. Это самая высшая по цене монета, превышающая все остальные.

Не имущу же ему воздати, повеле и господь его продати, и жену его, и чада, и вся, елика имеяше, и отдати... – уплатить совершенно долг. Однако не из жестокости повелел это, а из сострадания, чтобы уstraшенный таким приговором, он просил и получил прощение. Если бы он не с этою целью произнес такой приговор, то и умоляющему он не простил бы долга. Но почему он не простил до продажи имущества? Потому что, получив так легко прощение, он не испытал бы величия милости. Поэтому и поставил его в крайнюю нужду, чтобы впоследствии он мог вспомнить, какого сам избежал суждения, и, наученный собственным несчастьем, сам был сострадатель к своему должнику.

Великое человеколюбие! Тот просил только отсрочки, а он простил ему даже долг, и дал больше, чем тот просил. Обрати внимание на силу раскаяния и человеколюбие Господа. Раскаяние сделало то, что раб отпал от зла, потому что, твердо пребывая во зле, он не мог бы получить прощения, – а человеколюбие Божие совершенно простило долг, хотя раб просил не совершенного прощения, а только отсрочки. Итак, знай, что Бог дает даже больше, чем мы просим; столь велико человеколюбие Божие. Так что повеление продать раба со всем, что ему принадлежало, – только по видимому жестоко: Он сказал это не по жестокости, а чтобы уstraшить раба и убедить его прибегнуть к мольбе и призыванию на помощь.

Видел ты человеколюбие владыки, посмотри и на бесчеловечие раба. Выйдя, он тотчас же, когда не прошло даже несколько времени, показал свою жестокость. Не устыдился и теми же словами выраженной просьбы, по которой и сам получил прощение, – и не вспомнил по сходству о собственном несчастьи, но остался жесточе всякого зверя. А просьба их была не об одном и том же: он просил о талантах, а этот просит о динариях, он – о десяти тысячах, а этот – о стах, он – владыку, а этот – такого же раба. Владыка совершенно простил ему весь долг, а он не дал даже отсрочки такому же рабу, как сам.

Видевше же клеветы его бывшая, сжалиша си зело и пришедше сказаши господину своему вся бывшая. Несострадательность не только Богу противна, но неприятна и добрым людям.

Тогда призвав его господин его, глагола ему: рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси: не подобаше ли и тебе помиловати клевету твоего, якоже и аз тя помиловах. Великая кротость! Судится с тем, кто не достоин никакого слова, – великодушно обличает того, кто сам себя осудил, и показывает, что он сам от себя отклонил прежнюю милость и привлек следовавшее наказание. И когда тот не мог уплатить долга, то не назвал его лукавым и даже сжалился над ним, а когда же он оказался несострадательным по отношению к подобному себе рабу, тогда и назвал его лукавым, и наказал. Послушаем же этого и мы, несострадательные, будем страшиться и знать, что мы сами себя всецело осуждаем, отвращая от себя прежде бывшую к нам милость Божию и привлекая к себе вечное наказание.

И прогневався господь его, предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой, т. е. навсегда, потому что он никогда не отдаст. Остального в этой притче не исследуй: оно

взято для большей убедительности. Одному только из нее научись: грехи наши против Бога многочисленнее грехов братьев наших против нас. Каждый из нас должен Богу десять тысяч талантов, т. е. имеет у Него много, и великих долгов, потому что за свои многие и великие грехи мы должны потерпеть много и великих наказаний. Каждый из согрешающих против нас должен нам сто динариев, т. е. имеет малый и не важный долг по сравнению с десятью тысячами талантов. Если мы, будучи столь великими должниками у Бога, не окажем милосердия по отношению к своим должникам, то уничтожим и то прощение, которое прежде получили по своим молитвам, и после уже без всякого сострадания потерпим наказание за все. Смотри, что следует дальше.

Тако и Отец Мой Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их. Ради этого изречения Он составил всю притчу, подтверждая примером, чтобы оно было тем легче воспринято. Итак, в начале притчи Он назвал Себя Царем и Законодателем, а по окончании ее приписал Отцу право наказания, чтобы не показаться тщеславным и вместе с тем показать, что у Них одна и та же власть. От сердец ваших, т. е. от сердца, а не на словах только.

Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. Киев, 1887.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

В нынешний день, возлюбленные братья, читана была евангельская притча Спасителя, в которой Он, Господь Бог наш, уподобил Царство Небесное или праведный суд Свой над людьми царю, который захотел сосчитаться с рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к Нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов, т. е. двадцать миллионов! Или просто без числа, ибо определенное число здесь поставлено вместо неопределенного. А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорит: Государь! Потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, вышедши, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев – на наш счет не больше двадцати рублей – и, схватив его, душил, говоря: Отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: Потерпи на мне, и все отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга.

Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: Злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, – заключил Господь речь Свою, – если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (см.: Мф. 18, 23–35). Я повторил все читаное Евангелие, чтобы вы лучше запомнили его.

Не к чести нашей в нынешнем Евангелии изображаются крайнее жестокосердие и злоба человеческого сердца относительно ближних наших. С того самого времени, как люди через грех предались начальнику злобы – диаволу, он свил в их сердцах твердое себе гнездо, насадив в нем свою адскую злобу, которую и проявляет с тех пор весьма часто в очень грубых, насильственных видах. История библейская и гражданская и дневники нашего времени полны примеров этой злобы и жестокосердия людей из-за корысти, из-за желания воспользоваться хищнически имением ближнего или из-за оскорбленного самолюбия, из-за дикого каприза, из-за неудовлетворенной животной любви. Многие, и очень нередко, не задумываются вонзить нож в сердце или в горло ближнего или иначе как-нибудь лишить его жизни, не говоря уже о ссорах, спорах, ругательствах, судах и прочих выражениях злобы человеческой.

Обратим внимание на поступок жестокосердого заимодавца, упоминаемого в нынешнем Евангелии. Он должен был сам своему государю огромную сумму, которой никогда не мог ему выплатить и по правосудию страны должен был быть продан с женой и детьми и всем имуществом, чтобы заплатить хоть часть долга, – беда, которой больше не может быть. Должник стал умолять царя о прощении – и он был прощен. Кажется, надобно бы помнить такую беспримерную милость и оказать подобную же милость при случае ближнему. Но вот случай с ближним и показал дурную сторону бывшего должника, его крайнюю злобу и жестокосердие: только что получив от царя величайшую милость, он встречает товарища, должного ему самую незначительную сумму денег, сразу же набрасывается на него с яростью, душил его и говорит ему: «Отдай мне долг». Тот просит потерпеть. Заимодавец не терпит и сажает его в тюрьму. Не крайнее ли это жестокосердие? Не крайняя ли бесчувственность и неблагодарность? А к этому весьма многие из нас склонны и способны.

Мы бываем иногда чрезвычайно круты в расправе с нашими ближними, чем-либо нам должными, если есть к тому возможность! Да, наша природа крайне стремительна ко злу и самосуду или к расправе собственным судом, вероятно, потому, что это скорее и легче

удовлетворяет нашему самолюбию и злонравию, чем установленные суды. Но с нами, христианами, отрожденными в купели крещения водой и Духом Святым, усыновленными Богом и получившими от Бога благодать, или небесную помощь ко всякой добродетели, этого не должно быть; мы должны воспитывать в себе дух кротости, смирения, незлобия, терпения и долготерпения, умеренности во всех поступках. А чтобы иметь в себе такое расположение духа, надобно помнить общую слабость человеческую, общую склонность ко грехам, в особенности свои великие немощи и грехи и бесконечное к нам самим милосердие Божие, которое прощало и прощает нам грехи многие и тяжкие за покаяние и умоление наше. Да, уже одно чувство благодарности к Богу за Его бесчисленные к нам милости обязывает нас быть снисходительными и милостивыми к нашим ближним, которые одной плоти и крови с нами имеют одинаковые немощи, страсти, преткновения. Но величайшим побуждением к снисходительному и кроткому обращению нашему с ближними должно служить, конечно, более всего крайнее снисхождение к нам Сына Божия, нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего с небес, воплотившегося и вочеловечившегося, Его пример, Его заповеди и советы, Его кротость и незлобие к грешникам, Его долготерпение, Его страдания и смерть за всех нас. *Если Он положил за нас Свою душу, то и мы должны друг за друга души свои полагать*, говорит апостол (ср.: 1 Ин. 3, 16). Другой апостол говорит: *Будите друг ко другу блази, милосердни, не воздающе зла за зло или досаждения за досаждение* (1 Пет. 3, 8–9); *терпяще друг другу любовь* (Еф. 4, 2).

Господь говорит нам: *Милости хочу, а не жертвы* (см.: Мф. 9, 13); Он, многомилостивый, хочет и от нас милости или милосердия, незлобия и терпения относительно ближних наших; Он же и готов всегда помогать нам во всяком добром деле. Если у тебя злое сердце, проси в покаянии, чтобы Он смягчил твое сердце, сделал кротким и терпеливым – и будет оно таково. Он нам говорит: *Сыне, даждь Ми твое сердце*. Нет ничего невозможного для верующего и искренне молящегося. Только решишь, твердо решишь оставить свою злобу. Должно в самом начале обуздывать в себе всякую возникающую страсть, особенно злобу и гнев, не позволять искре сделаться огнем, который тушить, конечно, гораздо труднее, чем одну искру.

Итак, заключу слово, будем прощать от души ближним погрешности их против нас, памятуя общую нашу слабость, немощь, греховность и бесконечное к нам милосердие Божие. Аминь.

Иоанн Кронштадтский, св. прав. Простое Евангельское слово: Полный круг годовичных поучений. М.: «Отчий дом», 2008.

Еп. Мефодий (Кульман)

Когда апостол Петр вопрошал Господа: прощать ли брата до семи раз, он уже чувствовал в своем сердце новый закон любви, принесенный Господом с неба, любви все прощающей и все покрывающей; но он еще не ясно сознавал, что силу любви не может победить ненависть, что нельзя поэтому и полагать ей какие-либо пределы. Когда Бог повелевает человеку прощать брата, то человек не имеет никакого права рассуждать о своих правах; он должен прощать просто, без всяких отговорок и условий, ибо каждый человек есть сам неоплатный должник пред Богом. Свт. Иоанн Златоуст говорит: «Что бы повеление прощать до седмижды семидесяти раз не показалось кому-либо великим и трудным, Иисус Христос присоединил притчу, в которой Он посрамляет того, кто стал гордиться этим, и вместе показывает, что такое повеление не трудно, а напротив, весьма легко. Он представил в ней человеколюбие свое, чтобы ты отсюда познал, что хотя бы седмижды семьдесят раз прощал ближнему, хотя бы все его прегрешения всегда оставлял, и тогда твое человеколюбие будет так же далеко от бесконечной Божественной благодати, которая для тебя нужна на будущем суде при требовании от тебя отчета, – как капля от беспредельного моря, и даже еще более». Чтобы Петр мог понять, для чего Господь повелел прощать несчетное число раз, *посему*, говорит Господь, *Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться*, (потребовал отчета), *с рабами своими*, у которых на руках было множество богатства, ему принадлежащего.

Это первая притча, в которой Господь является Царем, Которому дана всякая власть на небе и на земле (Мф. 28, 18), у Которого небо – престол, и земля – подножие ног, у Которого подданные – это весь мир, все люди, особенно же мы, в Него верующие, искупленные Его честной кровью, обязанные исполнять все Его законы и животворящие заповеди. И прежде страшного суда Своего, во всякое время, когда он «захочет», он может всегда потребовать от нас отчета во всех помыслах и желаниях, словах и делах наших, а мы всегда должны быть готовы отдать Ему этот отчет. И Он зовет нас к такому отчету через проповедь закона Своего, через разные беды и скорби, болезни и опасности, которые грозят нам неизбежной смертью и зовут на суд встревоженной совести. Он дает нам при этом чувствовать, что мы не можем оправдаться пред Ним ни в одном из бесчисленных грехов наших, что беззакония наши бесчисленнее волос на голове нашей, и нам остается одно – повергнуться в прах пред Его бесконечной благодатью и просить пощады и помилования (архиеп. Димитрий Херсонский).

Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов – долг совершенно неоплатный! Может быть, это был управитель царской казны, или царедворец, обязанный собирать и доставлять Царю подати, но растративший царское состояние. Он был приведен к царю, ибо никогда сам не пошел бы к нему добровольно, и легко могло быть – увеличивал бы свой долг еще и еще по своей отчаянной беспечности. «Беда была не в том только, что долг был велик, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – но и в том еще, что он первый приведен к господину. Если бы привели его вслед уже за многими другими исправными должниками, не так было бы удивительно то, что господин не разгневался; исправность вошедших прежде могла сделать его более снисходительным к неисправным. Но что введенный первым, оказался неисправным, и несмотря на неисправность, нашел, однако же, господина человеколюбивым, вот это особенно удивительно и необычайно».

И каждый из нас, грешников, перед судом правды Божией есть такой же неоплатный должник. Десять тысяч талантов – это наши грехи против десяти заповедей Божиих, наши долги неблагодарности за все неисчислимы милости Божии к нам, грешным. «Что же дал нам в долг Отец Небесный? – спрашивает свт. Филарет Московский. – О как много! Больше,

чем тысячи талантов! Дал Он нам бытие и жизнь, тело и душу, разум, сердце и чувства, дал землю под ноги наши, прекрасный шатер неба над глазами нашими; дал солнце нашему зрению и жизни; воздух нашему дыханию; дал животных во власть нашу и многообразные произведения земли для наших нужд и удовольствий. Скажешь ли, что землей, солнцем и небом пользуешься не ты один, но и бесчисленное множество других тварей Божиих? Что до того? Тем более чудно, тем более необъятно богатство Божие, что хотя им пользуются бесчисленные существа, но и ты пользуешься им так, что оно совершенно для тебя приготовлено. Найди способ обойтись без земли, солнца, неба и тогда не почитай себя за них должником пред Богом; а если этого не можешь сделать, то признай, что каждый луч солнца, каждая капля воздуха есть твой новый заем из сокровищ Божиих, заем всегда возобновляемый и, следовательно, всегда неоплатный. А как щедро дарует нам Господь из сокровищ Своего провидения – ежеминутное хранение наших сил и способностей, помощь во всем добром, средства к жизни, избавление от бед... А что сказать о сокровищах благодати: Господь даровал нам свет веры, надежду спасения, смертью Сына Своего Единородного заплатил за искупление нас от вечной смерти, даровал нам Духа Святого, нетленную пищу тела и крови Христовой. Но и это еще не все. Есть долги наши перед Богом, которые болезненно тяготят нас, – это грехи наши... «мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей, но мы не в состоянии исполнить всего, чтобы мы ни делали», – говорит св. Златоуст. Мы никогда не можем сделать больше того, что обязаны сделать по закону Божию, а грех – все останется грехом, долг останется долгом, и уплатить его нет у нас ни возможности, ни средств. Мы живем во грехе и с каждым днем увеличиваем свой долг в небесной книге правды Божией.

А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его в вечное рабство, и не только его самого, но и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить долг.

Почему же государь велел и жену продать? «Не по жестокости и бесчеловечности, – отвечает свт. Иоанн Златоуст, – но для того, чтобы устрашить раба и тем побудить его к покорности, без всякого намерения продать! Ибо если бы он имел это в виду, то не внял бы его прошению и не оказал бы ему своего милосердия. Он только хотел вразумить раба, сколько долгов прощает ему, и через это заставить его быть снисходительнее к своему товарищу-должнику. Ибо, если и тогда, когда узнал и тяжесть своего долга, и великость прощения, он стал душить своего товарища: то до какой жестокости не дошел бы, если бы прежде не был вразумлен таким способом? Как же на него подействовал этот способ?» Услышав страшный приговор, он обращается к мольбам, как последнему, остающемуся в его распоряжении средству: *тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: Государь! Потерпи на мне, дай мне отсрочку на некоторое время, чтобы я мог справиться с делами, и все тебе заплачу!* В ужасе несчастный готов с клятвами обещать невозможное, сулить горы золота, которого нет у него, чтобы только избавиться от беды... Так и грешник, в минуту скорби и испытания, готов надавать Господу таких обещаний, которых исполнить не может, и часто, подобно этому рабу, не сознает даже, как неоплатно велик его долг пред Богом. «Но послушаем все мы, нерадящие о молитве, – поучает свт. Иоанн Златоуст, – какова сила молитвы. Этот должник не показал ни поста, ни стяжательности, ничего другого подобного, однако же, лишенный и чуждый всякой добродетели, лишь только попросил он господина, то и успел преклонить его на милость. Не будем же ослабевать в молитвах. Ты не имеешь дерзновения? Для того и преступи, чтобы приобрести великое дерзновение. Тот, Кто хочет с тобой примириться, не человек, пред которым бы пришлось тебе стыдиться, и краснеть; это Бог, желающий больше тебя освободить тебя от грехов. Не столько ты желаешь своей безопасности, сколько Он ищет твоего спасения». Добрый царь хорошо знал, что должнику нечем заплатить, и потому вместо отсрочки прямо простил ему весь долг: *Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему.* Какой прекрасный образ милосердия

Божия к грешным людям! «Должник не имеет средств к оправданию, – говорит свт. Филарет Московский, – закон осуждает его; царь имеет всю власть исполнить осуждение; повинный не считает возможным просить, чтобы долг был прощен, а разве только отсрочен: и внезапно – долг прощен». Строгость суда Божия смягчается, когда грешник искренно сознается в своей виновности. Этой строгостью только прикрывается все та же бесконечная благодать Божия: доведя до сознания виновности, эта строгость снова является милостью; самый этот счет, который грозил сначала неминуемой гибелью, становится уже великой милостью. Грешник должен сначала осознать все множество грехов своих прежде, чем это тяжкое бремя исчезнет в глубине милосердия Божия. Он должен восчувствовать в себе страшный приговор суда Божия, и только сердце станет способно воспринять целебный бальзам Божия милосердия. «Царь и прежде хотел простить долг рабу своему, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – но не хотел, чтобы это было только одним даром его, но, чтобы и со стороны раба было что-нибудь сделано, чтобы, научившись собственным несчастьем, раб был снисходительнее к своему товарищу. Действительно, в эту минуту раб был добр и чувствителен: он припал к государю с прошением, возгнушался своими грехами и познал великость своего долга». «Это так прекрасно, – говорит свт. Филарет Московский, – что, если бы Господь, не продолжая речи, сказал, как некогда в другой притче: *иди и ты твори также*, сердцу не окаменелому надлежало бы отвечать: пойдем, исполним. Но Господь не благоизволил остановиться, показав, как прекрасна добродетель; Он провидел, что не все пленятся ее красотой, и признал нужным показать безобразную противоположность.

Притча продолжает: *Раб же тот выйдя* из дворца господина своего, тотчас же, еще живо ощущая благодеяние, ему оказанное, *нашел*, встретил, *одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев* (сумма совсем небольшая). «Вот как велико различие между грехом против Бога и грехом против человека! – говорит свт. Иоанн Златоуст. Оно так же велико, как между десятью тысячами талантов и ста динариями, и даже еще более. При глазах человека мы удерживаемся и опасаемся грешить, а Бога, хотя Он всегда смотрит на нас, не стыдимся, напротив, и делаем все, и говорим обо всем небоязненно». Сказано, что раб вышел, потому что в присутствии своего государя он, конечно, не решился бы на такую дерзость, о которой говорится далее: *и, схватив его*, своего должника, *душил, говоря: отдай мне, что должен!* Долг был так мал, что сам заимодавец стыдится сказать: отдай мне мои сто пенязей, но говорит не определенно: сколько ты мне должен. Этот неумолимый заимодавец поступает строже, нежели как хотел поступить с ним самим царь, – он хочет, чтобы его самого судили одной мерой, а сам судит своего должника другой; он желает быть прощенным, а сам не хочет прощать. Он не хочет знать, что сам, находя любовь, должен и сам любить других, что, пользуясь милостью, должен забыть о своем праве, а если хочет пользоваться в отношении к ближним законом правосудия, то и себе должен ожидать того же правосудия, и знать, что той мерой, какой он мерит, отмерится ему самому. *Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе.* Но все было напрасно: жестокий человек не тронулся даже теми словами, которые только что спасли его самого, успел забыть о той милости, какую сам только что получил, и теперь душит своего товарища с жестокостью, несвойственной даже и диким зверям. «Что ты делаешь, человек? – восклицает свт. Иоанн Златоуст. Не вонзаешь ли меч в самого себя, вооружая против себя милость государя? Но он не мало об этом не размышлял, не хотел даже отсрочить уплату небольшого долга: *но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга.* Он безжалостно влечет должника под крепкую стражу, вовсе не сознавая, что этим сам себя осуждает беспощадно. Но таков уж человек, так он делается суровым и жестоким, когда «уходит от Бога» и весь отдается греховной страсти. Кто не видит, не сознает своего греха, тот всегда готов строго судить грех ближнего, подобно Давиду, который, сам будучи в грехе, произнес смертный приговор на соседа, отнявшего последнюю овцу у бедняка. Не то

же ли бывает и с нами, грешными? Как часто мы осуждаем ближнего за самый ничтожный проступок против нашей чести, за неосторожное слово, задевающее наше самолюбие, как часто сердце наше кипит жаждой – отмстить человеку за эту ничтожную обиду, восстановить свою честь! А того и на мысль нам не приходит, что Бог для того попускает эти обиды, чтобы мы помнили, как сами постоянно оскорбляем Его милосердие, для того и попускает страдать наше самолюбие, чтобы мы, прощая этот ничтожный долг ближнему, могли с большим дерзновением просить Отца Небесного: *«остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим!»* Сердцеведец все видит, все знает; ближайший клеветет наш, от которого нельзя утаиться, совесть наша свидетельствует против нас: оскорбленная правда Божия, требующая милости от помилованного, вызывает сострадание даже в посторонних свидетелях жестокости человеческой: *товарищи его, видевши происшедшее, бесчеловечие только что помилованного должника, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее.* Так и Ангелы Хранители, наши неотступные приставники, с глубокой скорбью видят жестокость нашу друг к другу, и, принося Богу молитвы за обижаемых, тем самым свидетельствуют пред лицом правосудного Судии о наносимой обиде (толкование свт. Иоанна Златоуста). И не напрасна эта жалоба сострадания: если людям возмутительно видеть, как люди не умеют ценить, оказанной им милости, то, что сказать о Боге, Которого правда есть любовь к святости, Который не попустит, чтобы человек употребил во зло другому человеку Его бесконечную любовь и милосердие? *Тогда государь его призывает и говорит: злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня.* Если ты хотел пользоваться этой моей милостью, то должен был стараться впредь быть достойным такой милости. *Не надлежало ли, хотя бы из одной благодарности ко мне, из чувства радости о помиловании, из сострадания к бедному собрату своему, из одного даже житейского расчета – не подобало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?* Если уж ты не хотел простить долга, как я тебе простил, то хотя бы ты отсрочил ему уплату, пока не найдет возможности уплатить... Устыдись своей жестокости! *«Хотя бы и тяжким тебе показалось простить долг, но ты должен подумать о награде за это от меня. Притом товарищ не оскорблял тебя, – напротив, ты оскорбил Бога, простившего тебя за одно только прощение твое. Да если бы даже он и оскорбил тебя и для тебя несносно быть ему другом, то еще несноснее попасть в геенну. Если мое благодеяние не сделало тебя лучшим, то остается исправить тебя наказанием»* (свт. Иоанн Златоуст). Ты гонишь милость из собственного сердца и потому не остается в твоём сердце места и для моей милости.

«Примечай опять кротость государя, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – он судится с рабом своим и как бы защищается, намереваясь уничтожить свой дар. Когда он был должен десять тысяч талантов, государь не называл его лукавым и не укорял его, но помиловал. А как скоро он поступил жестоко со своим товарищем, то государь говорит уже: *злой раб.* Слушайте, лихоимцы, ибо к вам слово, слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, но для себя самих. Когда ты питаешь злобу, то знай, что питаешь ее к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего. Что бы ты ни сделал ему, сделаешь только в настоящей жизни, а Бог подвергнет тебя вечному мучению в жизни будущей: *и, разгневавшись, государь его, отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга,* т. е. навсегда, ибо по смерти нет покаяния, и он не будет в состоянии никогда заплатить долга своего. Итак, *суд без милости не сотворившему милости* (Иак. 2, 13). «Когда государь приказывал его продать, то приказание дано было без гнева, и так как не допущено до исполнения, то служит яснейшим доказательством человеколюбия, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – но теперь делается определение с великим негодованием, определение мести и наказания». Царь тогда обошелся с ним, как заимодавец с должником, теперь обходится уже, как судья с преступником. Он так добр, что легче прощает грехи против него самого, нежели против ближних. «Что может быть хуже злопамятства, когда оно отъемлет назад и явленное

уже человеколюбие Божие? Этот грех не только сам не может быть прощен, но возобновляет опять и другие грехи, которые были уже изглажены совсем. Ничего, ничего не ненавидит так Бог, как злопамятства!» – говорит свт. Иоанн Златоуст.

Горькая участь ждала преступника в руках мучителей: они вымучивали у него призвание, не хранится ли где скрытое имущество; еще более страшная доля ждет грешников в темнице адской, где есть свои истязатели – духи злобы и муки отчаяния... Страшным предостережением заключает Господь Свою Божественную притчу: так, с такой же строгостью *и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас* – не на словах только, не наружно, но искренно, *от сердца своего брату своему согрешихи его* против вас! Как велик преизбыток милосердия и всепрощения у Отца Небесного, так же велик и преизбыток праведного гнева Его на злопамятных. Не говорит здесь Господь: Отец ваш, а Мой, ибо не достойно называться Богу Отцом столь лукавого и человеконенавистного раба. «Итак, если уж помнить грехи, – поучает свт. Иоанн Златоуст, – то помнить должно только свои: помня собственные грехи, о чужих мы никогда и не подумаем; а коль скоро о тех забудем, эти легко придут нам на мысль. Если бы и неблагодарный должник помнил о десяти тысячах талантов, то не вспомнил бы ста динариев. Господь требует, чтобы мы чувствовали свои грехи, для того, чтобы удобнее было их прощать другим. А прощать должны от чистого сердца, чтобы не обратить против самих себя меча своим памятозлобием», не удалить от себя спасающей нас благодати Божией.

В житиях святых есть такой рассказ: были два друга Саприкий и Никифор, которые поссорились между собой. Это было в те времена, когда христиан мучили за веру Христову, и Саприкий был осужден на смерть за Христа. Узнал об этом Никифор, и когда Саприкия вели на казнь, он забежал ему на пути, пал пред ним на колени и стал умолять о примирении. Саприкий от него отвернулся. Никифор снова забежал, снова умолял простить, но напрасно, тот не хотел и слушать его. Наконец, Саприкия привели на место казни и приказали склонить голову под меч... Но тут благодать Божия оставила несчастного памятозловца, и он отрекся от Христа. А Никифор объявил себя христианином и получил мученический венец вместо Саприкия. Так, Господь и Судья неба и земли обещает нам Свою великую милость, но с условием, чтобы и мы оказали малую милость ближнему нашему. Небесный Заимодавец обещает нам простить тьму талантов, но с условием, чтобы и мы простили нашим должникам сто пенязей. Поспешим же исполнить это условие, чтобы получить от Него великую милость...

Мефодий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Митр. Антоний Сурожский

Сегодняшняя притча такая ясная, такая простая, но я хотел бы обратить ваше внимание на одну или две вещи в ней. Из притчи ясно, что если мы не прощаем друг другу то малое, чем мы согрешаем друг перед другом, Бог не может простить нам то великое, чем мы должны Ему. И это верно; но я хочу задуматься о чем-то другом.

Мы должны друг перед другом столь малым: мы раним друг во друге самолюбие или гордость; мы разрушаем надежды друг друга, мы убиваем друг во друге радость: и также, очень часто, тем, как мы обращаемся друг с другом, мы омрачаем, порочим образ Божий в себе и в других людях. И вот когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, о боли, которую мы друг другу причиняем, наш долг может быть прощен, потому что жертва нашего греха, даже если она нас вызвала на грех, или если эта жертва непорочная, получает в тот момент власть простить, подлинно божественную власть упразднить зло, которое мы совершили, и словами Христа *Прости им, Отче, они не знают, что творят* отпустить обидчика, перечеркнуть зло, выпустить на свободу того, кто связал себя узами ненависти, презрения или множеством других вещей.

Но есть в этой притче и другая сторона; в чем дело, почему Христос говорит, что мы должны друг другу сто монет, а Богу – десять тысяч монет: так много, *так* много? Значит ли это, что когда мы грешим против Него, грех как бы умножается тем, что Бог велик, и оскорбить Его – всегда намного преступнее, чем оскорбить ближнего? Я думаю, такое представление о Боге было бы чудовищным; я думаю, это значит, что когда мы поступаем дурно, не слушая призыва Божия, не следуя Его слову и Его примеру, это помрачает Его образ в нас, разрушает ту красоту, которую Он в нас насадил, которую Он начертал в нас, которой Он нас запечатлел, как собственной печатью. И вот *это* непоправимо, если только Сам Бог не исправит, если только Сам Бог не обновит то, что одряхлело, не вернет утраченную нами красоту.

В этом смысле мы должны быть очень бережны в наших отношениях с Богом. Проступки друг против друга исправить легко, потому что они малы, они поверхностны; одного слова прощения достаточно. Но то, что мы совершаем над своей душой, над самими собой, когда поступаем против Божией заповеди, Божиего зова, против надежды, которую Бог на нас возлагает, мы не можем исправить, просто сказав: «Я поступил плохо, прости!» Вся жизнь Христа, все Его страдание и смерть на Кресте – вот цена, которой восстанавливается то, что мы разрушили и искривили, вместо того чтобы сделать прямым и прекрасным.

Задумаемся над этим, потому что сказать Богу «Прости» означает гораздо больше, чем сказать «Не вмени нам того зла, которое мы сделали, той неправды, которую мы совершили». Это значит: «Обнови то, что не может быть возрождено человеческими силами». Так что действительно существует несоразмерность, о которой Христос говорит в притче, между тем, когда мы поступаем неправо на путях Божиих и когда мы поступаем неправо в наших взаимоотношениях друг с другом. Поэтому давайте начнем с этих отношений друг ко другу, станем относиться к каждому человеку, как мы относились бы к святой иконе, поврежденной временем, небрежностью, злобой. Будем относиться друг к другу с благоговением, с лаской: тогда, при нашем обращении к Богу, и Он так же поступит с нами.

Да благословит нас Бог вырасти в полноту той красоты, которую Он насадил в нас и к которой Он нас призывает, и да будет благословение Господа Иисуса Христа, и любовь Божия, и причастие Святого Духа с нами во веки! Аминь.

Антоний Сурожский, митр. Воскресные проповеди. Минск: Минский кафедральный Свято-Духов собор, 1996.

Прот. Всеволод Шпиллер

<...> Господь пришел взыскать, т. е. найти и спасти погибшего. Именно из-за погибшего ходит бездомным Господь по бесконечным дорогам своей земной жизни по Палестине. Именно в этом поиске погибшего Он ходит и по местам пустынным, и среди прокаженных, и среди бесноватых, Он ходит по многолюдным городским площадям и в храме Иерусалимском... И всюду-всюду Он ради погибшего. Он как пастух, как добрый пастырь: когда найдет заблудшую овцу, так ей радуется! Он ищет ее, и когда находит, тогда 99 заблудших овец Ему не доставляют такой радости, как та, которую Он нашел и спас, как об этом добром пастыре говорится в Евангелии. Такова любовь, братья и сестры, этого доброго пастыря – Господа – к людям, ко всем нам. Такова любовь Божия, ищущая и спасающая погибшее, любовь трудящаяся над тем, чтобы найти и вернуть его в стадо верных.

Но для того чтобы найти, спасти и радоваться этому заблудшему, найденному, для этого ведь заблудшего надо простить, братья и сестры. И эта любовь всегда – прощающая любовь. Всегда прощение и спасение всех дает... А до каких пор можно прощать заблуждения, грехи? Разве справедливость не требует положить какой-то предел этой всепрощающей любви? Разве можно без конца все прощать? Будет ли это справедливо?

Справедлива любовь. Там где любовь, там всегда справедливость. Там где нет любви, там нет никакой справедливости. Справедливость – это любовь, любовь – это справедливость. Всегда! И Бог справедлив потому, что Бог есть Любовь. А с этим вопросом – можно ли без конца прощать грехи, заблуждения – к Спасителю обратился, как вы помните, вероятно, апостол Петр. Он спросил: «А сколько же раз можно прощать? До семи ли раз?» Вы помните, что ответил Спаситель: *До семидесяти семи по семь!* Без конца надо прощать! *И так, как вы будете прощать грехи другим людям, так и вам Отец ваш Небесный простит ваши грехи.* Это слова Спасителя.

И это не только слова – это заповедь! И для того чтобы пояснить мысль, заключающуюся в этих словах, Спаситель и рассказывает ту самую притчу о двух должниках, которую вы слышали в сегодняшнем евангельском чтении. Нужно ли ее повторять вам? Вы все ведь так хорошо знаете эту притчу о том, как господин призвал своего раба и потребовал у него возратить долг. Раб попросил отсрочки: «Не наказывай меня за то, что я этого не сделал вовремя!» И господин ему простил. Вы знаете, как этот должник господина, не успев выйти из его дома, тут же набросился на своего должника и стал его душить, как говорится в русском переводе Евангелия: *Отдай мне то, что должен!* И когда он попросил подождать, лукавый раб не внял мольбам, а засадил его в тюрьму... После чего господин призвал лукавого раба, которому все простил и наказал его. Вы хорошо знаете эту притчу...

Братья и сестры! Мы все время говорим о справедливости, но очень любим самих себя. И очень часто являются эти вопросы: А до каких пор прощать наших врагов или просто согрешивших перед нами, что-то нам должных? До каких пор? А сами себя мы спрашиваем или нет: А только ли семь раз мы согрешили перед Богом? А перед ближним? Какая граница, где предел того прощения, на которое мы можем рассчитывать в прощении наших грехов у Бога? Мы без конца просим у Него прощения, а сами не прощаем... Так редко кто из нас не похож на лукавого раба! И может быть, именно вследствие этого так много в жизни всякого горя?

Вы знаете что Спаситель ответил Петру: *Если вы будете прощать своего ближнего, то и Отец ваш Небесный простит вам все ваши грехи.* Мы так не прощаем грехи своему ближнему, и подвергаемся опасности – да еще и какой! – быть осужденными Самим Богом за это. Эта опасность очень часто и реализуется в нашей жизни здесь, потому-то наша жизнь и несчастна. От нас отнимаются счастье, радость, элементарное иногда благополучие и не

только духовное, а и физическое и именно за то, что мы так часто бываем похожи на этого лукавого раба, не прощающего, лишённого силы прощающей любви.

Мир задыхается в несчастье. И задыхается в скорбях, в несправедливости именно потому, что нет в этом мире прощающей любви, с которой справедливость всегда связана непосредственно, без которой никакой справедливости нет и не может быть! Нет и не может быть правды! Мы с вами все ведь должники у Бога и должники друг у друга! Общество должников, но только считаем, что нам все должны, а не мы – кому-нибудь и что-нибудь, начиная даже с Самого Бога! И только там, где есть Христос, только там, где есть вера во Христа и верность Христу, там у людей проясняется сознание. Там начинает человек понимать, что он должник и Богу, и ближнему своему, и что нужно жить иначе – не как лукавый раб, а совсем по-другому, силою прощающей любви. Потому что путь к счастью, к благополучию, путь ко спасению, а не только к справедливости, здесь, на этой земле прокладывает прощающая любовь, наши способность и умение прощать, любя Бога и человека.

Будем лучше это с вами помнить и знать, братья и сестры. И всегда с совершенно особым чувством, из последней глубины нашего сердца молясь Богу, будем просить у Него всегда словами той молитвы, которую Он же нам и оставил, оставить наши прегрешения яко же и мы оставляем должником нашим. Аминь.

Шпиллер Всеволод, прот. Проповеди. Прощальные слова. Цикл бесед об Евхаристии. Приветственные слова. Красноярск: «Енисейский благовест», 2002.

Прот. Александр Шаргунов

<...> Притча о жестоком заимодавце начинается со слов: *Царство Небесное подобно царю*, и это значит, что тайна прощения сокрыта в Божественной благодати, в тайне Царства Небесного. Царь, требуя отчета у своих рабов, находит среди них одного, который должен был ему десять тысяч талантов. Сумма такая громадная, что не видно, как он мог бы рассчитаться. Это как если бы к вам пришли сегодня и сказали, что вы должны немедленно заплатить десять миллионов долларов; а десять тысяч талантов – это и того больше. Христос хочет показать, что наш долг Богу совершенно превосходит наши возможности расплатиться. Царь решил взять, что он мог, и приказал продать этого человека и его семью в рабство, в работу, пока он не заплатит все.

Но человек пал на лице свое, умоляя потерпеть на нем, оставить его на свободе, обещая заплатить за все. Видя, что он хочет совершить невозможное, царь сжалился над ним и простил ему долг. Прощение было дано из-за его отношения к долгу, из-за признания справедливости этого долга, из-за решимости все исполнить по справедливости – не из-за способности заплатить долг. И вот мы видим, что виновный человек был освобожден, а невинный человек, царь, заплатил долг, ибо он вычеркнул десять тысяч талантов из того, что ему принадлежало. Этот пример приоткрывает нам тайну Христова прощения. Прощение означает невинное страдание за виновного.

Но человек по своей теперешней природе склонен скорее заковывать в долговые колодки, чем освобождать – требовать свое, чем прощать, и Господь добавляет к началу притчи продолжение.

Прощенный человек, радуясь своей свободе, вышел и встретил человека, который должен был ему относительно небольшую сумму – сто динариев. Кто-то подсчитал, что это в пятьсот тысяч раз меньше, чем долг, который ему простили. Тем не менее он потребовал уплаты. Он схватил его за горло, стал душить, чтобы тот немедленно вернул ему деньги. Бедный должник пал у его ног, умоляя потерпеть, как этот человек сам недавно умолял, обещая все заплатить, теми же самыми словами, которые получивший прощение говорил в своем отчаянии. Но он не хотел потерпеть и бросил человека в тюрьму, пока он не заплатит свой долг. Это было столь возмутительным, что друзья бедняка, потрясенные несправедливостью, сообщили обо всем царю. Меряя суд той же мерой, какой этот человек воздал своему должнику, царь предал его на мучение в тюрьму, пока он не отдаст ему всего долга. И мы слышим: *Так и Отец Мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его*.

Постараемся понять из этой притчи тайну прощения. В мире существует справедливость. Царь требует отчета в долгах наших. Но его справедливость – выше справедливости, и потому должнику дается прощение. Когда этот прощенный человек, ничему не научившись – не поняв, что справедливость может быть только тогда, когда она выше справедливости – требует то, что ему по справедливости принадлежит, совершается вопиющая несправедливость. И тогда царь напоминает, что в мире существует справедливость. Оттого, что мир стремится осуществить справедливость без Бога, без высшей справедливости, столько в мире несправедливости, жестокости, и все друг друга бросают в тюрьму.

Тюрьма на библейском языке означает ад. <...> И вот здесь, в притче, заключена решающая, может быть, для судьбы каждого человека и всего человечества тайна. Прощение, которое мы получаем от Бога, открывает нам, что стоит грех. Никто не может знать до конца, как дается прощение, которое превосходит всякую справедливость, если не увидит Сына Божия, ставшего человеком. Прощение дается дорогою ценою – Кровью Христовой. Речь идет не столько о мудрости, сколько о безумии Креста. Через прощение приходит к нам

глубочайшее знание греха – и покаяние, открывающее Царство Небесное, и сострадание ко всякому раненому грехом человеку.

<...> Среди ада земли мы – не Ангелы, мы слабые люди. Мы сражаемся с грехом, но и у нас много грехов и обид, и, если мы не прощаем друг другу, зло остается и накапливается в мире, и входит в Церковь, которая от этого перестает быть Христовою. Христианский народ – это не народ силы, это народ, который верит в Иисуса Христа, пришедшего взыскать и спасти погибшее. Это прощенный народ, который оттого, что он прощенный, призван принести Евангелие Божия прощения всем людям. Мы должны со властью сказать и засвидетельствовать об этом перед всеми людьми.

В мире существует справедливость, без которой не может быть того, что выше справедливости. Однако высшая несправедливость заключается в отвержении того, что выше справедливости. На последнем повороте истории мы исполним свое предназначение в той мере, в какой будем верны этой тайне. Только вместе со Христом, противостоя несправедливости всякого греха, царствующего в мире, можем мы молиться на самом деле вместе со Христом о распинающих нас: *Боже, прости им, не знают, что творят!*

Шаргунов Александр, прот. Евангелие дня. Толкование воскресных и будничных Евангельских чтений на каждый день. М., 2007.

Притча о работниках в винограднике, получивших равную плату

Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем деле, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных. (Мф. 20, 1–16)

Свт. Иоанн Златоуст

Потом Господь предлагает и притчу, чтобы побудить к большей ревности тех, которые обратились к Нему после других. <...> Что значит эта притча? Сказанное в начале не согласно с тем, что говорится в конце ее, но открывает совершенно противное. В ней Господь показывает, что все люди получают равные награды; а не говорит того, что одни изгоняются, а другие вводятся. Но прежде этой притчи и после нее Он говорил противное: *будут первии последни и последнии перви*, т. е. последние будут выше и самых первых, которые уже не будут первыми, но сделаются последними. А что таков действительно смысл этого изречения, это видно из присоединенных к нему слов: *мнози бо суть звани, мало же избранных*, – которыми Господь вместе и первых укоряет, и последних утешает и ободряет. Но притча не то говорит, в ней говорится только, что последние равны будут мужам уже испытанным и много трудившимся. *Равных бо нам*, говорится в ней, *их сотворил еси, понесшим тяготу дне и вар*. Итак, что же значит эта притча? Нужно прежде объяснить ее, и тогда мы разрешим указанное противоречие. Виноградом называются в ней повеления и заповеди Божии, временем делания – настоящая жизнь, а делателями – те, которые различным образом призываются к исполнению заповедей Божиих; утро же, третий, шестой, девятый и одиннадцатый час – означают различные возрасты пришедших и получивших одобрение за труды свои. Но главное дело состоит в том: те первые, которые столько прославились и угодили Богу и весь день с особенною ревностью провели в трудах, не заражены ли сильнейшею страстью злобы, завистью и недоброжелательством? Видя, что и пришедшие после них получили такую же награду, они говорили: *сии последнии един час сотворишиа, и равны их нам сотворил еси, понесшим тяготу дне и вар*. Так они, не потерпев никакого убытка и получив сполна свою награду, досадовали и негодовали на то, что другие пользуются благами, – а это происходило от зависти и недоброжелательства. Но что всего важнее, сам Домовладыка, защищая тех и оправдывая свой поступок пред человеком, говорившим ему, обвиняет его в злобе и крайней зависти, говоря: *не по пенязю ли совещал еси со Мною? Возми твое и иди; хощу же последнему дати якоже и тебе. Аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь?* Итак, чему научают нас такие притчи? Не в этой только, но и в других притчах то же можно видеть. Так, например, и добрый сын впал в такую же душевную болезнь, когда увидел, что блудный брат его удостоился великой чести, и даже большей, нежели он. Как последним делателям винограда большая честь была оказана тем, что они первые получили награду, так и блудному сыну обилием даров сделано было предпочтение, о чем свидетельствует сам добрый сын. Что же следует сказать? То, что в Царстве Небесном нет ни одного человека, который бы производил такие споры и жалобы, и быть не может, потому что там нет места ни зависти, ни недоброжелательству. Если святые и в настоящей жизни полагают души свои за грешников, то, видя их там наслаждающихся уготованными благами, они тем более радуются и почитают это собственным блаженством. Итак, для чего Господь в таком образе предложил слово Свое? Это притча; а в притчах не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но узнавши цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. Для чего же так изображена эта притча, и какая цель ее? Та, чтобы соделать ревностнейшими людей, которые в глубокой старости переменяют образ жизни и становятся лучшими, и чтобы освободить их от того мнения, будто они ниже других (в Царстве Небесном). Потому-то Господь и представляет, что другие с огорчением смотрят на их блага, не для того, чтобы показать, будто они истаивают от зависти и терзаются, – нет, – но чтобы уверить, что и поздно обратившиеся удостоятся такой чести, которая может породить в других зависть. Так часто делаем и мы сами, говоря: он меня обвиняет за то, что я тебя удостоил такой чести, – и говорим так не потому, чтобы в самом деле кто-либо обвинял нас,

или чтобы нам хотелось оклеветать кого, но чтобы показать этим величие дара, коего другой удостоился. Но почему Он не всех вдруг нанял? Насколько мог, всех, а что не все вдруг Его послушались, это зависело от воли званых. Поэтому Он одних утром, других в третьем, иных в шестом, иных в девятом часу призывает, а некоторых даже в одиннадцатом, смотря по тому, когда кто готов был повиноваться Ему. Это объясняет и Павел, говоря: *егда же благоволи избравый мя от чрева матери моя* (Гал. 1, 15). Но когда благоволил? Тогда, когда он готов был повиноваться. Сам Бог хотел этого от начала; но так как Павел не послушал бы Его, то Он тогда благоволил призвать его, когда последний и сам готов был покориться Ему. Так призвал Он и разбойника. Мог и прежде призвать его; но тогда он не послушал бы Его. Если Павел не послушал бы Его сначала, то тем более разбойник. Что же касается до слов делателей: *никтоже нас наят*, то уже я сказал общую мысль, что не на все в притчах должно обращать внимание. А здесь это не нужно и потому, что говорящим представляется не сам Домовладыка, но трудившиеся. Он же не обличает их для того, чтобы не привести их в сомнение, но привлечь к Себе. А что Он звал всех, кого мог, в первом часу, это видно и из самой притчи, где сказано, что Он с утра вышел нанять.

Итак из всего видно, что притча эта сказана как для тех, которые в первом возрасте жизни своей, так и для тех, которые в старости и позже начали жить добродетельно: для первых, чтобы они не возносились и не упрекали тех, кто пришел в одиннадцатый час; для последних, чтобы они познали, что и в короткое время можно все приобрести. Так как раньше Господь говорил о великой ревности, об оставлении имений и о пренебрежении всего находящегося на земле, а для этого потребно великое мужество и юношеская ревность, то чтобы возжечь в слушателях пламень любви и волю соделать твердую, Он показывает, что и после пришедшие могут получить награду за целый день. Этого впрочем Он не говорит, чтобы они опять не возгордились; но показывает, что все зависит от Его человеколюбия, по которому и они не будут отвергнуты, но будут удостоены вместе с другими неизреченных благ. И это-то составляет главную цель настоящей притчи. Если далее Он присовокупляет: *так будут последнии первии, и первии последни, мнози бо суть звани, мало же избранных*, – то не удивляйся этому. Это Он высказывает не как заключение, выведенное из притчи, а утверждает лишь то, что как сбылось одно, так сбудется и другое. Здесь первые не сделались последними, но все получили одну награду, сверх всякой надежды и ожидания. Но как здесь, сверх чаяния и надежды, сбылось то, что последние сравнялись с первыми, так сбудется и еще большее и удивительнейшее, т. е. что последние окажутся впереди первых, а первые останутся за ними. Итак, одно выражает притча, другое – послесловие. Кажется мне, что Он указывает здесь на иудеев и на тех из верных, которые, просияв сначала добродетелью, после ней вознерадели и опять обратились к пороку; равно как и на тех, которые, удалившись от беззакония, многих превзошли добродетелями. И действительно, мы видим, что такие перемены случаются и в вере, и в образе жизни.

Потому умоляю вас, будем прилагать великое старание о том, чтобы нам пребывать и в правой вере и вести жизнь добродетельную. Ежели мы с верою не соединим достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанию. Это подтвердил блаженный Павел опытом древних времен, когда он, говоря о израильянах, что *вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша* (1 Кор. 10, 4), присоединяет далее, что они не спаслись: *поражени бо быша в пустыни* (1 Кор. 10, 5). И сам Христос в Евангелии подтвердил то же, когда сказал, что некоторые люди, изгонявшие бесов и пророчествовавшие, осуждены будут на казнь. Да и все притчи Его, как-то: притча о девах, о неводе, о тернии, о древе, не приносящем плода, требуют, чтобы мы были добродетельны на деле. О догматах Господь редко рассуждает (так как верить им не трудно), но о жизни добродетельной – очень часто, или лучше сказать, всегда, так как на поприще ее предстоит всегдашняя брань, а потому и труд. И что я говорю о совершенном пренебрежении добродетели? Даже нерадение о малей-

шей части ее подвергает великим бедствиям. Так небрежение о подаянии милостыни ввергает небрежущего о том в геенну, хотя это не вся добродетель, а только часть ее. И однако девы за то, что не имели этой добродетели, были наказаны, и богач за то же страдал в пламени, и все те, которые не напитали алчущего, осуждаются с дьяволом. Равным образом и не укорять других есть малейшая часть добродетели, однако же кто ее не исполняет, тот изгнан будет из Царствия. *Рекий бо брату своему*, говорит Писание, *уроде, повинен есть геенне огненной* (Мф. 5, 22). И целомудрие, опять, есть часть добродетели; но без нее никто не увидит Господа: Писание говорит: *мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никто же узрит Господа* (Евр. 12, 4). Смиренномудрие есть также часть добродетели; но если бы кто другие добродетели исполнил, а этой не соблюл, тот не чист пред Богом. Это показывает пример фарисея, который был украшен многими добродетелями, но гордостью погубил все. Я еще гораздо более скажу: не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили ее, но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же следствия. *Аще не избудет правда ваша*, говорит Христос, *паче книжник и фарисей, не увидите в царствие небесное* (Мф. 5, 20). Потому если ты и милостыню подаешь, но не более той, какую они подавали, то не увидишь в царствие. Как же великую милостыню, спросит кто-либо, они подавали? Я и сам хочу говорить теперь об этом для того, чтобы не дающих милостыни побудить к подаянию ее, а дающих предохранить от высокомерия и заставить подавать еще более. Итак, что фарисеи давали? Они давали десятину от всего имущества, и еще другую десятину, и сверх того еще третью, так что отдавали почти третью часть своего имения <...> Если же дающий третью часть имений своих, или лучше – половину (эти приношения, взятые вместе с десятинами, и составляют половину), если, говорю, дающий половину не делает ничего великого, то чего будет достоин тот, кто не подает и десятины? Справедливо поэтому сказал Господь, что не многие спасутся.

Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Т. 1–2. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

Свт. Григорий Двоеслов

<...> Царство Небесное называется подобным хозяину, который для возделывания своего виноградника нанимает работников. Кто же справедливее удерживает это подобие с хозяином, если не Создатель наш, Который управляет созданными от Него, и Своими избранными распоряжается в сем мире так, как господин дома подчиненными ему? Он имеет виноградник, т. е. Вселенскую Церковь, которая от праведного Авеля до последнего избранного, имеющего родиться на кончине мира, столько произвела Святых, сколько произрастила как бы виноградных лоз. Итак, этот хозяин для обрабатывания своего виноградника рано поутру, в третий час, в шестой, девятый и одиннадцатый, нанимает работников, потому что от начала мира сего и до кончины его Он не перестает собирать проповедников для научения народа верующих. Ибо утро мира протекло от Адама до Ноя; а час третий – от Ноя до Авраама, шестой – от Авраама до Моисея, девятый – от Моисея до пришествия Господня, одиннадцатый же – от пришествия Господня до кончины мира. В этот час были посланы проповедниками свв. апостолы, которые, пришедши поздно, получили полную награду. Итак, Господь для научения Своего народа, как бы для обрабатывания Своего виноградника, ни в какое время не переставал посылать работников, потому что сперва через патриархов, потом через учителей Закона и пророков, и, наконец, через апостолов, когда Он исправлял нравы народа Своего, как бы трудился над обработкою виноградника через работников. Впрочем, в известной мере, или степени, в этом винограднике был работником каждый, кто с правой верой соединял добрые дела. Итак, делателем с утра означает тот древний еврейский народ, который от самого начала мира, стараясь через избранных Своих чтить Бога правую верою, как бы не переставал трудиться над обработкой виноградника. Но в одиннадцатый (час) призываются язычники, которым и говорится: *что вы стоите здесь целый день праздно?* Ибо те, которые в продолжение столь долгого времени мира не хотели трудиться для жизни своей, стояли как бы целый день праздны. Но обсудите, братия, что отвечают спрошенные, *они говорят ему: никто нас не нанял*; потому что к ним не приходил ни один Патриарх, ни один пророк. И что значит говорить: *никто нас для труда не нанял*, если не то, что *нам никто не проповедовал о путях жизни!* Итак, что скажем в извинение свое мы, не творящие добра, мы, которые почти от чрева матери пришли к вере, которые слушали о словах жизни с самых колыбелей и с телесным млеком принимали от сосцов Св. Церкви питье высшей проповеди?

Но мы можем те же самые различия часов применить к каждому человеку по временам возрастов. Потому что утро есть детство нашего разумения. Под третьим же часом можно разуметь отрочество, потому что, когда пыл лет возрастает, тогда как бы уже солнце восходит на высоту. Но шестой (час) есть юношество, потому что, когда в нем развивается полнота силы, тогда как бы солнце бывает на полудни. Под девятым же (часом) разумеется престарелость, в которую солнце как бы спускается с полуденной высоты, потому что этот возраст теряет уже жар юности. Одиннадцатый час есть тот возраст, который называется старостью, или дряхлостью. <...> Итак, поскольку к добродетельной жизни иной приводится с детства, иной – в юности, иной – в мужестве, иной – в престарелости, иной – в глубокой старости, то и называются они делателями в винограднике с различных часов. Посему, возлюбленнейшая братия, обратите внимание на свои нравы и посмотрите, делатели ли вы Божий. Пусть каждый обсудит, что он делает, и подумает, трудится ли он в винограднике Господнем. Ибо кто в этой жизни ищет только своего, тот еще не входит в виноградник Господень. Для Господа трудятся те, которые помышляют не о своей, а о Господней прибыли, которые имеют ревность любви, усердие к благочестию, деятельны в приобретении душ, спешат вести с собою и других к жизни. Ибо кто живет для себя, кто питается удовольствиями своей плоти,

тот справедливо обличается в праздности, потому что не приносит плода Божественного делания.

Но кто пренебрег жизнью для Бога даже до последнего возраста, тот как бы до одиннадцатого часа простоял праздным. Поэтому справедливо стоящим без дела до одиннадцатого часа говорится: *что вы стоите здесь целый день праздно?* Ясно говорится как бы так: ежели вы не хотели жить для Бога в юности и мужестве, то, по крайней мере, опамятуйтесь в последнем возрасте; и хотя вы уже не способны много трудиться для путей жизни, однако же идите и поздно. Итак, хозяин зовет и таковых; и они большей частью получают воздаяние прежде, потому что переходят от тела к Царству прежде, нежели те, которые оказались призванными с самой юности. Не в одиннадцатый ли час приходит разбойник, который запоздал, хотя не по летам, но по наказанию, который на кресте исповедал Бога и почти с этим гласом исповедания испустил дух жизни?

Хозяин начинает выдачу динария с последнего, потому что к райскому успокоению разбойника привел прежде Петра. Сколько было отцов прежде Закона? Сколько – под Законом? – И однако же те, которые призваны в пришествие Господне, пришли в Царство Небесное без всякого замедления. Итак, те, которые потрудились с одиннадцати (часов), получают тот же самый динарий, которого с полным желанием ожидали трудившиеся с первого (часа); потому что равное воздаяние Вечной Жизни с призванными от начала мира получили те, которые пришли ко Господу на кончине мира. Поэтому те, которые долее трудились, с ропотом говорят: *эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной.* Тяжесть дня и зной перенесли те, которые трудились от начала мира; и поскольку им довелось здесь жить долго, то по необходимости надобно было переносить и продолжительнейшие искушения плоти. Ибо для каждого перенесение тяжести дня и зноя означает утомление во время продолжительной жизни от зноя своей плоти.

Но можно спросить, каким образом подверглись ропоту те, которые поздно призваны к Царству? Ибо Небесного Царства никто из ропщущих не получает; и никто не может роптать, кто получает. Но поскольку древние Отцы до пришествия Господня сколь праведно ни жили, не были введены в Царство, доколе не снизошел Тот, Кто отверз для людей обители рая посредством Своей смерти, то самый этот ропот их состоит в том, что они и праведно ради получения Царства отжили, и однако же долго не были допускаемы к получению Царства. Ибо кого, по совершенному правосудию, приняли хотя спокойные места адовы, тому подлинно было свойственно и утрудиться в винограднике, и пороптать. Итак, как бы после ропота получают динарий те, которые, после продолжительного пребывания в аде, перешли к радостям Царства. Мы же, которые пришли в одиннадцатом (часу), после труда не ропщем и получаем динарий, потому что после пришествия Посредника, грядущего в сей мир, вводимся в Царство тотчас, как только выходим из тела, и без замедления получаем то, что древние отцы заслужили получить с великой отсрочкой. Поэтому-то Тот же Хозяин и говорит: *я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе.* И поскольку самое получение Царства есть выражение благодати воли Его, то Он справедливо присовокупляет: *разве я не властен в своем делании, что хочу?* Ибо глуп вопрос человека против благоволения Божия. Поскольку надобно было бы жаловаться не на то, что Он не дает того, чем не должен, но на то, если бы Он не дал того, что должен был дать. *Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?* Но пусть никто не гордится ни делом, ни временем, когда затем Истина взывает этой полной мыслью: *так будут последние первыми, и первые последними.* Ибо вот мы, хотя уже знаем, что или сколько доброго мы сделали, но еще не знаем, с какою тонкостью будет испытывать это верховный Судия. И каждому должно радоваться именно тому, чтобы в Царстве Божиим быть даже последним.

Но после этого весьма страшно то, что следует: *ибо много званых, а мало избранных,* потому что к вере приходят многие, а до Царства Небесного доводятся немногие. Ибо вот

сколь много нас стеклось на сегодняшнее торжество, мы наполняем стены Церкви; и однако же, кто знает, сколь мало таких, которые могли бы причисленными быть к оному стаду избранных Божиих? Ибо вот голос всех взывает ко Христу, но жизнь всех не взывает. Многие на словах последуют Богу, а нравами бегут от Него. Посему-то Павел говорит: *говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит. 1, 16). Потому же и Иаков говорит: *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20, 26). Поэтому же через Псалмопевца Господь говорит: *хотел бы я проповедовать и говорить, но они превышают число* (Пс. 39, 6). Ибо, по призыванию Господню, верующие умножаются *паче числа*, потому что иногда к вере приходят и те, которые не принадлежат к числу избранных. Ибо здесь они за исповедание причислены к числу верующих, но там за нечестивую жизнь не заслуживают причисления к части верующих. Эта овчарня Св. Церкви принимает в себя козлиц вместе с агнцами, но, по свидетельству Евангелия, когда придет Судия, тогда отделит добрых от злых, как пастырь отделяет овец от козлиц (ср.: Мф. 25, 32). Ибо те, которые здесь предаются удовольствиям своей плоти, там не могут быть причислены к овчему стаду. Там от участи смиренных Судия отлучает тех, которые здесь бодаются рогами гордости. Те не могут получить Царства Небесного, которые здесь, поставленные даже в Небесную Веру, полным желанием стремятся к земле.

И вы, возлюбленная братия, видите многих таковых внутри Церкви, но не должны ни подражать им, ни презирать их. Ибо сегодня мы видим, что он есть, но не знаем, чем каждый будет завтра. Большею частью, даже тот, кто по видимому идет позади нас, деятельностью в добром деле опережает нас; и едва мы завтра догоняем того, которому сегодня, казалось, мы предшествовали. Известно, что когда Стефан умирал за Веру, Савл стерег одежды побивающих его камнями. <...> Поскольку много званых, а мало избранных, то, во-первых, необходимо, чтобы каждый о себе думал не много; потому что, хотя он уже и призван к вере, однако же не знает, будет ли он удостоен Вечного Царства. Во-вторых, необходимо, чтобы каждый не смел отчаиваться в ближнем, которого, быть может, он видит валяющимся в пороках; потому что не знает богатства милосердия Божия.

Я вам, братие, рассказываю о событии, которое было недавно, для того, чтобы вы, когда видите решительных грешников, тем более благоговели перед милосердием Всемогущего Бога. В монастырь <...> приходит некий брат на покаяние; его с любовью приняли, но он еще с большей любовью нес покаяние. За ним последовал в монастырь брат его по плоти, но не по сердцу. Ибо весьма осуждая жизнь покаяния и содержание, он жил в монастыре как гость, и нравами удаляясь монашеской жизни, не мог он оставить монастырской жизни потому, что или не имел, чем заняться, или чем жить. Нечестие его было тягостно для всех, но все благодушно терпели его за любовь к брату его. <...> Но... был поражен болезнью <...> Приближаясь к кончине, он начинает чувствовать необходимость умереть. <...> Братия собрались и охраняли исход его, сколько могли, по милосердию Божию, молитвою. Но он, вдруг видя что, идет дракон, чтобы сожрать его, громким голосом начинает кричать, говоря: «Я отдан на сожрание дракону, который не может сожрать меня по причине вашего здесь присутствия. Что вы для меня останавливаете его? Дайте место, чтобы ему можно было сожрать меня». И когда братия увещевали его ознаменовать себя крестным знаменем, тогда он отвечал с силою, с какою мог, говоря: «Хочу перекреститься, но не могу, потому что дракон меня душит. Пена из пасти его застилает лицо мое, мое горло задушается его пастью. Вот мышцы мои им сжимаются, он уже и голову мою схватил в пасть свою». И когда он, бледнея и трепеща, и умирая, это говорил, тогда братия начали еще более усиливать молитвы, и своими молитвами помогать теснимому от дракона. Тогда он, неожиданно освобожденный, начал громким голосом кричать, говоря: «Благодарение Богу, вот он отступил, вот он выходит; от ваших молитв бежит дракон, который схватил меня». Тотчас же он произнес обет служить Богу и быть монахом; однако же с того времени доселе он страждет лихорадками, мучится от болезней. Поскольку он был предан продолжительным и дол-

говременным порокам, то и мучается продолжительным расслаблением, и жестокое сердце выжигает жесточайший огонь очищения. Ибо, по Божественному распоряжению, устроено, чтобы продолжительные пороки выжигала продолжительнейшая болезнь. Кто поверил бы, что он будет когда-либо сохранен для покаяния? Кто в состоянии обсудить такое милосердие Божие? <...> Об этом богатстве Божественной любви рассуждал Псалмопевец, когда говорил: *Бог – заступник мой, Бог мой, милующий меня* (Пс. 58, 18). Вот он, обсуживая, в какие затруднения поставлена жизнь человеческая, наименовал Бога помощником; и поскольку он от настоящей напасти принимает нас в вечное успокоение, то называет еще Его *приемлющим к Себе*. Но рассуждая, что Он видит наши пороки и терпит, виновности нашей снисходит, и несмотря на то через покаяние сохраняет нас к наградам, он не хотел назвать Бога милостивым, но назвал Его самой милостью, говоря: *Боже мой, милость моя*. Итак, вспомним о тех пороках, которые мы учинили, взвесим, с какою благостью Бог терпит нас; размыслим, как непостижима любовь Его, так что Он не только щадит виновность, но и обещает кающимся Царство Небесное; – и от всех помышлений сердца *говорим*, каждый от себя: *Бог мой, милость моя*, – Ты, Который живешь и царствуешь, Троичный в Единстве, и Единый в Троичности, в бесконечные веки веков. Аминь.

Григорий Великий Двоеслов, свт. Сорок бесед на Евангелия // Библиотека отцов и учителей Церкви. Т. VII. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения. М: «Паломник», 1999.

Свт. Кирилл Александрийский

<...> Домовладыка великаго дома – это Господь Бог, ибо дом – мир; Владыка же, создавший его – Бог. Виноградник Его – это природа человеческая; делатели виноградника – это святые, работающие для спасения людей. Первый час означает время благочестивых при Авеле, Енохе и Ное, ибо они были первыми богопочитателями, т. е. первыми делателями виноградника. Так Ной, – разумеи в духовном смысле, ибо духовны (таинственны) слова, – насадил виноградник. Сии работали до третьего часа. Время после третьего часа есть период Авраама, Исаака и Иакова, ибо и они делатели спасения нашего, трое по числу, почему и работали до шестого часа. От шестого часа – середина дня, когда солнце ярче освещает вселенную, – это время закона, потому что теперь именно озарил человечество заповедями закона истинный свет – Бог наш. Так, действительно *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9), и еще: *свет – повеления Твоя* (Ис. 26, 9).

От шестого часа – полдень. Действительно, когда преполовились времена от начала миротворения и до скончания времен, тогда в качестве полуденного луча послан был Моисей и Аарон, и вот культ закона до восьмого часа. Девятый же час – время духоносных пророков, ибо и они, как прекрасные делатели, были посылаемы Домовладыкой возделывать виноградник души нашей до десятого часа. Десятый час – пришествие Единородного; ибо на последок времен, по исполнении веков, снисшел к нам Сын Божий, Слово Бога; и как с одиннадцатого часа до двенадцатого остается один уже и последний час (время), так и от пришествия Христова до исполнения (веков) – одна година (время). Слушай, что говорит Иоанн: *Дети, последняя година есть* (1 Ин. 2, 18).

Ты видишь, что Владыка виноградника, вышедши в одиннадцатый час и найдя празднующих, нанял их. Кто ж эти праздные? Мы от языков, ибо праздны мы были от боговедения, праздны от добрых дел. И говорит им: *что zde стоите весь день праздны?* (Мф. 20, 6). Целым днем Он назвал время от начала творения мира до пришествия Его (Спасителя), ибо доселе язычники были праздны, не ведая Бога, *яко никто же нас наят*, отвечают. Благоразсудительны язычники: действительно, никто их не нанимал, – ни закон, ни пророки; последние были посылаемы к Израилю, а не к язычникам. Посему очень разумно отвечают, – *яко никто же нас наят*.

Но благий Домовладыка говорит: *идите и вы работать в винограде, и еже будет правда, дам вам* (Мф. 20, 7). И вот праздные стали делателями; ибо работает ныне сия Церковь, некогда бывшая праздною: работает лик апостолов, мучеников, подвижников, монашествующих, святых дев, девственников и живущих в честном браке. И заслуженно взяла сия Церковь один динарий. Так быстро работающий способен за один час сделать то же, что и трудившийся с раннего утра. Вот и разбойник за один час услышал: *Днесь со Мною будещи в раи* (Лк. 23, 43).

Но слушай, что говорят те: *мы понесли тяготу дне и вар* (Мф. 20, 12). Правду говорят они: язычники в период закона не несли тяготы ярма закона и, однако ж, были уравниены с первыми в работе. *Друже, говорит, аз не обижаю тебе*. Не обижают праведный Судия. А чтобы слова: *хощу сему дати, якоже и тебе*, ты не счел лицеприязнию, а не делом благодати, думай так: сколько бы мы ни делали, сколько бы ни трудились, мы ничего не делаем достойного: *вся правда человека, яко же порты нечистые* (Ис. 64, 6). Все есть дело благодати, как говорит Павел: *оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 24): *и не от дел, да никтоже похвалится* (Рим. 3, 24). Дар Божий не потому, что мы не трудимся, но потому, что ничего достойного награды не можем сделать. Ибо говорится: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключимы есмы, яко еже должны бехом сотворити, сотворихом*. В

самом деле, ты подаешь бедному хлеб, а получаешь в наследие Царство Небесное, – видишь, что значит: хочу дати...

А далее: *аще (ужели) око твое лукаво есть, яко Аз благ есмь* (Мф. 20, 15). Не сказал, что святые лукавы; напротив: не лукавы ли вы, так как Я благ? Ибо поистине Он благ по благодати. Не по работе, следовательно, и плата: труд ничтожен, а награда велика. Ты напоил жаждущего чашею воды, а получаешь *ихже око не виде и ухо не слыша* (Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9). Видишь, как Он благ. А начинает от последних к первым потому, что первые будут последними: и нареку не Мой народ народом Моим (Ос. 2, 23) и потом: *дондеже* (когда) *исполнение* (полное число) *языков внидет*; тогда и весь Израиль спасется (Рим. 11, 25) во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Кирилл Александрийский, свт. Проповеди / Под ред. А. Мирянова. Киев, 1899.

Блж. Феофилакт Болгарский

Царство Небесное есть Христос. Он уподобляется человеку, потому что принял наш образ. Он домовладыка, так как господствует над домом, то есть церковью. Сей-то Христос исшел из недр Отца и нанимает работников в виноградник, то есть для изучения Писаний и исполнения заповедей, содержащихся там. Можно и так понимать: Он нанимает всякого человека возделывать виноградник, то есть совершенствовать во благом собственную душу. Он нанимает одного утром, то есть в детском возрасте, другого – около третьего часа, то есть в отроческом возрасте, иного около шестого и девятого часа, на двадцать пятом или тридцатом году, вообще, в мужском возрасте, и около одиннадцатого часа – старцев, ибо многие уверовали, будучи уже старцами. Или иначе: под днем разумеется настоящий век, ибо в течение его мы работаем, как в течение дня. В первом часу дня Господь призвал Еноха, Ноя и их современников, в третьем – Авраама, в шестом – Моисея и живших вместе с ним, в девятом – пророков, а в одиннадцатом, под конец веков – язычников, у которых не было ни одного доброго дела: их «никто не нанимал», то есть ни один пророк не был послан к язычникам.

Вечер есть кончина века; при кончине все получают по динарию; динарий – это благодать Святого Духа, которая преобразует человека по образу Божию, делает его причастником Божеского естества. Более понесли труда жившие до пришествия Христова, так как тогда еще не была разрушена смерть, не был сокрушен дьявол, и был жив грех. Мы же, благодатью Христовой оправдавшись в крещении, получаем силу побеждать своего врага, уже прежде низложенного и умерщвленного Христом. По первому толкованию, те, которые в юности уверовали, несут более труда, чем пришедшие ко Христу в старости. Юноша переносит «тяготу» гнева и зной похоти, а старик спокоен от этого. Тем не менее все сподобляются одинакового дара Святого Духа. Притча научает нас, что можно и в старости чрез покаяние получить Царство Небесное, ибо старость и обозначается одиннадцатым часом. Но, согласно притче, не будут ли святые завидовать получившим равные с ними награды? Никоим образом. Здесь показывается только то, что блага, уготованные праведным, так обильны и высоки, что могли бы возбудить зависть.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Матфея. М.: «Лепта», 2005.

Свт. Феофан Затворник

В притче о наемниках и тот, кому один только час работать пришлось, был одинаково вознагражден Домовладыкою. Часы дня в этой притче – образ течения жизни нашей. Одиннадцатый час – последнее время этой жизни. Господь показывает, что и те, которые до этого срока дожили, не работая Ему, могут начать работать и угодить Ему не меньше других. Нечего, следовательно, отговариваться старостью и отчаиваться, полагая, что уже не к чему начинать. Начинай не робея; милостив Господь; все тебе даст, что и другим, и по чину благодати здесь, и по закону правды там. Только усердием побольше разгорись и посокрушеннее поскорби о нерадении, в котором проведена вся почти жизнь. Скажешь: там позвал хозяин, пусть и меня позовет Господь. А разве не зовет? Не слышишь разве в церкви гласа Господня: *придите ко Мне все* и апостольского призвания: *как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом* (2 Кор. 5, 20).

Феофан Затворник Вышенский, свт. Мысли на каждый день года. М.: «Правило веры», 2009.

Б. И. Гладков

Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19, 30). Евреи как народ, прежде всех призванный Богом, естественно считали себя первыми среди всех людей и рассчитывали быть такими же первыми и в будущей жизни. Обличая их заблуждение в этом отношении, Иисус уже не в первый раз объявил, что считающие себя здесь первыми будут в будущей жизни последними и, наоборот, считающиеся здесь последними могут сделаться первыми там, так как спасение не зависит от времени призвания или обращения.

Чтобы нагляднее выразить эту мысль, Иисус сказал притчу о работниках в винограднике. Владелец виноградника вышел рано поутру на торговую площадь нанять работников в свой виноградник и, договорившись с ними по динарию в день, послал их в виноградник свой работать. Часа через три он опять пошел на торжище и увидел там рабочих, стоящих праздно и ожидающих найма, и им сказал: «Идите в виноградник мой, и что следовать будет вам, дам вам». Они пошли. Выходил он в полдень и часа три спустя после полудня, и каждый раз посылал в свой виноградник рабочих, ждавших нанимателей. Наконец, вышел он перед заходом солнца, когда рабочий день приближался к концу и все-таки нашел на торжище многих, стоявших праздно, так как никто не нанял их. И их он послал в виноградник, обещая заплатить, что будет следовать по расчету. Когда наступил вечер, работавшие в винограднике ожидали, что получат плату сообразно количеству проработанных ими часов, но были удивлены, когда хозяин велел своему управителю выдать всем поровну, по динарию, начав выдачу с последних. Увидя, что пришедшие в последний час получили по динарию, работавшие целый день думали, что получают более; но когда и им дано было тоже по динарию, то стали роптать на хозяина, говоря: «Мы перенесли тягость целого дня и полуденный зной, а ты сравнивал нас с работавшими один только час, да и то во время вечерней прохлады». Обращаясь к одному из роптавших, хозяин кротко сказал: *друзь! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и поиди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр?* (Мф. 20, 13–15).

Главная мысль этой притчи такова: как работники виноградника получили все по динарию, независимо от количества часов, проведенных каждым из них за работой, так и в Царстве Небесном блаженство Вечной Жизни получают все удостоившиеся того, несмотря на время, употребленное ими, чтобы заслужить это блаженство. Прожившие всю жизнь свою добродетельно, исполняя всегда и во всем волю Божию, войдут в Царство Небесное наравне с теми, которые лишь в старости обратились к Богу. Примером тому служит разбойник, только перед смертью своей на кресте покаявшийся в грехах и признавший в распятом с ним Иисусе Сына Божия (см.: Лк. 23, 39–43).

Призывая к покаянию, Христос много раз говорил, что покаяться никогда не поздно. Притчей о блудном сыне... Он разъяснил, что даже на краю гибели от множества тяжких грехов не поздно бывает сознать всю гнусность их и в раскаянии пойти к Милосердному Богу. Притчей о работниках в винограднике Он успокоил даже таких грешников, которые, по преклонному возрасту своему, одной ногой стоят уже в могиле, подав и им надежду спастись и войти в Жизнь Вечную. Не надо только злоупотреблять этой притчей; не надо откладывать свое обращение к Богу, говоря – еще успею, так как никто из нас не знает, долго ли еще проживет и действительно ли успеет покаяться, если будет беспечно откладывать покаяние до более удобного, по своим понятиям, времени.

Такова главная мысль этой притчи. Выше уже было сказано, что бесполезно добиваться истолкования каждой мельчайшей подробности притчи, каждого отдельного слова ее; поэтому и мы не будем останавливаться на подробностях притчи о работниках в виноград-

нике, приводящих в недоумение многих толкователей. Скажем лишь о ропоте работавших целый день да о заключительных словах притчи.

Работавшие в винограднике с утра, т. е. люди, всю свою жизнь исполнявшие волю Божию и считавшие себя лишь Божиими работниками, получили наравне с другими по динарию, т. е. Вечной Жизни; но так как ропот на Бога и зависть к потрудившимся менее их несовместимы с праведностью вступающих в Царство Небесное, то следует признать, что они не роптали, что ропот и зависть приписаны им лишь для того, чтобы нагляднее представить слушателям величие Божиего милосердия. Если мы разделим эту притчу на две части и к первой отнесем рассказ о найме работников и повелении выдать всем одинаковую плату, а ко второй – ответ хозяина роптавшим, и если этот ответ сочтем за вывод Самого Иисуса Христа из притчи, то кажущееся противоречие устранилось: рассказав, как хозяин заплатил последнему рабочему, проработавшему всего один час, столько же, сколько и работавшим целый день, Иисус Христос как бы обратился к Своим слушателям с вопросом: «Вам покажется это несправедливым, обидным для трудившихся целый день? Но ведь они наняты были по динарию и получили свою плату сполна; хозяин виноградника никого не обидел, а если по доброте своей расплатился со всеми поровну, то кто вправе из-за этого роптать? Разве хозяин виноградника не властен поступать в своем деле, как хочет?»

Последние же слова Иисуса – так будут *последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных* (Мф. 20, 16) – не составляют (по мнению свт. Иоанна Златоуста) заключения, выведенного из притчи. Здесь первые не сделались последними, но все получили одну награду, сверх всякой надежды и ожидания. Но как здесь, сверх чаяния и ожидания, сбылось то, что последние сравнялись с первыми, так сбудется и еще большее и удивительнейшее, т. е. что последние окажутся впереди первых, а первые останутся за ними.

Гладков Б. И. Толкование Евангелия. СПб., 1913.

Еп. Мефодий (Кульман)

В простодушном вопросе апостола Петра: *что же будет нам?* слышалось некоторое самодовольство. Правда, это было детское самодовольство; Петр едва ли и сам ясно сознавал, что он своим вопросом о награде как будто хочет считаться с Господом, выставляя Ему на вид заслуги учеников, которые все оставили для Господа; однако же нельзя было не указать, к чему мог повести этот дух кичливого сравнения с другими, и Господь подавил это зло в самом зародыше дивным предостережением в прекрасной притче. Ибо Царство Небесное, сказал Он, подобно хозяину дома, в Царстве Небесном или в Церкви Божией бывает подобно тому, что случилось с одним домохозяином, который вышел рано по утру, с восходом солнца, на площадь, нанять работников в виноградник свой. Как это домохозяин сам вышел искать себе поденщиков, так и Христос Сам призывает к Себе делателей: *не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин. 15, 16), – говорит Он Своим апостолам. Всякая добрая мысль, доброе побуждение потрудиться для Господа, для спасения своей души, приходит от Господа: Господь зовет всех ко спасению, зовет трудиться в виноградник Свой благодатный, в Церковь Свою Святую; а от человека зависит – послушать или не послушать этот зов, принять к сердцу благодатное внушение или воспротивиться ему. В этом – свобода человека. «Рано поутру», с первых дней мира, начиная с первого человека Адама, Господь зовет людей трудиться для жизни вечной, обещая за «день» труда, за труды кратковременной сей жизни, которая в сравнении с вечностью не стоит называться не только «днем», но даже и одним часом, – «динарий» – награду вечного блаженства на небе. И, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой. Вышел около третьего часа, по нашему времени в девятом часу утра, он увидел других, стоящих на торжище, на торговой площади, праздно, без дела, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет по расчету и по моему усмотрению, дам вам. Они пошли. Как заботливый хозяин в горячую рабочую пору дорожит каждым часом, каждым лишним работником, и для этого не раз выходит на торжище, чтобы еще и еще пригласить людей для работы: так милосердный Господь, желая спасения людям, многократно и многообразно призывал людей через пророков и великих праведников ветхозаветных, а «в последние дни сии» – чрез единородного Сына Своего Господа Иисуса Христа.

Достойно замечания, что первые работники не пошли на дело без торга, без договора, тогда как после приглашенные, простодушно согласились, доверяя слову хозяина. Недоверие первых ясно обнаружилось потом, когда хозяин стал их рассчитывать; а доверчивость и смиренная надежда последних была оценена домовладыкой по достоинству и они получили более того, на что могли рассчитывать. Апостол Петр, слушая притчу, невольно при этом должен был попрекнуть себя за неуместный вопрос: «что же будет нам?» С Господом не подобает считаться: трудись, работай, исполняй Его святые заповеди, а награду – Ему предоставь. Он, милосердный, может поставить тебе в цену добра и того, чего ты, по смирению, и сам добром не считаешь, и подаст тебе более, чем можешь себе пожелать – будь в том уверен, ибо Он не забудет и чашу студеной воды, поданную во имя Его, и никому неприметного вздоха души, скорбящей о грехах, – тем паче не забудет подвигов любви, совершенных слугами Его.

Опять вышел около шестого, по нашему двенадцатый, и девятого часа, по нашему третий час, сделал то же, пригласил свободных рабочих в свой виноградник. Наконец, вышел около одиннадцатого часа, по нашему в пятом часу вечера, не больше, как за час до окончания работ, – ибо на Востоке солнце заходит не позднее семи часов, – он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: *Что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял.* В вопросе домохозяина: «Что же вы стоите без дела?» – слышится уже

некоторый упрек в праздности; но работники спокойно отвечают: «Мы рады трудиться, но никто нас не нанял». Хозяин выслушал их объяснение, и он говорит им: «Идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите». И те пошли. Когда же наступил вечер, время рассчитать поденщиков, говорит господин виноградаря управителю своему, который занимался счетами, расчетом с рабочими: позови работников и отдай им плату. Хозяин строго исполняет предписание Закона, по которому, нанятые работники, не должны ждать платы до вечера: в тот же день отдай плату ему, чтобы солнце не зашло прежде того, потому что он беден и ждет ее душа его. Но добрый хозяин велит начать расчет не с тех, которые работали с утра, начав с последних, которых, хотя и недолго, но зато особенно усердно работали, до первых. Он хочет дать понять этим первым, что напрасно они с ним договаривались, лучше бы им положиться на его доброту: тогда и они получили бы больше договоренной платы. И пришедшие на работу около одиннадцатого часа, получили по динарию за один час работы. Пришедшие же первыми, узнав от товарищей, как щедро они награждены, думали, что они получают больше, потому что дольше трудились, но ошиблись в расчете: но получили и они по динарию. Это очень их огорчило: и, получивши свой динарий, вместо того, чтобы упрекнуть себя за свое недоверие к доброму хозяину, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной: мы трудились целый день под палящим солнцем и зноем, а те работали всего один час и притом уже в прохладе вечера, когда работать не так тяжело, как среди дня, – и ты поравнял их с нами...

В этих словах работников ясно говорит зависть к товарищам, а зависть эта родилась от самомнения, от гордой оценки своих трудов. Подобным образом говорил и старший брат в притче о блудном сыне: *Я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне козленка, чтобы повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка* (Лк. 15, 29–30). И так в той притче добрый отец вразумляет сына, так и здесь добрый хозяин спокойно, но внушительно вразумляет недовольных наемников: он же в ответ сказал одному из них, тому, который громче и настойчивее других выражал свое неудовольствие: *Друг! Я не обижаю тебя: не за динарий ли ты договорился со мной? Я не уменьшил условленной между нами платы; своим договором ты сам лишил себя права спорить о плате, и обижаться тебе не следует. «Возьми свое и пойдешь; я же хочу дать заплатить этому последнему то же, что и тебе».* Это уж мое дело и до тебя нисколько не касается. С тобой я рассчитался, с другими – у меня другой счет. Что хочу, то и дам. Разве я не властен в своем делать, что хочу? Распоряжаться своим добром, как хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр? – так будут последние первыми, заключил Господь эту притчу, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных. Последние работники, за свое смирение, за полную преданность господину, первыми получили плату, и притом плату целого дня; а первые, за свою ропотливость, за самомнение, за недоверчивость к господину, получили лишь условленную плату и вдобавок – урок: не завидовать товарищам и не мечтать о себе. Вот так же может лишиться Божьего благоволения и тот, кто будет гордиться своими добрыми делами, кто будет исполнять заповеди Божии, не ради любви к своему Спасителю, в смирении очищая свое сердце от страстей, а ради того, чтобы подобно фарисею похвалиться своей праведностью, ожидая себе не милости, а должной награды от небесного Домовладыки...

Дела необходимы, потому что без них и самая вера мертва; но все они – только долг наш, а не заслуга перед Господом. Кто исполняет этот долг со смирением, к тому нисходит спасающая благодать Божия; а кто исполняет этот долг в горделивом сознании своей правоты, тот лишается этой благодати и погибает. Поэтому, как бы ни были велики твои труды и подвиги, без смирения они пред Богом ничто. Вот почему много званых, но мало избранных. Без Божией благодатной помощи мы не можем сделать ни одного истинно доб-

рого дела. «Ведайте, – говорит свт. Златоуст, – что мы нанятые работники. А если работники, то должны знать, какая у нас работа, ибо работник без дела быть не может. Наши дела и есть добродетели, не то, чтобы обрабатывать виноградники, но то, чтобы приносить пользу ближним. И как никто не нанимает работника затем только, чтобы он готовил себе самому пищу: так и Христос призвал нас не затем, чтобы мы делали только для себя полезное, но чтобы и то делали, что ведет к славе Божией. Мы все время жизни должны употреблять во славу Божию, и только малую часть – на наши временные нужды... Наемник, если в какой-то день не исполнил своего дела, стыдится войти в дом господина и просить у него хлеба: каким же образом ты не стыдишься войти в церковь и стоять пред лицом Божиим, когда ничего доброго пред лицом Божиим ты не сделал?...» Притча эта оправдалась во всей силе над иудеями. Они были первозванным народом в Царствии Божием; они долго под тяжестью закона трудились, но бесполезно, ибо они кичились своим избранием, презирали язычников, и потому были отвергнуты, а язычники, в смирении последовавшие проповеди Евангельской, прежде них вошли в Царствие Божие, в Церковь Христову. Но тоже может случиться и с нами, христианами. <...> Милосердный Господь, и нас зовет к Себе от самого крещения; но так как мы не внемлем этому зову Божию, то Он снова и снова призывает нас или действием на сердца наши слова Божия, или особенными обстоятельствами нашей жизни. В Церкви никому нельзя оправдываться так, как оправдывались работники: «никто не нанял нас»; все должны знать, чего требует Христос от призываемых ко спасению. И знаем мы это, но одни из нас исполняют эти требования как наемники, любуясь, как фарисеи, своей исправностью и мечтая о награде; другие отлагают исполнение со дня на день, обманывая свою совесть ложной надеждой на Божие милосердие: «успеем – покаемся»; третьи просто живут во грехе, забывая о Боге и беспечно предаваясь своим страстям. Господь стоит у дверей сердца каждого из нас и говорит: *Будь ревностен и покайся. Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною. Имеющий ухо да слышит!* (Откр. 3, 19–22). И чаще всего на этот зов благодати откликаются безответные грешники, которым и на мысль не приходит любоваться какими-либо заслугами перед Богом: они каются и спешат остаток дней своих посвятить всецело Господу. И вот, окончится время деланья, – эта – настоящая жизнь; настанет вечер и последний расчет – суд по смерти, а затем и день всеобщего воздаяния; предстанут на этот суд люди всех времен и всех возрастов, и – кто знает? Может быть, тогда мы, считающие себя порядочными христианами за свою мнимую исправность, окажемся хуже грешников. «Если святые, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – и в настоящей жизни полагают души свои за грешников, то, видя их там наслаждающимися уготованными благами, они тем более радуются и почитают это собственным блаженством». А потому гордые и завистливые делатели будут совсем отвержены от лица Божия. Он видит самые сокровенные движения нашего сердца. Кто отлагает покаяние и добрую жизнь, тот этим показывает, что он любит грех больше, чем Господа Бога. Но будет немало и таких, которые приносят покаяние в последний час, которые глубоким смирением, самоуничижением восполняют недостаток подвигов в доброделании и которых мы, может быть, считаем последними грешниками... Не рассчитывай на какое-то свое право перед Господом, но все принимай, как дар Его милосердия и незаслуженной тобой благодати. <...> Прекрасное приложение этой притчи Господа делает свт. Иоанн Златоуст в своем неподражаемом Пасхальном слове: «Кто благочестив и боголюбив? Да насладится ныне сим святым и светлым торжеством! Кто раб благоразумный? Да внидет с радостью в радость Господа своего! Кто потрудился среди поста? Да примет ныне динарий! Кто работал с первого часа? Пусть получит всю должную плату! Кто пришел и после третьего часа? Благодарите и веселись! Кто успел прийти только после шестого часа? Пусть не беспокоится, ибо ничего не лишится. Если бы ты замедлил и до девятого часа, то вступи без всякого опасения. Когда бы даже иной успел прийти только в одиннадцатый час,

то и такой да не страшится своего замедления. Ибо Домовладыка наш любочестив и щедр: приемлет и последнего, как первого; успокаивает пришедшего в одиннадцатый час так же, как и трудившегося с первого часа. Он и о первом печется, и о последнем милосердствует; и тому дает, и сему дарует; о делах радуется, но и намерения с любовью приемлет; действию воздает всю должную честь, но и доброе расположение хвалит. Итак, все войдите в радость Господа своего! Первые и последние получите награду! Богатые и бедные ликуйте друг с другом! Трудившиеся и нерадивые, почтите настоящий день! Постившиеся и не постившиеся возвеселитесь ныне! Трапеза обильна: все насыщайтесь!.. Все насладитесь пиршеством веры, все воспользуйтесь богатством благодати!..»

Мефодий (Кульман), еп. Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея. Буэнос-Айрес, 2004.

Архиеп. Аверкий (Таушев)

Эта притча имеет целью уяснить, как может показаться, что «последний будет первым». Сделает это милосердие, благодать Божия. Царствие Божие представляется здесь под образом домохозяина, нанимающего работников в свой виноградник. Сговорившись с первыми, нанятыми им поутру по «пенязю (или по динарию) на день», он при расплате дал по динарию же и всем остальным, которые начали работу не с утра, а позже: с 3-го, 6-го, 9-го и даже с 11-го часа. Пришедшие первыми начали роптать на такую расплату, считая ее несправедливой, но домохозяин на это возразил: «Друг, я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди; я же не хочу дать этому последнему то же, что и тебе, разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?»

«Пенязь», или динарий, равнялся десяти римским ассам или одной греческой драхме <...> что составляло на востоке обычную поденную плату. День у евреев делился на 12 часов, которые отсчитывались с утра, начиная от восхода солнца. Смысл этой притчи тот, что Господь Сам распоряжается наградами за служение Ему: люди не могут входить с Ним в какие-либо договоры или заключать условия. Вознаграждает Господь людей единственно по Своей благодати. Надо знать также, что в деле спасения человека так мало делается самим человеком, что о возмездии по долгу не может быть и речи. Господь вознаграждает не по долгу, а по благодати: следовательно, с полной свободой, по Собственному Своему усмотрению. Поэтому, кто меньше подвизался, может получить не меньше много подвизавшегося. В этом заключается надежда грешников, которые одним покаянным вздохом, исходящим из глубины души, могут привлечь милосердие Божие и благодать, очищающую их грех. Какая была цель этой притчи? Петр только что спрашивал: *вот мы оставили все и последовали за Тобой: какая нам за это будет награда?* Господь не обличил сразу этой гордости младенствующего ума, а как бы наоборот – даже обещал апостолам высокую награду, но сейчас же рассказанной притчей показал, что награда зависит не от заслуг человеческих, а исключительно от милости Божией, что может даже получиться так, что первые по заслугам получают последнюю награду, а последние по количеству заслуг, призванные Господом в последний момент жизни могут получить первую награду. В заключение притчи Господь сказал: *Мнози бо суть звани, мало же избранных*, т. е. хотя и многие, собственно все призываются к вечному блаженству в Царствии Небесном, избранными для этого блаженства оказываются лишь некоторые, немногие. Конечно, как и во всяких притчах, и в этой притче не следует отыскивать значения каждой отдельной черты: важна лишь основная идея, основная мысль ее, что человек награждается Богом не по количеству заслуг своих, а единственно по милосердию Божию.

Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

Притча о двух сыновьях

А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие (Мф. 21, 28–31).

Свт. Иоанн Златоуст

Христос, проклиная смоковницу, представляет этим доказательство Своей силы и власти к отмщению; и это видно именно из слов: *не у бо бе время*. Слова эти показывают, что Христос подошел к смоковнице с особым намерением, не для того, чтобы утолить голод, но ради учеников, которые весьма удивились тому, что смоковница засохла, хотя много было чудес и важнее этого. Но для учеников, как я сказал, такое чудо было новым и неожиданным, потому что Христос в первый еще раз показал Свое правосудие и отмщение. Поэтому Господь сотворил чудо не над другим каким-либо деревом, но над смоковницею, – деревом, которое сочнее всех, так что чудо показалось от этого еще более необыкновенным. Но, чтобы ты знал, что это сделано ради учеников, именно для ободрения их, – выслушай следующие слова. Что Христос говорит? Вы и большие чудеса сделаете, если будете иметь веру, соединенную с молитвою и упованием. Видишь ли, что все для учеников было сделано, чтобы они не страшались и не трепетали вражеских козней? Потому и в другой раз повторяет то же, чтобы утвердить их в вере и молитве. Не только это сделаете, говорит Он, но силою веры и молитвы и горы будете переставлять, и творить другие, еще большие чудеса. Между тем гордые и надменные иудеи, желая прервать беседу с учениками, подошли к Нему с вопросом: *кою властию сия твориши* (Мф. 21, 23)? Так как иудеи не могли унижить Его чудес, то выставляют Ему поступок Его в храме с торжниками. Подобный вопрос предложили они и у евангелиста Иоанна, хотя не теми же словами, но в том же смысле. Они там говорят: *кое знамение являеши нам, яко сия твориши* (Ин. 2, 18)? Там Христос отвечает им: *разорите церковь сию, и трети денми воздвигную* (Ин. 2, 19), а здесь Он приводит их в крайнее затруднение. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Иоанном, был в начале служения Иисуса, когда Он только что начал творить чудеса, а описываемый Матфеем был при конце его служения. Смысл же вопроса иудеев был такой: получил ли Ты кафедру учительскую, или рукоположен ли во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христос ничего не сделал, что бы показывало гордость, а только проявил заботу о благочинии церковном, однако иудеи, не имея совершенно ничего сказать против Иисуса, ставят Ему в вину и это. Впрочем, по причине чудес они не смели ничего сказать Ему в то время, когда Он изгнал торжников из храма; но укоряют Его уже после, когда увидели Его. Что же Христос? Он не прямо отвечает на их вопрос, показывая тем, что они могли знать о Его власти, если бы захотели, – но Сам спрашивает их, говоря: *крещение Иоанново от-куду есть? С небесе ли, или от человек* (Мф. 21, 25)? Но как это относится к делу? спросишь ты. И очень. Если бы они сказали: *с небесе*, Он отвечал бы им: *почто убо не веровасте ему?* потому что, если бы верили, то и не спросили бы об этом, так как о Нем говорил Иоанн: *несмы достоин отрешити ремень сапогу Его* (Лк. 3, 16); и еще: *се Агнец Божий, вземляй грех мира* (Ин. 1, 29); 5 и также: *сей есть Сын Божий* (Ин. 1, 34); и еще: *грядый свыше, над всеми есть* (Ин. 3, 31); и опять: *лопата в руку Его, и отребит гумно Свое* (Мф. 3, 12). Поэтому, если бы иудеи поверили Иоанну, то не было бы никакого затруднения для них знать, какою властью Христос делает это. Далее, так как иудеи с лукавством отвечали Ему: *не вемы*, то Христос не сказал им: и Я не знаю; но что же? *Ни Аз вам глаголю* (Мф. 21, 27). Если бы они в самом деле не знали, то надлежало бы научить их; но так как они поступали лукаво, то Христос справедливо ничего не отвечает им. Почему же иудеи не сказали, что крещение Иоанново было *от человек*? Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богом всюду пренебрегают, а для людей все делают. И Иоанна боялись ради людей, уважая святого мужа не ради него самого, но ради народа; ради народа они не хотели веровать и в Иисуса Христа, – и вот где источник всех зол для них! Далее, Иисус Христос говорит им: *что ся вам мнит? Человек имяше два сына, и первому рече: иди, днесь, делай в винограде моем. Он же отвещав рече:*

не хочу; последи же раскаявися, иде. И приступи к другому рече такоже. Он же отвещав рече: аз, Господи, и не иде. Кий от обою сотвори волю отчу? Глаголаша: первый (Мф. 21, 28–31). Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Здесь под двумя сыновьями разумеется то, что случилось с язычниками и иудеями. Первые, не давая обещания в послушании и не слышав закона, самым делом оказывали повиновение; а последние, хотя говорили: *вся, елика рече Бог, сотворим и послушаем* (Исх. 19, 8), на деле не оказывали покорности закону. Поэтому, чтобы иудеи не подумали, что закон приносит им пользу, Христос показывает, что это-то самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: *не слышателие закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся* (Рим. 2, 13). Поэтому, для того, чтобы иудеи осудили сами себя, Спаситель заставляет их самих произнести приговор. Так же точно Он делает и в следующей притче о винограде.

Здесь Христос заставляет иудеев также осудить самих себя в другом лице. Так как они не хотели прямо сознаться в своей вине, то Христос притчею доводит их до предположенной цели. Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже открывает им самый смысл притчи, и говорит: *яко мытари и любодейцы варяют вы в царствии Божием. Прииде бо к вам Иоанн путем праведным, и не веровасте ему, мытари же вероваша ему; вы же видевши, не раскаястесь последи веровати ему* (Мф. 21, 31, 32). Если бы Он просто сказал: блудницы прежде вас войдут в царство Божие, то Его слова показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них кажутся не так тяжкими. Для этого же Он приводит и причину. Какую же? *Прииде Иоанн*, говорит Он, *к вам*, а не к ним, и притом *путем праведным*. Вы не можете обвинять его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь безукоризненную, и имел большую попечительность; и однако вы не послушали его. После этого следует другое осуждение, т. е. что мытари уверовали; затем еще обвинение, именно: вы даже и после них не поверили ему, а это вам надлежало сделать прежде мытарей; то же, что вы не сделали этого даже и после них, не заслуживает никакого прощения, и потому мытарям большая похвала, а вам – осуждение. Иоанн пришел к вам – и вы не приняли его; он не приходил к мытарям – и они приняли его, а вы не вразумились их примером. Заметь, как много доказательств является к похвале мытарей и осуждению иудеев. К вам пришел Иоанн, говорит Он, а не к ним; вы не поверили – это их не соблазнило; они поверили – это вам не принесло пользы. Слово же: *варяют* не потому сказано, что иудеи последуют мытарям, но что и они, если захотят, могут войти в Царствие Божие. Подлинно, ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность. Поэтому Христос всегда говорит: последние будут первыми, и первые последними. Для того и представляет Он в пример блудниц и мытарей, чтобы иудеи возревновали. Грех блудниц и грех мытарей – два величайшие греха, происходящие от грубой любви, в первом случае к телу, в последнем – к деньгам. Притом Христос научает, что верить Иоанну значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в Царствие Божие не по одной благодати, но и по правде, потому что входят они не как уже блудницы, но как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Видишь ли, как Христос сперва притчею, а потом указанием на блудниц делает слово Свое не столь тяжким для иудеев, а между тем весьма сильным? Он не вдруг сказал им: почему вы не поверили Иоанну? но – что было гораздо поразительнее – сперва указывает на мытарей и блудниц, а потом уже говорит это, самыми делами доказывая, что иудеи были недостойны прощения, и показывая, что они делают все из боязни к людям и ради суетной славы. Действительно, они и во Христа не веровали из-за страха, чтобы не быть отлученными от синагоги; равно и Иоанна не осмеливались осуждать, не по благочестию, но также по страху. Обличив иудеев во всем этом, Христос наконец наносит им самый тяжкий удар, говоря: *вы же видевши не раскаястесь последи веровати ему*. Худо не делать доброго в самом начале; но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не

исправляется. Это особенно делает многих нечестивыми. Я даже и теперь вижу, как то же самое случается с некоторыми по причине крайнего их жестокосердия. Но пусть никто не будет таким бесчувственным, и если бы даже кто впал в величайшее нечестие, пусть и тогда не отчаивается в своем исправлении; легко выйти из самой глубокой бездны нечестия. Или вы не слыхали, как одна блудница, превосходившая всех своим распутством, после превзошла всех благочестием? Не о евангельской блуднице я говорю, но о той, которая на нашем веку была в финикийском городе, самом незаконном. Эта блудница была некогда и у нас, считалась первою актрисой в театре, и имя ее повсюду было известно, и не в нашем только городе, но даже у киликийцев и каппадокийян. Она многих разорила; многих пустила сиротами; многие даже подозревали ее в чародействе, будто она завлекала в свои сети не только красотой телесною, но и колдовством. Эта блудница прельстила даже брата царицы: так велика была ее сила! Но вдруг, – не знаю каким образом, только знаю верно, – она добровольно переменялась, привлекла на себя благодать Божию, презрела все прежнее и, бросив дьявольское очарование, прибегла к небу. И хотя не было никого бесстыднее ее, когда она была на сцене, однако после она многих превзошла своим великим целомудрием, – и одетая во вретиче, она подвизалась так всю свою жизнь. И когда начальник города, по наущению некоторых людей, хотел возвратить ее на сцену, то посланные им воины с оружием не могли привести ее назад и взять от дев, которые приняли ее к себе. Удостоенная неизреченных тайн, явив ревность достойную благодати, она кончила жизнь омытая от всех грехов, и после крещения являла уже великое благочестие. Она даже не хотела взглянуть на прежних своих приятелей, приходивших к ней, и, заключившись в уединении, многие годы провела как бы в темнице. Так первые будут последними, и последние первыми! Так нам нужно быть всегда ревностными, – и тогда ничто не воспрепятствует сделаться нам великими и дивными.

Итак никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть последний не надеется на себя, так как может случиться, и очень часто случается, что блудница предварит его. Равно и грешник пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первых. Послушай, что говорит Бог Иерусалиму: *рекох повнегда прелюбодействовати ему во всех сих: ко Мне обратися: и не обратися* (Иерем. 3, 7). Когда мы с пламенной любовью обращаемся к Богу, то Он не поминает прежних наших грехов. Бог – не как человек: Он не укоряет уже в том, что прошло, и, когда мы раскаиваемся, не говорит нам: для чего вы столько времени удалялись от Меня? но уже любит нас, когда мы приходим к Нему, если только приходим к Нему как должно. Итак, соединимся с Господом пламенной любовью; *пригвоздим страху Его* сердца наши. Примеры подобного рода можно видеть не только в Новом, но и в Ветхом завете. Кто был хуже Манассии? Но он смог умилоствовать Бога. Кто был счастливее Соломона? Но он, предавшись беспечности, пал. Я могу даже показать и то, и другое в одном лице, именно в лице Соломона: он был и добродетелен, и грешен. Кто был блаженнее Иуды? Но он сделался предателем. Кто был хуже Матфея? Но он сделался евангелистом. Кто был более достоин сожаления, как не Павел? Но он, сделался апостолом. Кто был ревностнее Симона? Но и он сделался несчастнее всех. Сколько можно видеть и других примеров, подобных перемен, бывших и в древние времена, и ныне случающихся каждый день! Поэтому-то я говорю, что ни тот, кто играет на сцене, не должен отчаиваться, ни тот, кто остается верным сыном Церкви, не должен быть самонадеянным. Господь говорит последнему: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12); а первому: *еда падаяй не възстае* (Иерем. 8, 4)? И еще: *укрепите руце ослабленыя и колена разслабленая* (Ис. 35, 3). *Бодрствуйте*, говорит Он опять благочестивым; а нечестивым: *востани спяй, и воскресни от мертвых* (Ефес. 5, 14). Одни должны хранить то, что имеют; другие должны приобретать то, чего не имеют. Одни должны сберечь свое здоровье, другие – излечиться от болезни, так как много страждут. Но многие и больные возвращают себе здоровье, и здоровые, при беспечности, впадают

в болезнь. Поэтому Господь говорит одним: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14); а другим: *хочещи ли цел быти? Встав, возми одр твой и иди в дом твой* (Ин. 5, 6, 8; Мф. 9, 6). И подлинно, грех есть тяжкий, очень тяжкий недуг расслабления, или лучше – не такой только этот недуг, но нечто еще и более тяжелое. Такой человек не только не делает ничего доброго, но делает еще злое. Впрочем, хотя бы находился ты и в этом состоянии, если захочешь несколько восстать, весь недуг твой пройдет. Хотя бы тридцать восемь лет ты страдал, если только пожелаешь быть здоровым, ничто не воспрепятствует. И ныне предстоит Христос и говорит: *возми одр твой!* Только пожелай восстать, не отчаивайся. Ты не имеешь человека? Но имеешь Бога. Ты не имеешь, кто бы опустил тебя в купальню? За то имеешь Того, Кто и не допустит тебя иметь нужду в купальне. Ты не имеешь, кто бы помог тебе? Но за то имеешь Того, Кто повелевает тебе взять одр. А потому ты и не можешь теперь сказать: *егда прихожду аз, ин прежде мене слазит* (Ин. 5, 7). Если захочешь только сойти на источник, никто не воспрепятствует. Благодать не истощается, и не оскудевает. Этот источник струится беспрестанно, и от полноты его мы можем исцелить и души, и тела наши. Итак приступим же теперь. И Раав была блудницею, однакож она спаслась; и разбойник был человекоубийцей, но и он поселился в обителях райских. Иуда, будучи с учителем, погиб, а разбойник, будучи и на кресте, сделался учеником. Так непостижимы пути Божии! Волхвы угодили Богу, мытарь сделался евангелистом, гонитель Бога – апостолом.

Представляй это и никогда не отчаивайся, но всегда надейся и ободряй самого себя. Спешь только скорее вступить на путь, ведущий на небеса, чтобы не заключены были для тебя двери и не загражден вход. Коротко настоящее время, и труд не велик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, все-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные и награду великую? Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских непрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата денег, а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но принесут великие плоды; все же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь наслаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах; а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды поднимаются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует и непродолжителен; а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного. Там не должно страшиться никакой перемены, никакого несчастья, как это бывает здесь. Что это за блага, которые непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своем появлении, а между тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из настоящей жизни увенчивается и утешается, освобождаясь от всякого бесчестия, посмеяния, опасностей, обвинения и от всех других зол. Точно так же и все другие виды добродетели здесь еще доставляют

нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели. Таким образом мы и здесь будем утешаться и будущих удостоимся благ, которых все мы да сподобимся получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Т. 1–2. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

Блж. Иероним Стридонский

Это те два сына, которые описываются и в притче Евангелия от Луки, т. е. благоразумный и развратный, и о которых говорит Захария пророк: *Возьму Себе два жезла, и назову один – благоволением, другой – узами, и ими буду пасти овец.* Под именем первого говорится о язычниках с указанием на естественный закон: *Пойди, работай в винограднике Моем, то есть не делай другому того, чего не хочешь, чтобы было с тобой.* А он горделиво ответил: *Не хочу.* После же, по пришествии Спасителя, раскаявшись, он трудился в винограднике Божиим и упорство, обнаруженное в слове своем, исправил своим трудом. А под вторым разумеется сын – народ иудейский, который отвечал Моисею: *Все, что ни скажет Господь, мы сделаем* и не пошел в виноградник, потому что, убив Сына домохозяина, считал себя наследником. Другие же думают, что это притча не об язычниках и иудеях, а просто о грешниках и праведниках, потому что и Господь после в таком же смысле разрешает вопрос.

Истинно говорю вам, что мытари (сборщики податей) и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, – потому что они, злыми делами отказавшиеся от служения Богу, по совершении покаяния приняли крещение от Иоанна. А фарисеи, предпочитавшие праведность и хваставшиеся исполнением заповедей закона, отвергли крещение Иоанна и не исполняли заповеди Божии. Поэтому Он говорит: *Ибо пришел к вам Иоанн путем праведности; и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему.*

Далее слова: *Кто из двух исполнил волю отца?* и на них ответ: *Последний,* не найдется, – это должно знать, – в подлинных списках, а в них стоит: *первый,* так что они осуждаются собственным судом. Но если бы мы захотели прочитать: *последний,* то значение этого места очевидно: мы можем сказать, что в действительности иудеи понимали истинное значение [притчи], но употребляют хитрость и не хотят сказать, что понимают; подобно тому, как и о крещении Иоанна они не хотели высказаться, хотя и знали, что оно с неба.

Иероним Стридонский, блж. Толкование Евангелия. Минск: «Лучи Софии», 2008.

Прп. Иоанн Дамаскин

Итак, братия, обращаюсь ко всем вам, носящим на себе имя верных и удостоившихся именоваться народом Христовым! Не посрадим имени своего и не помрачим веры нашей делами беззакония. Не довольно для нас одного названия верующих: нет, мы должны показать веру нашу от дел. Писание говорит, что у одного отца было два сына, и первому из них отец сказал: иди, работай в винограднике. Сын дал обещание, но не исполнил его. То же самое отец сказал и другому сыну. Но сей, отказавшись на словах, исполнил волю отца на деле; посему первый заслужил порицание, а последний похвалу (см.: Мф. 21, 28–31). Так и нам должно помнить то отречение и то сочетание, к которым мы обязались в Крещении. Станем отвергаться диавола, аггелов его и всякого служения дабы остаться верными своему обязательству. Дела же диавола суть: прелюбодеяния, любодеяния, зависть, вражды, ссоры, лицемерие, злословие, осмеяние, гнев, злопомнение, осуждение, клеветы, волшебство. Признаки неверия: немилосердие, ненависть, плотская любовь, вожделение плоти, скупость, роскошь, пьянство. Служение диаволу: высокомерие, тщеславие, самолюбие, надменность, гордость, привязанность к украшениям тела. Отвергнув все сие, прилепимся ко Христу и возревнуем о добродетелях, – чистоте, целомудрии, убожестве, терпении, мире, любви, сострадании, милосердии, щедрости к бедным, о благоприличии в обхождении, одежде и поступи, о справедливости, смирении, и в особенности, об унижении Христовом, дабы соделавшись участниками Христу в страданиях, могли мы участвовать и в славе Его, и приносить живую, непорочную жертву Богу и Отцу в Церкви первородных, в жилище веселящихся!

Наконец к тебе обращаю слово, возлюбленная невеста Христова! Возлюби достойным образом Того, Кто возлюбил тебя до конца. Отверзи храмину сердца твоего, да вселится в тебе Христос со Отцем и Духом. Исторгни из него все земное, дабы уготовить путь Христу. Отринь тщетную славу, которая есть мать неверия, по слову Христову: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (Ин. 5, 44). Изгони из страны сердца твоего всякое мечтание о себе. Все высокоумные нечисты пред Богом: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6). Удали от себя всякое самоуслаждение и самодовольство, дабы покоряться закону Единного Бога: и Он управит тебя в пристанище воли своей. Не вводи другого жениха в чертог сердца твоего: ибо Христос, Жених твой, ревнует по тебе. Он весь есть сладость и желание. Ему одному отверзи сердце твое, и воззови к Нему: сердце мое уязвлено, любовь к Тебе распалила меня, и изменила меня совершенно, Господи! Я побеждена любовью к Тебе; вниди в чертог Твой я облобызаю следы Твои. Ибо я недостойна того, чтобы сказать Тебе: облобызай меня лобзанием уст Твоих! (ср.: Песн. 1, 1). Живи и ходи во мне, по неложному Твоему обетованию, и соделай меня храмом Пресвятого Духа! Повелевай сердцем моим, Господи! и господствуй над ним. Оно твое наследие, и сотвори у меня обитель вместе с Отцем и Духом, распространяй во мне владычество Твое, – действия Всесвятого Твоего Духа! Ибо Ты Бог мой, и я прославлю Тебя со безначальным Твоим Отцем, и с благим и животворящим Твоим Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Иоанн Дамаскин, прп. Беседа на иссохшую смоковницу и притчу о винограде // Христианское чтение. СПб., 1835. Ч. 1.

Блж. Феофилакт Болгарский

Господь приводит здесь два рода людей, из которых одни сначала дали обещание – таковы были иудеи, говорившие некогда: «все, что сказал Бог, сделаем и будем послушны», а другие – люди, первоначально не покорявшиеся, каковы блудницы и мытари, равно и язычники; все эти люди сначала не слушались воли Божией, а, в конце концов, покались и послушались. Заметь здесь премудрость Христа: Он не сказал фарисеям сначала: «мытари и грешники лучше всех вас», нет, Он сперва уловил их. Они сами признали, что из двух сыновей более покорный тот, который на деле исполнил волю отца. Когда же они признали это, Господь прибавил: «пришел Иоанн путем праведности», т. е. жил безупречно; вы не можете сказать, что его жизнь в чем-нибудь была предосудительна. Однако же в то время как блудницы послушали его, вы – нет; потому они и предваряют вас, т. е. вперед входят в Царство Божие. Постарайтесь же и вы, уверовав, войти хотя бы после них. Если же не уверуете, то и вовсе не войдете. И ныне многие дают обет Богу и отцу стать иноками или священниками, но после обета не хранят усердия, а другие не давали обета об иноческой или иерейской жизни, но проводят жизнь, как иноки или иереи; так что послушными чадами оказываются Они, так как исполняют волю отца, хотя и ничего не обещали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.